

Алла Белолипецкая

МОСКВА

2087

2087 год. У человечества возникает шанс обратить вспять глобальную катастрофу, вызванную трансмутацией. И помочь в этом должна новейшая биотехнология, благодаря которой можно возвращать к жизни безликих зомби. Они приобретают новый облик — и внешне становятся обычными людьми. Но чем отплатят возвращенные своим спасителям? И какую цену придется уплатить за внедрение этой технологии её гениальному создателю — Максиму Берестову?

Сентябрь 2086 года

Москва — столица Российской Федерации

1

Макс считал, что он никогда не привыкнет к бумажным газетам и журналам. Он родился в 2052 году, и его детство и юность пришлись на времена, когда никто и не помышлял о грядущем крахе Глобалнета. Все СМИ выходили тогда почти исключительно в электронном виде, оставляя крохотные печатные тиражи для всяких причудников и ретроградов.

И вот теперь, когда реальный возраст Макса составлял тридцать четыре года — притом что выглядел он на неполные двадцать, — он сидел в квартире своего отца на Большой Никитской улице, и перед ним на журнальном столике белела целая кипа газетных листов. Конечно, Макс вполне мог бы воспользоваться особой компьютерной сетью для представителей истеблишмента и сверхкрупного бизнеса — Корпнетом. Однако он хотел выяснить, что думают о грядущих событиях все те, кто к Корпнету доступа не имел. А то и вовсе считал его атрибутом зажавшейся элиты и бессовестных толстосумов.

— И что вы обо всем этом думаете? — спросил человек, сидевший от Макса по другую сторону журнального стола, и постучал согнутым указательным пальцем по той газете, что лежала сверху.

«Перерождение» готовит миру новый Апокалипсис? — таков был заголовок статьи, которую опубликовала три дня назад одна из влиятельнейших московских газет «Третий Рим». Кое-кто даже сравнивал её с «Таймс» времен королевы Виктории. И автор газетной статьи в пух и прах разбивал идею возможного внедрения технологии реградации, которая якобы позволяла вернуть к нормальной жизни прежних безликих. Уж Макс-то знал: никакое это было не «якобы», а непреложный факт. Видел результаты собственными глазами. Но — трудно было отказать в здравом смысле автору, когда тот вопрошал: «Кто-нибудь имеет представление о том, какими станут долговременные последствия широкого внедрения этой, с позволения сказать, панацеи? И, самое главное: каким способом станут получать экстракт Берестова для тех безликих, родственники которых сумеют найти средства для осуществления этой процедуры? Корпорация «Перерождение» пока предпочитает помалкивать о том, какой будет цена вопроса. Однако было бы наивно полагать, что осуществлять процедуру реградации станут на основе принципов безвозмездности и альтруизма».

— Да уж какой там альтруизм... — пробормотал Макс.

Если бы у него только была возможность бесплатно вернуть человеческий облик всем тем, кто пострадал из-за великой и ужасной технологии трансмутации, которую он, Максим Алексеевич Берестов, открыл десять лет тому назад! Увы: реградация — анонсированная новинка от «Перерождения» — обещала стать еще более дорогостоящей, чем её предшественница. Ни самому Максиму, ни всем вместе акционерам «Перерождения» не хватило бы денег, чтобы сделать эту технологию общедоступной. Журналист был прав: чтобы безликий обрел новое лицо, кто-то другой должен был это лицо ему предоставить. Конечно, существовала возможность единичных случаев, когда донорами будут становиться

преступники, приговоренные к принудительной экстракции. И это резко снизило бы стоимость процедуры. Но и тогда не сделало бы её бесплатной.

— Главное тут — не финансовая сторона вопроса. — Человек по другую сторону журнального стола вздохнул, и Макс с трудом подавил раздражение: вздох этот показался ему откровенно театральным. — И вы отлично понимаете, что не в деньгах дело.

Да, Макс понимал это превосходно. Равно как понимал он и другое — *что* он, Максим Берестов, должен будет сделать, если хочет победить в противостоянии с этим человеком. Делать это Максу было мучительно и страшно — невзирая на все доводы рассудка. Потому-то он всё отодвигал и отодвигал сроки — лелея крохотную надежду, что каким-то чудом он сумеет мерзкого деяния избежать. Сможет своего теперешнего визави переубедить.

Да и не все ведь разделяли пессимизм «Третьего Рима»!

Шанс на новую жизнь — не миф! — провозглашал заголовок очень популярной у горожан газеты «Новый московский вестник». И тут автор превозносил до небес те возможности, которые таит в себе реградация. «Спасение для человечества» — так автор статьи назвал новую технологию от корпорации «Перерождение». По его мнению, это был не просто новый прорыв в области биоинженерии. «Это нежданная надежда для всех, кто уже давно отчаялся когда-либо вновь поговорить со своими близкими, — писал журналист. — Посмотреть им в глаза — даже если теперь они будут казаться глазами незнакомых людей. Ощутить их рукопожатие — и не страшно, если придется привыкать к тому, что руки дорогих людей выглядят теперь иначе».

Человек, сидевший напротив Макса, словно бы уловил, какие именно строки тот читает.

— Если бы всё было только в их внешности! — Он снова вздохнул, и теперь его вздох прозвучал отнюдь не нарочито. — Вы же сами видели, Максим Алексеевич, что творится с реградантами *после*.

И Макс чуть было не издал сам в точности такой же вздох — причем даже не из-за того, что он и в самом деле видел. Причина состояла в этом обращении — *Максим Алексеевич*. Макс не мог не заметить небольшую паузу, которую сделал его собеседник, прежде чем произнести его имя и отчество. Явно опасался, что повторит одну из своих прежних ошибок — когда он, забывшись, называл Макса *Иваром*. Что было и неудивительно. Он много лет видел в этом облике Ивара Озолса, Настасьино друга детства и несостоявшегося жениха. Так что переучиваться и привыкать к тому, что с лицом погибшего молодого человека теперь ходит кто-то другой, ему явно придется долго.

Но и сам Макс ощущал затруднения схожего рода: его так и подмывало назвать этого человека именем *Денис*. Хотя, конечно, тот, чьим лицом завладел его визави, во времена их юности выглядел совершенно иначе. Но, уж конечно, Макс не мог именовать своего теперешнего гостя Петром Сергеевичем — невзирая на то, что Настасья целых девять лет считала его своим дедом по материнской линии, профессором Петром Сергеевичем Королевым. Хотя Королевым-то его сделала трансмутация. А на деле он был никто иной, как Настасьин отец, Филипп Рябов.

Но и называть его Филиппом Андреевичем у Макса язык не поворачивался. Так что — он придумал компромиссное решение: именовал этого человеком просто *профессором*. В конце концов, и Филипп Рябов такое звание вполне заслужил — даже если формально и не был его удостоен. Ведь то открытие — реградация — относительно которого ломали теперь копыя СМИ, было процентов на девяносто его детищем. А Макс лишь довел эту разработку до возможности практического применения — что, впрочем, всегда являет собой

наибольшую трудность при внедрении любых инноваций. Прибедняться и принижать свой вклад Макс не желал. Иначе выходило бы: у него нет даже морального права на то, чтобы определять судьбу новой технологии. А юридические права на неё безраздельно принадлежали корпорации «Перерождение». То есть фактически — тому человеку, который принял облик всесильного президента «Перерождения» Дениса Молодцова.

— Да, — кивнул Макс — неумышленно выдержав длинную паузу перед своим ответом, — кое-что я видел. Но вы, профессор, не хуже меня знаете: отдельные aberrации еще ни о чем не говорят. А до Рождества, когда мы планируем начать применение новой технологии, она успеет пройти апробацию. Добровольцы уже есть: родственники безликих стоят к нам в очереди, как вы знаете.

— И вы действительно считаете, что мы имеем право так рисковать? Один раз вы ведь уже рискнули, разве нет?

И это последнее замечание профессора решило дело.

Да, Макс мог бы отпарировать: «Так и вы рискнули, профессор, когда устроили реградацию своей жены Маши — и применили для этого мозговой экстракт своей соседки по дому!»

Мог бы Макс и заметить — с полным на то основанием: «Другие безликие тоже заслуживают шанса на возвращение — не только Мария Рябова».

Однако оба они в значительной мере фарисействовали — и профессор, и он сам. Уж кто-кто, а Макс-то отлично это осознавал. Профессору (то есть, Филиппу Рябову) изначально нужно было только одно: вернуть свою жену. В любом обличье. А станут в дальнейшем внедрять его технологию или не станут — его не особенно волновало.

Иное дело — сам Макс. Вся его дальнейшая жизнь: душевный покой, возврат самоуважения, вера в право на счастье для самого себя — оказались привязаны к тому, принесет или не принесет успех эта новая, невиданная инновация. Пусть она принадлежала ему лишь отчасти — он и вправду был готов рискнуть всем, чтобы получить благодаря ей хотя бы призрачный шанс на искупление. Спасти тех, кого он спасти еще не опоздал: безликих жертв трансмутации. Хуже, чем есть, им уже не станет. Уж в этом-то Макс был непреложно уверен. И — что менее всего волновало его самого, так это обеспокоенность профессора возможными отклонениями у регрантов. Ведь это не профессора человечество проклинали последние десять лет. Не его сравнивали с Гитлером и императором Нероном по числу загубленных жизней. И не ему, профессору, предстоит жить с этим до конца своих дней.

Так что теперь Макс всего лишь сказал — ровным голосом:

— Я попрошу вас, профессор, уйти до того, как вернется Настасья. Еще не хватало, чтобы она стала свидетельницей нашей с вами дискуссии.

2

Когда профессор ушел (продолжать *дискуссию* в присутствии своей дочери он и вправду не желал категорически), Макс тщательно запер за ним дверь. Отец Макса, Берестов Алексей Федорович, был владельцем крупной охранной фирмы — «Законы Ньютоны». И замки в двери своего жилища установил первоклассные. Вот только — сам Алексей Берестов, получивший во времена своей байкерской молодости прозвище *Ньютон*, сейчас в этой квартире не проживал. Отравился путешествовать — на супер-поезде «Новый Китеж»,

который отец и сын Берестова пустили когда-то колесить по железным дорогам Европы. Пустили с одной-единственной целью: чтобы поезд этот стал самым надежным в мире убежищем для молодых и красивых людей. И сейчас Алексей Федорович принял на себя обязанности и коменданта этого поезда, и начальника его службы безопасности.

На этом поезде имелось и персональное купе для Настасьи Рябовой — в котором она и отравилась в двухнедельную познавательную поездку по маршруту «Москва-Владивосток-Москва». Профессор не мог этого знать — Макс ему соврал, будто Настасья пошла с тремя охранниками заниматься *отовариванием*. Шопингом — как говорили в прежние времена. А сама девушка не сочла нужным известить об этой поездке своего отца — который мало того, что выглядел теперь как совершенно посторонний для неё человек. Филипп Рябов когда-то продержал Настасью девять лет взаперти в собственной квартире — даже в гимназию не пускал, учил её на дому. А в дополнение к этому все девять лет изображал из себя её деда, уверяя, что и отец Настасьи, и мать погибли во время нападения на них так называемых колберов — нелегальных торговцев экстрактом Берестова. Так что — вряд ли теперь стоило удивляться тому, что отношения между отцом и дочерью были натянутыми. И возвращение из страны безликих Настасьиной мамы, которую сама Настасья звала, как в детстве, *Машей*, ничуть ситуацию не улучшило.

Из Санкт-Петербурга, где «Перерождение» разместило свою штаб-квартиру, профессор приехал исключительно для того, чтобы повидаться с Максом. И оценить его умонастроение. Но поселился он при этом совсем не в квартире на Большой Никитской — хотя Макс из вежливости его и пригласил, пусть даже это и грозило разоблачением относительно Настасьиной поездки. Профессор снял номер в исторической гостинице «Ленинградская», сознательно или бессознательно выбрав именно то место, которое более всего на свете ненавидел отец Макса, Алексей Берестов. С которым профессор был знаком и вроде бы даже поддерживал дружеские отношения.

Но, конечно, профессор своим отказом поселиться у него невольно подыграл Макс. Тот ведь сам предложил Настасье съездить прокатиться на «Новом Китеже», пока он сам будет заниматься *крючкомтворством*: изучать нормативные акты «Перерождения», якобы нуждающиеся в редактировании. Когда он это предлагал, то боялся: Настасья расстроится, что он отправляет её в «круиз» со своим отцом, тогда как он сам остается дома. Однако эта девушка в очередной раз его удивила. Спросила: «А ты не обидишься, если я поеду без тебя?» И саму идею поездки приняла с восторгом. Годы затворничества явно нелегко ей дались.

Так что в квартире своего отца Макс должен был оставаться один еще три дня — до возвращения Настасьи из железнодорожного круиза. Даже Гастон, огромный черный ньюфаундленд Макса, ехал сейчас на «Новом Китеже» вместе с Настасьей. Пес настолько привязался, прикипел душой к девушке, что Макс подозревал: ньюф уже считал именно Настасью своей главной хозяйкой. Что даже не казалось удивительным. На памяти Гастона Макс дважды прошел трансмутацию. В первый раз — когда Гастон был еще щенком-подростком, и пес через пару месяцев полностью привык к новому обличью своего человека. Но теперь-то Гастону было уже пять лет! И, хотя он совсем не дичился Макса и всячески выказывал ему свою привязанность, ясно было: в сознании пса возникла трещина, которая зарастет нескоро. Если вообще когда-нибудь зарастет.

— Ну, значит, так тому и быть... — прошептал Макс; но поймал сам себя на нежданном уколе ревности — это к Настасье-то он взревновал своего пса! Вот уж — ничего более

нелепого и придумать было нельзя.

Но, так или иначе, а это полное одиночество было сейчас Максиму как нельзя более кстати. И даже не потому, что он хотел еще раз обмозговать принятое им решение. Нет — с решением-то никаких колебаний он более не испытывал. Вот только — его реализация была, мягко говоря, делом непростым. Макс не имел никакого права засветиться, приводя свой план в действие. И дело тут было даже не в профессоре и не в корпорации «Перерождение» как таковой.

После своей второй трансмутации, благодаря которой он стал выглядеть юным красавцем с обликом сказочного принца, Макс вернулся в корпорацию в качестве доверенного лица одного из её учредителей — Максима Берестова. И представил все необходимые для этого документы. Поверил ли в «Перерождении» хоть кто-то, что этот *новенький* — и в самом деле всего лишь доверенное лицо? Макса это волновало менее всего. Денис Молодцов — мнимый Денис Молодцов — предоставил ему фактически карт-бланш, позволяя осуществлять любые изыскания, какие Макс желал. Да иначе и быть не могло. Те отношения, которые существовали сейчас между Максом и профессором, лучше всего описывал стародавний термин сицилийской мафии: *omerta*. Обет молчания, круговая порука. Если бы он попробовал разоблачить Макса, то Макс уж точно изыскал бы способ разоблачить его самого.

Но — юристы «Перерождения» всегда соблюдали букву закона. Этого у них было не отнять. И они ни при каком раскладе не стали бы покрывать чьи-либо действия, наносящие урон интересам акционеров «Перерождения». Даже если бы действия эти исходили от представителя одного из главных держателей акций.

Однако же Макс обладал неким преимуществом, о котором юристы корпорации понятия не имели. Не успели пока докопаться. И теперь нужно было успеть — это преимущество грязным образом реализовать.

Выход в Корпнет у Макса имелся даже из дому — он позаботился об этом, как только обустроился в Москве. Так что из прихожей он сразу же пошел в рабочий кабинет своего отца — который стал теперь его кабинетом.

3

Из статьи, опубликованной на первой полосе газеты «Третий Рим»:

Руководство «Перерождения» продолжает отрицать факт хакерской атаки на свой сервер. Однако наше издание сумело получить сведения из осведомленных источников: кража данных с сервера корпорации действительно имела место. Причем наши источники утверждают: в руки похитителей попала информация, касающаяся новейшей технологии реградации, начало широкого применения которой корпорация еще даже не анонсировала. И есть основания полагать, что теперь нелегальное её применение может начаться раньше официального. Что, конечно же, должно будет подтолкнуть «Перерождение» к тому, чтобы как можно скорее выйти с этой технологией на глобальный рынок и установить свой полный над ним контроль. Как ни парадоксально, эта хакерская атака сыграла на руку тем, кто выступал за скорейшее внедрение реградации. Теперь все дискуссии на эту тему теряют смысл. Джинн покинул свою волшебную лампу.

Часть первая. ДЛЯ НОВОЙ ЖИЗНИ. Глава 1.

Конвенция будет исполнена

Октябрь 2086 года

Январь 2087 года

Москва

1

Максим Берестов знал: с юридической точки зрения это не была смертная казнь. Формально в мире не казнили преступников уже тридцать лет, с 2056 года — когда все страны на основе консенсуса приняли соответствующую конвенцию. Теперь никто не умирал по приговору суда. И наблюдатели (слово «зрители» употреблять в таких случаях было не принято), которых допустили шестого января 2087 года в засекреченную клинику на востоке Москвы, должны были засвидетельствовать, что преступник — не казнен, нет: *подвергнут принудительной экстракции*. Причем процедуру эту проводили под общим наркозом — хотя родственники жертв уже много раз подавали петиции в самые разные инстанции Евразийской конфедерации, чтобы это условие отменить. Ибо те, кого к такой *не казни* приговаривали, не вправе были претендовать даже на призрачное милосердие.

Ходили слухи, что наблюдателям скоро запретят присутствовать на таких вот экзекуциях — чтобы не поощрять в гражданах мстительность и жестокость. Но — пока что всё оставалось без изменений. Специальное помещение в клинике было разделено на две части пуленепробиваемым стеклом, за которым с одной стороны оборудовали некое подобие операционной, а с другой стороны — выставили в три ряда жесткие стулья для этих самым наблюдателей. Обычно стульев хватало на всех, но шестого января пришлось поставить два дополнительных: для особого представителя корпорации «Перерождения» и его референта. То есть — для Максима Берестова и сопровождавшего его охранника.

Макс в жизни не стал бы такие мероприятия посещать — ему хватало тех экстракций, которые он уже повидал в своей жизни. Однако возникли особые обстоятельства. «Я не стану смотреть, — мысленно повторял себе он, — просто посижу тут, пока всё не закончится. Не могу я бросить его сейчас».

Тот, он ком он так думал, был Александр Герасимов, которому всего две недели тому назад исполнилось семнадцать лет. Он ждал назначенного часа — хотя и не должен был находиться здесь. Такие процедуры по закону не предназначались для несовершеннолетних. Вот только — выглядел он теперь на добрых тридцать. И — в этом месте его хорошо знали. Так что многочисленные охранники в мундирах военно-медицинского ведомства ни на секунду не спускали с него глаз.

Да и Макс поминутно взглядывал на Сашку — просто не мог удержаться. Тот и сам его заметил: коротко кивнул и проартикулировал беззвучно два слова. И Макс решил, что это были слова: «Здравствуйте, доктор». Хотя Александр Герасимов знал его, доктора Берестова, вовсе не как первооткрывателя процесса трансмутации. Знай он, кто беседовал с ним ежедневно последние две недели, он уж точно не стал бы так откровенничать. А, может, и вовсе захотел бы и ему, Максиму, проломить голову.

Однако Макс представился молодому человеку как судебный психиатр. При тех

ресурсах, которыми обладала корпорация «Перерождение», он мог бы выдать себя хоть за генсека Организации независимых наций. И ему поверили бы. А раскрывать свое инкогнито он просто не имел права. Однако он, Максим Берестов, всё равно испытывал неловкость, понимая, что обманул этого мальчика — который, правда, выглядел теперь лет на десять старше его самого.

— Максим Алексеевич! — Сидевший сзади референт (то бишь — охранник, приставленный «Перерождением») склонился к самому уху Макса: — Вы не хотите покинуть помещение? Мы вполне могли бы дождаться окончания процедуры снаружи — нам совсем не обязательно находиться здесь.

— Это *вам* здесь находиться не обязательно. — Макс говорил шепотом, но голос его всё равно разносился по небольшому залу для наблюдателей — где было тихо, как в музее восковых фигур ночью. — Так что вы вполне можете выйти — поберечь нервы.

Мнимый референт только вздохнул в ответ — и никуда, конечно же, не ушел. Не мог он себе такого позволить — даже с учетом того, что об истинной личности Макса знал здесь он один. Для всех остальных Макс был — просто франтоватый господин в костюме тройке, выглядевший как юноша не старше двадцати лет. Что, впрочем, никого не удивляло. Годы, прошедшие с момента глобального внедрения трансмутации, давно уже отучили всех удивляться.

Макс поглядел на свое отражение в пуленепробиваемом стекле, за которым исполнители наказания завершали последние приготовления. И невольно поморщился. Да, он был теперь невероятно красив: большие карие глаза, вьющиеся темные волосы, высокие скулы, нежная матовая кожа — даже блеклое отражение в стекле всё это показывало ясно. Вот только — не ему, доктору Берестову, который в 2087 году собирался отметить тридцатипятилетие, красота эта принадлежала изначально. И мало успокаивал тот факт, что прежний обладатель этой внешности погиб раньше, чем была произведена его экстракция. А перед тем дал на неё свое разрешение.

И Макс, отведя взгляд от своего — *не своего* — лица, стал смотреть по сторонам.

Сашкина сестра — Надежда — тоже находилась здесь: сидела в затененном углу на одном из стульев, предназначенных для наблюдателей. Пришла она исключительно по Сашкиной просьбе — по своей воле она и порога этого страшного заведения не переступила бы. И время от времени Сашка бросал взгляды на сестру — явно пытался понять: не сожалеет ли она обо всем то, что организовала для него, своего брата, около двух месяцев тому назад. Однако Надя глядела всё время в другую сторону — туда, где в таком же кресле сидела еще одна наблюдательница. Уж она-то пришла сюда добровольно — попробовал бы кто-то её остановить! И Макс видел, что она на Сашку смотрит безотрывно. Но никак не мог уразуметь, что во взгляде этом преобладает: ненависть? сожаление? прощение?

В последнем, впрочем, Сашка Герасимов вряд ли нуждался. Он сделал то, что считал правильным. И теперь ему оставалось лишь дождаться завершения той истории, что привела его сюда.

Макс эту историю изучил досконально — должен был сделать это, чтобы не ошибиться с решением. И сейчас, когда он свое решение принял, ему оставалось только одно: убеждать себя, что для Сашки уготован далеко не самый худший вариант из возможных. Даже с учетом того, через что ему уже пришлось пройти.

Сашка ничего не скрывал от посещавшего его доктора. А тот запомнил рассказанную ему историю даже лучше, чем ему самому хотелось бы.

— Никто не ожидал, что я протяну целых пять лет после того, как меня сделали безликим, — сказал ему Сашка еще во время их первой встречи.

Макс вел беседы с ним в маленькой квадратной комнатке без окон, которая больше всего походила на помещение для допросов, какие обычно оборудовали в полицейских участках. Однако Макс даже мысленно не употреблял слово «допрос» применительно к этим разговорам: не было у него, доктора Берестова, ни юридического, ни морального права Сашку допрашивать. А вот расспрашивать — это совсем другое дело.

— А вы могли как-то фиксировать ход времени, когда вы были безликим? Знали, сколько прошло до вашей реградация? — спросил Макс; не мог он заставить себя говорить Сашке «ты», хоть в действительности был вдвое старше его.

Сашка мотнул головой, а потом молчал целую минуту, прежде чем сказал:

— Я это узнал — но уже потом. Поначалу я пробовал считать дни, но очень быстро сбился.

Он понятия не имел, сколько времени прошло с той экскурсии его школьного класса в зоопарк на Красной Пресне — экскурсии, после которой его класс перестал существовать. В своем состоянии безликого Сашка утратил ориентиры, по которым он мог бы улавливать смену лет — да что там: даже смену времени суток! Однако памяти-то Сашка не утратил — и, быть может, только потому и прожил так долго. Не мог умереть, пока не отыщет способ хоть кому-то поведать о том, что на самом деле произошло в тот теплый октябрьский день 2081 года. Только он один знал об этом всё — доподлинно.

В зоопарке Сашка Герасимов и прежде много раз бывал — вместе со своей старшей сестрой Надей, которая училась в Институте ветеринарии и проходила на Красной Пресне практику. Так что идти на ту экскурсию он не очень-то и хотел. Да и считал себя уже слишком взрослым, чтобы глазеть, разинув рот, на клетки и вольеры с животными: в декабре ему должно было исполниться двенадцать.

Однако на экскурсию всех позвал отец Сашкиной одноклассницы — Наташи Зуевой. И был это, между прочим, сам директор зоопарка — Зуев Петр Иванович. А Наташа очень Сашке нравилась — как, наверное, и половине мальчишек из его класса. Была она очень хорошенькая — светловолосая, как ангелок с рождественской открытки, с синими, как фиалки, глазами. Но, главное, Наташка была очень умной и по-настоящему доброй: круглая отличница, она всегда готова была остаться в школе после уроков — позаниматься с теми, кто ни бельмеса не понимал в математике или в естествознании. А потом больше всех радовалась, когда её подопечные получали пятерки. Среди таких Наташкиных «подопечных» был и Сашка Герасимов. Так что пропустить экскурсию, которую организовал её папа, он никак не мог. Наташка, быть может, виду и не подала бы, но наверняка обиделась бы.

И они пошли тогда в зоопарк всем классом: тринадцать девчонок, пятнадцать мальчишек. А обратно не вернулся уже никто. Ну, то есть, формально-то их всех потом из зоопарка вывели. Но ясно было, что это уже не они. Не совсем они.

Сашка не знал, что ощущают другие его одноклассники, но сам он чувствовал себя никаким не *безликим*. Лица своего он увидеть не смог бы, даже если бы ему принесли зеркало: Сашкины глаза всё время были закрыты, и открыть он их не мог, сколько ни пытался. Так что он ощущал себя кем-то вроде зомби из старинных телесериалов.

Он мог двигаться, если кто-то придавал его рукам или ногам двигательный импульс. Мог есть, если пища попадала ему в рот. Мог всё слышать и мог ощущать боль. К примеру, когда медсестра в больнице, куда его поместили, втыкала ему в вену иглу капельницы. Вот только — Сашка не сумел бы по своей воле даже пальцем пошевелить. Не смог бы выговорить ни слова. И всё, что ему удавалось делать самостоятельно, это дышать — с присвистом и надрывно, как те самые зомби. Да и мудрено было бы ему дышать по-другому, когда от его носа почти ничего не осталось.

— Что у меня не было носа — это я уже потом узнал, — сказал Сашка Макс: спокойно, почти с иронией. — Так что — наверное, и хорошо, что я не мог открыть глаза и увидеть себя в зеркале. По крайней мере, сам себя я ощущал таким, каким я был прежде. Я знал, что я жив. Ну, просто — я был жив только внутри самого себя. А все остальные...

Он тогда запнулся, и чуть ли не впервые за время их с Максом беседы по Сашкиному лицу пробежала тень. Да, он-то сам ощущал себя живым! А вот для всех остальных он был даже не ходячий мертвец. *Полено* — вот как именовал Сашку больничный персонал, понятия не имея, что безликий мальчик слышит каждое слово.

— Хотя нет! — Сашка будто одернул самого себя, а губы его — полные губы взрослого мужчины — искривились; назвать это улыбкой Макс никак не мог. — Не для *всех* остальных я умер. Для своих родителей я стал хуже, чем покойник. Покойника они могли бы, по крайней мере, похоронить — и постараться жить дальше. А со мной было иначе.

Сашку мама и папа считали своим долгом навещать — не так, чтобы часто. Сашка прикидывал — раз в месяц, а, может, и реже. И всякий их визит заканчивался одинаково: мама, едва войдя в Сашкину палату, начинала истерически рыдать. Так что папе приходилось немедленно её уводить. Но, пока они отдалялись от его палаты, Сашка мог слышать мамины возгласы — полные такого страдания, что он почти желал умереть, чтобы только не мучить её больше:

— Во что они его превратили? Зачем они его *держат* таким? — И самое страшное: — Сколько же это будет продолжаться? Лучше бы они дали ему уйти...

И, пожалуй что, Сашка давно ушел бы — невзирая на свое страстное желание поквитаться с теми, кто всё это проделал с ним самим и с его друзьями. Однако — существовал один-единственный человек, который все эти годы поддерживал Сашу по-настоящему: сестра Надежда. Даже один человек — это было совсем не мало. Он подозревал, что остальные «поленья» — его одноклассники — не имели рядом вообще никого. Оттого они и *уходили* один за другим. Те, кто ухаживал за Сашкой, не стеснясь обсуждали это между собой. Так что он думал тогда: из своего класса он остался последним. И ошибался — как потом выяснилось.

— Расскажите мне про сестру! — попросил его Макс во время одной из их бесед.

— А ей ничего не будет — ну, за то, что она вернула меня? Она ведь это нелегально проделала, я понимаю.

— Ничего не будет, — пообещал Макс. — У неё были исключительные обстоятельства. А твой донор... Ну, про него ты и сам теперь всё знаешь.

— Наверняка и Надька про него всё знала. — Сашка опять выдал эту свою кривую псевдо-улыбочку. — Правда, она так и не призналась — откуда...

И он стал рассказывать дальше.

4

Надькины шаги он всегда слышал еще издали: слух у Сашки необычайно обострился за годы, что он провел безликим. И, наверное, это была еще одна черта, которая роднила его с несчастными ходячими мертвецами из телесериалов — которым живые люди прямо-таки жаждали снести головы. Интересно, думал Сашка часто (все пять лет, прошедшие со времени его недобровольной экстракции, он только и делал, что думал), а пытались ли все эти убийцы мертвецов понять, что чувствуют их жертвы? Что, если «ходячие» внутри себя тоже осознавали всё происходящее — вот только ничего не могли с собой поделывать? Жрали живых, потому что к этому их толкал один-единственный оставшийся у них инстинкт — стремление насыщаться человеческой плотью?

Так что для Сашки сестрины посещения были не только стимулом жить, но и последним свидетельством того, что он — еще не мертвец. Каждого её появления в своей палате Сашка ждал, как школьник ждет первого дня каникул. Однако то Надькино посещение — в минувшем октябре — было особенным.

Сестра Надежда вошла в Сашкину палату, которую он делил еще с несколькими такими же пациентами (тримя, вероятно — но в этом он уверен не был). И первым делом включила телевизор. А потом прибавила звук. Медперсонал никогда не делал этого для пациентов — явно не верил, что в «поленьях» еще теплится разум.

— ...годовщина — пять лет, — услышал Сашка окончание фразы диктора; но уразумел, о чем идет речь, лишь тогда, когда последовало продолжение: — Виновные в экстракции двадцати восьми школьников за это время так и не были найдены. Учительница, которая привела свой класс на экскурсию, до сих пор числится пропавшей без вести. Хотя ряд источников утверждает, будто она еще в 2081 году прошла трансмутацию в одной из нелегальных клиник. И теперь опознать её не представляется возможным.

Ах, как захотелось Сашке вытолкнуть из своего горла слова: «Я знаю, как оно всё было!» Но, как и всегда, издать он сумел один только свистящий хрип. Надька явно услышала это: присела на Сашкину кровать, взяла его безжизненную ладонь обеими руками — однако звук телевизора не приглушила. Хотя уж она-то всегда знала, чего именно Сашка хочет — научилась, как видно, угадывать желания безмолвных пациентов, пока лечила своих зверушек. Ведь догадалась же она принести брату плеер с наушниками и целой коллекцией аудиокниг — медсестра каждое утро включала их для Сашки. Хоть некоторые сестры и ворчали — считали это просто блажью Нади. Но — убитые горем родственники безликих вызывали у всех сочувствие. Так что никто Надежде не перечил — персонал больницы делал то, что она просила.

А теперь голос телевизионного диктора будто ввинчивался Сашке в мозг:

— Следствие зашло в тупик еще в конце 2081 года. Удалось выяснить лишь то, ученики шестого класса в сопровождении своей учительницы, Дарьи Степановны Воробьевой, пришли в московский зоопарк ровно в 14.00. И возле входа их встретил директор зоопарка, он же — отец одной из учениц, который бесплатно эту экскурсию организовал. Директор утверждал впоследствии, что он предлагал выделить для школьников двоих сопровождающих из числа охраны — такова была обычная процедура при посещении зоопарка группами детей. Однако Дарья Воробьева по какой-то причине от

сопровождающих отказалась. А Петр Иванович Зуев, директор зоопарка, не настоял на соблюдении принятой процедуры. И этого, надо полагать, не мог себе простить — из-за чего уволился и уехал из Москвы менее чем через три месяца после трагического происшествия.

«Ну да! — подумал Сашка. — То, что мы всем классом стали добычей колберов — это просто *происшествие...*»

Он знал, что *колберами* именовали тех, кто преступным образом использовал для обогащения капсулы Берестова: колбы для трансмутации. И в беседе с Максом без обиняков заявил — понятия не имея о том, с кем он говорит:

— Хотел бы я знать, как спится по ночам этому самому Берестову! Ведь это из-за него чуть ли не полмира обратилось в зомби!

Макс мог бы ему поведать — *как*; но вместо этого сказал:

— С учетом новых обстоятельств, обращение в безликих — это было не самое страшное. Гораздо страшнее то, что люди потом умирали — успевали прожить безликими не больше двух-трех лет.

Но Сашка лишь с досадой взмахнул рукой: перспективы новой биотехнологии — реградации — явно виделись ему туманными. Не мог он знать о том, что технология эта уже внедряется куда шире, чем думает большинство. За минувшие четыре месяца почти десять тысяч человек прошли реградацию, и все — успешно! Зато Сашка знал другое — из телепрограмм, которые включала для него Надька, да и просто из собственных воспоминаний о прежней — человеческой — жизни. Трансмутация, которую открыл Берестов, позволяла людям с деньгами перерождаться в молодых красавчиков всякий раз, когда их тела старели и дурнели. Для этого им в мозг под общим наркозом вводили экстракт, изъятый у молодых и красивых доноров. Причем предполагалось, что изыматься он должен или у людей, уже умерших, или — у преступников, приговоренных к принудительной экстракции. По крайней мере, именно это утверждали представители корпорации «Перерождение» — единственного в мире производителя капсул Берестова.

Вот только — колберы с такой позицией считаться не пожелали. Закупая капсулы на черном рынке, они совершали набеги и на маленькие поселки, и на крупные города. И все, до кого им удавалось дотянуться, становились такими, как Сашка — безликими зомби, «поленьями», бесполезными уродами, смерти которых не могли дожидаться даже их семьи. А капсулы с мозговым экстрактом, принудительно извлеченным у них, подпольно продавались потом за такие деньги, каких донорам было не заработать за всю их жизнь. Даже если бы они могли после так называемой экстракции жить и работать.

Но сейчас Макс не хотел это обсуждать с Александром Герасимовым.

— Так что же происходило потом — в ту годовщину? — снова вывернул он разговор в прежнее русло.

Должен он был его вывернуть — чтобы определить, как ему быть с Сашкой.

И тот послушно — словно всё еще был школьником — продолжил излагать свою историю.

Тогда, в октябре, телевизионный диктор всё бубнил свое — изливал на зрителей потоки глупости и лжи:

— Пропажа школьников была обнаружена только тогда, когда они к 16.00 не пришли в кафе, где директор зоопарка приготовил для них чай и десерт. Но поначалу все решили: дети просто увлеклись разглядыванием животных и потому запаздывают. Тревогу забили только около 16.30 — когда, вероятно, было уже поздно. Директор позвонил в центр

видеонаблюдения, и ему сообщили, что ни одна из почти ста видеокамер, имеющих на территории зоопарка, не показывает детей и их учительницу...

Сашка думал: этой телевизионной пытке не будет конца. А тут еще Надька отпустила его руку и снова прибавила на телевизоре громкость — выставила её, должно быть, на максимум. После чего склонилась к самому Сашкиному уху и произнесла — так тихо, что он ни за что её слов не разобрал бы, если б ни его обострившийся, как у слепого крота, слух:

— Слушай меня внимательно, братик. Сегодня ночью за тобой придут люди, уложат на каталку и увезут отсюда. Но ты не бойся! Я приду вместе с ними. И всё будет, как надо. «Перерождение» готовит к запуску одну совершенно новую технологию, но мы не станем ждать её официального внедрения...

5

Сашка понимал, почему его сестра затеяла всё это. Боялась, что он не проживет еще нескольких месяцев, которые оставались до анонсированного «Перерождением» новшества: внедрения технологии дезэкстракции. *Реградация* — так они называли её. Что это такое — Сашка со слов Надежды не очень хорошо понял: телевизор орал слишком сильно, и некоторые сестрины слова ему так и не удалось разобрать. Но, когда Надька от него ушла — выключив, наконец-то телевизор, — он испытал самый сильный страх за всё то время, что он пробыл безликим зомби. И это был страх — что всё сорвется. Он ведь уразумел, что посулила ему Надежда: новую жизнь!

Сашка и жаждал поверить в том, что такое возможно, и приходил в ужас от одной мысли, что его сестру просто обманули. И не будет никакой *реградации*, которую ей пообещали пронырливые лаборанты «Перерождения». Они проведут обещанную процедуру, да. Вот только — после этой процедуры он, Александр Герасимов, попросту отбросит копыта — по-настоящему, без дураков. Даже «полена» на больничной койке от него не останется.

Не то, чтобы Сашка боялся умереть. Иногда он думал, что умер еще пять лет назад. А всё, что происходит с ним — эта некая разновидность ада, о котором им всем рассказывал священник на уроках религиоведения. Однако умереть сейчас — это означало бы, что он так и не сумеет никому поведать правду о дне, когда его класс не смогли обнаружить на мониторах видеонаблюдения. Не смогли — потому что к половине пятого их всех уже часа полтора как не было на территории зоопарка.

— Сейчас я вам расскажу, как всё было на самом деле, — пообещал Сашка.

И следующую часть своей истории поведал с такими подробностями, что Макс понял: все минувшие пять лет он, Александр Герасимов, каждый день мысленно прокручивал её для себя. И, даже зная, к какому финалу всё придет, не мог эти мысленные просмотры прекратить.

Глава 2. Ангар

Октябрь 2081 года

Октябрь 2086 года

Москва

1

Октябрьское небо сияло синевой — яркой, словно кобальтовая краска на фарфоровой чашке. Сходство с фарфором усиливало еще и то, что на небе этом белели редкие перистые облачка — казавшиеся неподвижными при почти полном безветрии. Было тепло прямо-таки по-летнему — градусов пятнадцать, не меньше. И Сашка подумал: «Вот везучие мы оказались! Как подфартило нам с погодой!»

— Так, слушайте меня! — Учительница Дарья Степановна — стройная до хрупкости, ростом не выше своих одиннадцатилетних учениц — вскинула руки высоко над головой и два раза громко хлопнула в ладоши. — Сейчас мы подойдем к сетке, которая огораживает вольер с белыми медведями — и подойдем *тихо*. Там — два подрастающих медвежонка. Их нельзя пугать. А их маму нельзя нервировать! Мы встанем рядом с сеткой и будем просто на них смотреть. А обсудим то, что увидели, чуть позже — когда отойдем от вольера.

И они все подошли к высокому забору из стальной сетки-рабицы, что огораживала медвежью территорию. И встали — один подле другого. Сашка хотел встать поближе к Наташе Зуевой, но девочку взяла за руку Дарья Степановна — и не отпускала от себя. Наташка заметила, что он на неё смотрит и даже слегка улыбнулась ему — но Сашка тут же отвернулся. Не хотел, чтобы она подумала, будто он на неё глазееет.

А потом — что-то вдруг произошло.

Сашкин одноклассник, Валерка, стоявший от него слева, покачнулся, вцепился на миг в сетку забора, а потом стал плавно оседать наземь. Сашка попытался его подхватить — не поняв, что случилось. И только тогда увидел: из Валеркиной правой ноги, чуть повыше колена, торчит конец пластиковой трубки с оперением. Что это было такое — Сашка тут же понял. Такими вот дротиками стреляли известные всему миру пистолеты, получившие ироническое прозвание *Рип ван Винкль*: — нелетальное оружие с усыпляющим зарядом. Причем вещество, которые использовали при зарядке *ван Винклей*, действовало практически мгновенно. Так что Валерка еще даже не успел упасть — а глаза его уже закрылись: он отключился.

А в следующий миг Сашка услышал легчайший свист. И в точности такой же дротик вонзился в рюкзак, с которым он пришел в зоопарк: стрелок промазал из-за того, что мальчик наклонился к своему другу. Но зато этот же стрелок (который, быть может, был и не один) стрелял без промаха по всем остальным: Сашкины одноклассники и одноклассницы падали наземь друг за дружкой. «Прямо как костяшки домино!» — мелькнуло у Сашки в голове.

Он мельком подумал: как жалко, что у него нет с собой универсального мастер-ключа от электронных замков! Его папа работал управляющим в отеле, и у него такой ключ имелся. А все знали: такие штуки, как *ван Винкль*, навсегда выходят из строя, если рядом срабатывает универсальный электронный ключ. В конструкции *ван Винкля* роль обоймы

выполнял съемный контейнер, содержащий заряды с транквилизатором. Его требовалось регулярно извлекать, чтобы заменять в нем микрокриогенную установку для охлаждения лекарства. И запорное устройство на этом контейнере походило на обычный электронный замок.

— Папа... — успел прошептать Сашка; но тот — со своим волшебным ключом — был далеко.

И еще — Сашка успел увидеть, как широко раскрываются от ужаса глаза Наташки Зуевой и как она пытается вырвать свою ладонь из руки учительницы. А потом он ощутил болезненный укол в шею. Его будто пчела ужалила. Он потянулся к месту укуса — и даже притронулся кончиками пальцев к прохладному дроту. Но выдернуть его уже не сумел: Сашка упал навзничь, и фарфоровое небо над ним кто-то мгновенно выкрасил в черный цвет

2

Очнулся Сашка почти сразу — как ему самому показалось. Таково было свойство изумительного транквилизатора из ван Винкля: он не давал никаких побочных эффектов. И по пробуждении люди ощущали себя так, словно лишь на минутку прикрыли глаза. Однако — времени-то на деле прошло уже несколько часов. Помещение, где Сашка лежал на полу, имело зарешеченные окошки под высоким потолком, и за ними густели темно-лиловые сумерки. А освещение внутри давали только зеленые огоньки над двойными дверьми в торце этого помещения — обозначавшие выход.

Сашка попробовал приподняться — и только тогда понял, что и щиколотки его, и запястья крепко схватывают пластиковые стяжки.

— Эй! — крикнул он, часто и напряженно моргая — зрение пока не вернулось к нему в полной мере. — Есть здесь кто-нибудь! Помогите мне!..

Никто на его крик не отозвался. Зато он ощутил, что прямо рядом с ним на полу кто-то ворочается. Сашка скосил глаза — и очень обрадовался: рядом с ним находился Валерка. Он узнал его по курточке с капюшоном и джинсам. Причем Валеркины-то руки и ноги связаны не были! Но капюшон он почему-то надвинул на самое лицо.

На некотором отдалении лежали и остальные девчонки и ребята из Сашкиного класса. Некоторые из них тоже шевелились: как-то вяло и однообразно. У одних руки и ноги совершали дерганные, повторяющиеся движения. У других головы мотало туда-сюда — словно у сувенирных китайских болванчиков. Но — Сашка тогда не придавал этому значения. Отметил только, что здесь находились не все его одноклассники — числом их тут было не больше двадцати человек.

В помещении никто не разговаривал. И только странно громкие звуки дыхания слышались отовсюду: натужные, свистящие. Лежавшие на полу Сашкины одноклассники то ли вздыхали во сне, то ли после снотворного видели какие-то грезы наяву — заставлявшие их дышать тяжело и с присвистом.

Сашка заметил, что и его друг, лежащий рядом, дышит в точности так же. Однако он всё-таки рассчитывал, что тот уже пробудился.

— Валерка! — позвал он. — Валерка, развяжи меня!

Но тот не отреагировал никак. И Сашка, извернувшись на полу, пнул Валерку носком ботинка в плечо — больше никуда дотянуться не смог. При этом Сашкина нога задела край капюшона на Валеркиной куртке, и непромокаемый бионеилон будто прилип к Сашкиному

ботинку.

Мальчик дернул обеими ногами, чтобы высвободиться. И — капюшон свалился с Валеркиной головы.

Сашке показалось, что вместо сердца у него в груди вдруг возник металлический кубик с острейшими углами и гранями-бритвами. И при первом же ударе этого сердца-кубика грудь его будто вспорол что-то изнутри. А потом еще раз — и еще, и еще... Именно эта боль — открывшееся ему зрелище отошло на второе место — и заставила Сашку завопить так, что у него самого едва не лопнули барабанные перепонки.

Он вопил — не мог остановиться — до того самого момента, как двойные двери в помещении распахнулись. И по полу начал выписывать зигзаги тонкий луч карманного фонаря. Только тогда Сашка умолк. Он слышал тяжелые мужские шаги, которые приближались к нему. А рядом с мужчиной кто-то еще перебирал ногами — девчонка, как отчего-то сразу же решил Сашка.

И еще — он сразу же понял, что это теперь была за девчонка: такая же, как его одноклассники, которые бессмысленно шевелились сейчас рядом с ним на полу. Такая же, как Валерка, лицо которого сделалось плоским, как рыбе брюхо. Только безгубый рот зиял на нем словно трещина, да на месте носа шевелилось при дыхании нечто, напоминавшее рыбы жабры. Валеркины глаза были зажмурены — как и у всех остальных, уложенных здесь. Даже блеклый луч фонаря позволил Сашке разглядеть это. И мальчик хотел — очень хотел! — закрыть глаза и сам, чтобы только не видеть длинного помещения с высоким потолком, напоминавшего то ли склад, то ли ангар, где все его одноклассники лежали вповалку. Без признаков жизни — но и не мертвые.

— Ты — последний остался, — услышал Сашка у себя за спиной голос, показавшийся ему знакомым. — Ты позже всех получил успокоительное, вот мы и решили оставить тебя напоследок. Но, как видно, так долго снотворное даже на детей не действует.

3

Мужчина, чьи шаги Сашка слышал, подошел к нему — встал так, что свет озарял его лицо. То был Петр Иванович Зуев — Наташкин отец. А за локоть он крепко держал лучшую Наташкину подругу, Вику — которая продолжала перебирать ногами, даже когда её сопровождающий остановился. Так что подошвы её сапожек сухо шаркали по полу ангара.

Сашка перевернулся набок, попытался откатиться в сторону — хоть и понимал уже, что проку в том не будет никакого. Не стал бы Петр Иванович показывать ему свое лицо, если бы считал, что у него, Александра Герасимова, есть хоть малейший шанс спастись.

А директор зоопарка тем временем наклонился к Вике, свел её ноги вместе и подержал так некоторое время. Так что, когда он отпустил их, девочка застала неподвижно — перестала имитировать ходьбу на месте.

— Вот умничка, — произнес Петр Иванович ласково.

Он словно и вправду хотел похвалить девочку, лицо которой обратилось в подобие старого кожаного барабана с разлезшимися швами. А потом он опустил её на пол — бережно опустил. И вытащил из-за пояса брюк известное всем оружие — Рипа ван Винкля.

Сашка часто думал потом: если бы Зуев сразу выстрелил тогда, он сам никогда не узнал бы правды. Однако директор зоопарка не успел нажать на спусковой крючок — в распахнутые двери ангара влетела еще одна девчонка. Она-то точно была — нормальная. И

это была — Наташка, которая выкрикивала раз за разом только одно слово:

— Папа! Папа!.. Папа...

Петр Иванович чертыхнулся, убрал пистолет за пояс брюк и поспешил к дочери — перехватил её на бегу. Не позволил приблизиться к тем (*поленьям*) безликим, что с присвистом дышали и подергивались посреди ангара. Лежа на боку, Сашка видел, как Наташка, крича уже что-то совершенно бессвязное, пытается вырваться. Как она кусает отца за руку — и тот выпускает её. И как она поворачивается к Сашке — с искаженным лицом, с потемневшими от ужаса глазами.

— Наташка, беги к выходу! Спасайся! — успел еще крикнуть он ей.

Однако её отец уже успел вытащить *ван Винкля* из-за пояса. И спустил курок раньше, чем его дочь приняла решение: убежать ей самой или попытаться помочь хоть кому-то?

Наташка не упала — отец подхватил её так же *бережно*, как давеча обошелся с её подругой. И не опустил дочь на пол — поудобнее перехватил её поперек туловища, чтобы выйти отсюда с нею вместе. И для этого ему снова пришлось убрать пистолет под брючный ремень.

В этот момент в ангар и вбежала запыхавшаяся Дарья Степановна — тоже с *ван Винклем* в руке.

— Прости меня, Петя! — воскликнула она. — Я не знаю, как она вырвалась!.. Не злись на меня, пожалуйста!

— Да с какой же стати мне на тебя злиться? — Голос директора зоопарка звучал ровно и совершенно дружелюбно. — Ничего непоправимого не произошло. Но нам теперь придется как-то решить этот вопрос.

— Вы и свою дочь сделаете *такой*? — заорал Сашка, и директор, до этого будто позабывший о его существовании, даже вздрогнул. — Всех продали — и её продадите?

— Дашенька, — Петр Иванович повернулся к своей сообщнице, — успокой, пожалуйста, этого молодого человека.

И Дарья Степановна, любимая Сашкина учительница, вскинула свой пистолет и выстрелила в него.

4

А пять лет спустя, в октябре 2086 года, Сашка думал: ощущения от наркоза, который ему дадут перед операцией, будут примерно такими же, как от пистолетного транквилизатора. Однако он ошибся. Когда ему на лицо — на то, во что его лицо превратилось — положили хирургическую маску, он очень долго не отключался полностью. Так что анестезиолог даже забеспокоился. А когда наркоз всё-таки подействовал, Сашка погрузился не в спокойную тьму бесчувствия — он попал в мир какого-то чудовищного галлюцинаторного бреда.

В этом мире они с Наташкой, которой уже больше не было на свете, стояли перед алтарем в церкви, И священник венчал их. Но при этом Сашка видел и Наташкино лицо, и свое собственное, отраженными в стеклах икон. То есть — видел полное отсутствие этих лиц. А вместо свадебных одеяний — жениховского костюма, невестинного платья — на них обоих были надеты больничные пижамы из потрепанной фланели.

Но это было еще что! Священник вдруг вскинул голову и поглядел Сашке прямо в глаза — которые теперь у него были открыты, хоть он и оставался безликим. И оказалось, что венчает их Наташкин отец — Петр Иванович, кощунственно присвоивший священнический

сан.

— Так что же, молодой человек, — произнес он совершенно светским тоном, — вы уже совершенно успокоились? Или нам повторить процедуру?

Сашка отпрянул от него, закричал — хрипло, чужим голосом. А потом принялся изо всех сил теперь глаза руками: какими-то окостеневшими, но всё же — подвижными.

— Слава Господу Богу! — услышал он рядом с собой голос Нади. — Ты очнулся! Посмотри на меня! Пожалуйста, посмотри!..

Медленно — не понимая, сон это или явь — Сашка убрал от лица руки.

Он лежал на койке в маленькой, но очень опрятной больничной палате — отдельной, других пациентов здесь не было. А на низеньком стульчике рядом с ними сидела заплаканная Надя. Сашка даже не понял сперва, что это она — не узнал её. Так его сестра осунулась за минувшие пять лет, так запали её глаза, такой *постаревшей* она выглядела — хотя была старшего Сашки всего на десять лет. То есть, ей совсем недавно исполнилось двадцать семь.

— Надька? — чужим голосом — голосом взрослого мужчины — произнес он. — Где мы? — А потом, чуть подумав, прибавил еще один вопрос: — И кто я теперь?

Что он перестал быть самим собой — Сашка понял, как только увидел собственные руки, поднесенные к лицу: крупные, с широкими ладонями, с длинными крепкими пальцами. Что такое трансмутация и как она действует на людей — он успел узнать еще до того, как сделался безликим. А теперь и понял, что такое эта пресловутая *деэкстракция*. Или, как называли её телевизионные дикторы — чуть ли не с благоговейным придыханием: *реградация*.

— Мы в одной частной клинике, — произнесла его сестра, утирая слезы и улыбаясь одновременно. — А ты — это по-прежнему ты. Просто выглядишь теперь иначе.

Она встала со своего стульчика, сняла со стены палаты небольшое зеркальце и поднесла его к Сашкиному лицу.

Из зеркала на него глянул насупленный, чуть смугловатый мужик лет тридцати — с густыми черными волосами, что торчали ежиком над невысоким лбом, со сросшимися на переносице бровями, с чуть брезгливым изгибом крупных губ.

И Сашка не то, что понял — он *ощутил*, откуда взялась эта его новая внешность. Ясно было, что прежде ею владел некий господин, приговоренный за свои преступления к принудительной экстракции.

5

Надя так и не сказала ему, как ей удалось раздобыть ту капсулу Берестова для его подпольной трансмутации. Точнее — для этой самой деэкстракции, которую официально еще даже не начали осуществлять: технология всё еще находилась на стадии апробации. Её открыли только-только — в этом самом, 2086-м, году. Но Сашка не обижался на сестру за её скрытность. У него у самого имелись от неё секреты — да еще какие! — которыми делиться с нею он не планировал. И, уж конечно, ничего не планировал говорить своим родителям — которым Надежда представила его сразу после выхода из той клиники.

В ней он провел почти месяц — в течение которого физиотерапевты с садистским упорством приводили в порядок его перерожденное тело. За всё это время родители так ни разу там не появились — чему Сашка был только рад. Он хотел сперва сам привыкнуть к

своему новому обличью. Да и побаивался, сказать по правде, того, как отреагируют мама и папа на обновленную внешность своего сына.

Но те ничего — держались молодцами: Надька явно их подготовила. Вели они себя с Сашкой так, словно бы ничего особенного с ним и не произошло. Вот только — одного на улицу они его не выпускали. Так что там — на улицу: даже и в московской квартире за каждым его шагом наблюдали. Буквально — не спускали с него глаз.

Но Сашке нетрудно оказалось придумать, как ему из дому улизнуть. Пять лет непрерывного думанья не прошли для него впустую. Да и новое тело словно бы сохранило внутри себя кое-что от своего прежнего владельца — явно большого доки по части разнообразных придумок. В этом смысле ему, Александру Герасимову, и вправду повезло.

Глава 3. Дробовик «Лев Толстой»

Ноябрь 2086 года — январь 2087 года

Москва и Подмосковье

1

Седов Сергей Сергеевич — такое имя носил человек, чья внешность перешла к Александру Герасимову.

— Его приговорили к принудительной экстракции за то, что он убил двоих полицейских, которые преследовали его после ограбления склада с заполненными капсулами для трансмутации, — сказал Сашке Макс во время одной из их бесед — не самой первой. — Но был еще третий полицейский, и он прострелил Седову ногу, так что бежать тот не сумел. И вот — редчайший случай — преступника взяли с поличным.

Сашка только кивнул, услышав это. Судьба и деяния того человека, чье лицо он приобрел, явно не особенно его интересовали.

— Вот так оно и бывает: одному повезло, другому — нет, — сказал Сашка. — Мне вот — стало очень даже везти, после того как я трансмутировал в этого Седова.

И Макс вынужден был с ним согласиться. Всё — абсолютно всё! — после Сашкиной трансмутации складывалось так, словно некие высшие силы встали на его сторону. Решили ему поспособствовать в исполнении его плана.

Во-первых, в особом отделении больницы, где Сашка находился все последние пять лет, предпочли скрыть факт его исчезновения. И просто-напросто объявили умершим Александра Герасимова, подвергшегося пять лет назад недобровольной экстракции (предполагалось, что некоторые люди давали её согласие *добровольно* — в случае своей смерти, как в прежние времена люди подписывали разрешение на посмертное изъятие их органов). А Надежда Герасимова убедила родителей не делать никаких опровержений по этому поводу. Так что — для Зуева, бывшего директора зоопарка, Сашка стал теперь еще более неопасным свидетелем, чем прежде: мертвым свидетелем.

А, во-вторых, Петр Иванович Зуев не подумал уехать куда-нибудь за границу после всего, что произошло пять лет назад. То ли боялся, что его косвенно уличат в преступлении слишком большие деньги, которыми он будет располагать. То ли — он не мог вывезти из Конфедерации некую свою спутницу, без которой он уезжать решительно не желал.

И Сашка в первый же день, когда родители и Надя оставили его в квартире одного — ушли на работу — запросил по проводному телефону справку в адресном бюро. Раньше, говорят, её можно было получить по компьютерной сети Глобалнет; однако сеть эта формально прекратила свое существование — как формально больше не существовала и мобильная телефонная связь. И оказалось, что бывший директор зоопарка даже не засекретил свое нынешнее местопребывание: он жил сейчас в собственном доме на окраине Подмосковья.

Вот туда-то Сашка и планировал наведаться. И провернул для этого немудрящий трюк: сказал родителям, что он не может спать с незапертой дверью. После чего в дверь его комнаты папа врезал замок, который можно было открыть только изнутри. Его родителям и в голову не могло прийти ничего такого: квартира, где они жили, находилась на восьмом

этаже многоэтажного дома, выстроенного еще сто лет назад. А что рядом с Сашкиным окном находилась пожарная лестница — этому они ровным счетом никакого значения не придали. Их сын только что вышел из больницы — после пятилетнего пребывания в состоянии «полена». И Сашка старался ходить — и по квартире, и во время недолгих уличных прогулок — тихо-тихо, едва перебирая ногами. Так, пожалуй, и должен был бы передвигаться пришедший в себя коматозник. Вот только — Сашка коматозником никогда не был. А Сергей Сергеевич Седов, в которого он трансмутировал, был когда-то здоровенным бычарой. И его громадная физическая сила перешла теперь к Сашке вместе с его грубоватыми чертами.

2

Раздобыть электрокар оказалось даже проще, чем Сашка ожидал. Он, конечно, слышал — еще в больничной палате — как тележурналисты мрачными голосами рассказывали о нападениях колберов на водителей машин. И о том, что наземным транспортом люди со средствами давно перестали пользоваться. Но все же он не ожидал, что на подземной парковке близлежащего торгового центра отыщутся сразу три незапертые машины. И одна из них оказалась с полностью заряженной батареей аккумулятора: темно-синий кроссовер какой-то неизвестной Сашке марки. Для поездки за город — лучше и не придумаешь.

Стояла уже середина ноября, но снег еще не шел ни разу. И эта ночь исключением не стала — Сашке опять повезло!

В своей прежней жизни он только-только начинал учиться водить машину. И, хотя прежний обладатель его теперешнего лица — мужик с низким лбом и широченными плечищами — поделился с ним кое-какими навыками, вести электрокар при плохой видимости Сашке было бы трудновато. А снабжать наземный транспорт автопилотами запретили еще в 2080 году: слишком много было случаев, когда колберы похищали водителя, а его транспорт отправляли ездить кругами по улицам и дорогам — на автопилоте. И электрокар ездил так, покуда аккумулятор не разряжался до нуля — что снижало и без того мизерные шансы вовремя выявить факт похищения и спасти жертву.

Не было в электрокарах и GPS-навигатора — якобы из-за технической невозможности использовать такие устройства. Однако Сашка захватил из дому планшет с подробнейшими картами Московской области. Так что заплутать он не опасался.

— И что же ты, гад ползучий Петр Иванович, станешь мне говорить в свое оправдание? — проговорил он своим новым голосом — хрипловатым баском, взглядывая на себя в зеркало.

Однако долго рассматривать себя он никак не мог. Фонари вдоль дороги горели через один — и это еще в лучшем случае! И Сашка знал из телепрограмм, что колберы нередко отправляют своих обезличенных жертв бродить по какому-нибудь шоссе — в надежде, что их собьет один из зазевавшихся водителей. А стать причиной смерти одно из недавних своих товарищей по несчастью Сашка уж точно не желал. Особенно теперь, когда безликие обретали шанс вернуться к прежней жизни — пусть даже и с чужими лицами. Так что — за дорогой он следил безотрывно. И до Егорьевского уезда Московской губернии — до особняка Петра Ивановича Зуева — доехал без всяких происшествий.

3

— Я даже не знаю, кто вы такой! — орал бывший директор зоопарка, наставляя на Сашку *Рипа ван Винкля*: оружие, ставшее теперь в его руках совершенно бесполезным.

Обойма, где были заряды с сонным зельем, валялась на полу: уж в этот-то раз Сашка прихватил из дому папин универсальный мастер-ключ!

Директор установил в доме охранную сигнализацию, однако удача по-прежнему не оставляла Александра Герасимова. Когда он своим универсальным ключом отпер замок на входной двери, и в доме заскулила сирена, Зуев не стал прятаться в каком-нибудь специально оборудованном убежище — как Сашка и рассчитывал. Бывший директор слишком долго жил безнаказанным — и утратил бдительность. Вместо того чтобы затаиться в доме, он побежал выяснять, кто это нанес ему визит — с дурацким пистолетиком в руках. Оставалось только дивиться тому, как ловко пять лет назад он провернул то дело — которое стало одним из самых дерзких и жестоких преступлений за всю историю Москвы. «Не иначе как, — подумал Сашка, — мозгом операции была Дарья Степановна. Она все это придумала, а на нем лежало одно лишь исполнение».

— Да знаете вы меня, господин Зуев, знаете! — сказал Сашка — своим взрослым хрипловатым голосом. — Я бывший одноклассник вашей дочери Наташи. Тот, кого вы превратили в *полено* — с нею вместе. Правда, я сумел прожить дольше, чем она. И больше уже не полено, как вы сами видите.

Не мог он заставить себя говорить «ты» этому немолодому — и почему-то казавшемуся очень несчастливым — человеку. Не мог, и все тут. Особенно — когда увидел, как болезненно искривилось лицо Зуева при упоминании Наташи.

— Так значит, — прошептал он, — деэкстракция — не сказки...

Его рука, в которой он держал бесполезный пистолет, опустилась. И Сашка не упустил момент: подскочил к Зуеву, вырвал у него оружие (тот даже и не сопротивлялся), а потом с наслаждением огрел бывшего директора по голове рукоятью *ван Винкля*. Не слишком, впрочем, сильно — тот даже сознания не потерял. Только охнул и опустился — даже не на пол, а на стоявший рядышком стул.

А Сашка взял со стола проводной телефонный аппарат и протянул его Петру Зуеву.

— Сейчас, — сказал он, — вы позвоните в свою охранную фирму, назовете пароль и скажете, что у вас в доме произошло ложное срабатывание сигнализации. Думаю, не мне вам объяснять, что прибытие сюда полиции — не в ваших интересах. А когда вы сделаете этот звонок, мы с вами побеседуем: о вашей подельнице Дарье Воробьевой, о том, где она сейчас, и о колберах, которым вы продали весь мой класс.

— О Дарье Степановне он тебе ничего не скажет, — услышал вдруг Сашка голос у себя за спиной.

И даже вздрогнул, сам себе не веря.

Забыв про директора, он повернулся к дверям просторного холла, где произошла их с Зуевым встреча — и, да: на пороге стояла она. Эти светлые локоны и голубые глаза он не забыл. И стояла Наташа Зуева, держа его, своего изменившегося одноклассника, на прицеле. Причем целилась она в Сашку не из какого-то там *ван Винкля*: в руках у Наташки был помповый дробовик «Лев Толстой».

По телефону Зуев все-таки позвонил: этот гад и вправду не желал, чтобы полиция прибыла сейчас сюда. И ясно было, почему. Признал он в ночном госте бывшего одноклассника своей дочери Александра Герасимова или нет — выпускать его из своего дома живым он не собирался. А его дочь, которую все уже года два почитали умершей (*окончательно* умершей — а не просто обращенной в безликую) явно была полностью на его стороне.

Именно это, а не нацеленное в его новое лицо дуло «Льва Толстого», Сашку ужасало больше всего. Да что там: только это и ужасало его по-настоящему. К мысли о смерти он привык давно. Но — умереть вот так он готов не был.

— Сейчас, Наташенька, он начнет тебе врать, — торопливо бормотал Зуев, набирая номер на телефонном аппарате. — Рассказывать тебе сказки, будто он — твой прежний друга, Саша Герасимов...

— Которого ты убил, — эхом отозвалась Наташка; однако не отвела ружейного дула от лица своего изменившегося одноклассника.

— Ну, зачем ты... — начал было говорить бывший директор зоопарка.

Но тут на другом конце линии ему ответили, и он стал торопливо говорить что-то в трубку. Сашка его не слушал — всё смотрел на свою подругу детства: не мог поверить, что он и самом деле видит перед собой именно её. Ему даже пришла мысль: а не галлюцинирует ли он снова, как тогда, под наркозом, когда ему пригрезилось их с Наташей Зуевой *безликое* венчание?

— Наташка, — спросил он, всеми силами стараясь изгнать взрослую хрипотцу из своего голоса, — но как же ты выжила? Я думал...

Он осекся на полуслове. Бывший директор зоопарка закончил говорить, повесил трубку и вперился в Сашку взгляд, полный такой злобы, что у того мгновенно возник спазм в горле. Он подумал: «Сейчас эта тварь велит Наташке меня застрелить, и никто во веки веков не узнает, что произошло — и тогда, и теперь. Ведь никто даже не знает, что я поехал сюда!»

Впервые за эту ночь ему пришла мысль, что он страшно сглупил — когда отправился к Зуеву в одиночку. И теперь, по его дурости и самонадеянности, бывший директор зоопарка не понесет наказания никогда. На миг Сашка Герасимов почти забыл про Наташку — и даже вздрогнул, когда та заговорила.

— Долго же ты сюда добирался, — сказала Наташа, а потом подала Сашке дробовик — прикладом вперед, чтобы тому удобнее было его взять. — Я уж решила, что просчиталась — и ты вовсе не приедешь...

От удивления Сашка взял у неё «Льва Толстого», не произнеся ни слова. И лишь воззрился на свою бывшую одноклассницу так, как если бы она сказала, что она — английская королева, сменившая облик. А Наташка его изумлением явно осталась довольна — равно как и порадовал её ошеломленный взгляд её отца. Тот и вовсе лишился дара речи — только сидел, держа одну руку на трубке телефонного аппарата. И переводил ошеломленный взгляд то на свою дочь, то на её изменившегося одноклассника.

— Ты знала, что я прошел дезэкстракцию? — выговорил, наконец, Сашка, а потом прибавил главное — то, что хотел сказать с самого начала: — Когда ты вбежала тогда в тот ангар, я крикнул тебе: «Спасайся!» Но твой отец усыпил тебя — и вынес оттуда на руках. Я думал — он и тебя приготовил для *недобровольной экстракции*. Рад, что ошибся.

Наташка вторую часть его фразы почти проигнорировала — только поморщилась едва заметно. А вот на Сашкин вопрос ответила.

— Конечно, я про твою дезэкстракцию знала. Это новшество — реградация — чрезвычайно дорогое удовольствие. Откуда, как ты думаешь, твоя сестра взяла на неё деньги?

— Ты... — Зуев даже поперхнулся воздухом и кашлял целую минуту. — Ты — послала ей деньги? Но как?.. Ты же не выходишь из дому.

— Я не выхожу, да. Но ведь Надя Герасимова выходит! Я позвонила ей и попросила приехать. Тогда мы с ней обо всем и договорились.

Сашка ощутил, что у него начинает заезжать ум за разум. И он даже чуть было не положил дробовик на стол — вот смеху-то было бы, если бы им завладел Зуев! Получалось, что его сестра знала такие секреты, каким он даже теперь не мог найти объяснения. И даже не подумала этими секретами с ним поделиться. Однако спросил он о другом:

— Скажи, как он сумел прятать тебя столько лет? — Сашка кивнул на Зуева, который в разговор больше не встречал. — И как он вообще сумел всё это повернуть? Ведь я же слышал тогда новости: весь наш класс был тогда опознан — все двадцать восемь человек.

— Ты — слышал новости? — Вот теперь на лице Наташки отобразился ужас. — Так что же это выходит: безликие — они могут всё слышать?

— Угадала. Ну, так что же случилось тогда? Я хотел допросить его. — Он снова указал взглядом на Петра Ивановича. — Но предпочту, чтобы ты мне всё рассказала. Иначе — сейчас будет девятый вал вранья.

И Наташка стала быстро, сама себя перебивая, говорить.

Тогда, пять лет назад, она пробудилась уже после того, как всех её одноклассников *вернули* в зоопарк: поставили новых безликих стоять возле того же вольера с белыми медведями, откуда их забрали. Сделать это оказалось несложно: Петр Иванович Зуев даже не вывозил своих пленников с территории зоопарка — тот ангар был заброшенным много лет назад конным манежем, к входу в который даже и подойти было нельзя. А о том, что внутри ведут еще и туннели подземных коммуникаций, никто, кроме самого Зуева, не знал.

— Мне папа всё это сам рассказал потом, — торопливо говорила Наташка.

На своего отца она старалась даже не взглядывать. Но Сашка-то не упускал его из виду — и видел, как лицо бывшего директора приобретает оттенок грязно-серый, как у старого асфальта.

— Но как же — двадцать восемь человек? — напомнил ей Сашка. — И куда делась Дарья Степановна?

И тут вдруг его осенило — он даже по лбу себя хлопнул. На оба вопроса был один и тот же ответ! А Наташка, глянув на него, только кивнула коротко:

— Вижу, ты уже сам всё понял. Дарья Степановна заняла мое место — после того, как папа сделал её безликой. Должно быть, он и в неё выстрелил из ван Винкля, а потом — пустил в ход капсулу Берестова. Ну, а потом он передел Дарью Степановну в мою одежду. Телосложением мы мало отличались. А, главное — он же сам и опознал в ней потом свою дочь. Меня, то есть.

— А что же твоя мама?!

— Её он тоже сумел убедить, что это я — просто без лица. Только вот — мама после этого выгнала его из дому. Винула его в том, что произошло — как видно, догадывалась о чем-то таком. Только доказательств у неё не было.

— А ты? Ты же ведь могла бы уличить своего отца во всем!

Наташка опустила глаза и молчала целую минуту, прежде чем ответила:

— Если бы я всё рассказала, все подумали бы: я была с ним заодно.

— Это он тебе такую мысль внушил?

— Это мне еще Дарья Степановна объяснила — тогда, пять лет назад. Как раз перед тем, как я попыталась сбежать. Сказала, что папа надежно спрячет меня, но все должны будут думать, что я пропала без вести. Я даже маме не смогу позвонить. Иначе — меня обвинят в пособничестве отцу.

Сашка ощутил такую жгучую ненависть, что ему будто раскаленные иглы вонзились в оба виска. В правом виске боль была намного сильнее: там зарастал след от недавней трепанации. Левый висок болел меньше: пять лет прошло, как Зуев вонзил в него инъектор пресловутой капсулы. Причем ту, первую трепанацию директор зоопарка произвел так неумело, что нанятые Надей доктора даже не стали использовать для деэкстракции старое, полужаросшее отверстие в Сашкином черепе.

— Так значит, — сказал Сашка, изо всех сил сдерживая себя, чтобы не врезать Зуеву в челюсть своим новым здоровенным кулачищем, — твоя мама считает, что ты давно умерла — безликой?

— Считает, да. — Наташка вяло пожалала плечами. — Возможно, еще она считает, что у папы продолжается связь с Дарьей Степановной — из-за чего он и не может уехать из страны. Ей в голову не приходит, что он не уезжает *из-за меня*.

— Да будьте прокляты вы обе — и ты, и Дашка! — Петр Иванович даже воздел вверх руки, сжатые в кулаки — такая его охватила праведная ярость. — Из-за вас вся моя жизнь пошла под откос! На что мне нужны все эти деньги, если я уже пять лет сижу здесь, как заключенный, с дочкой, от которой одну только ненависть и вижу? Дашка придумала всё это — а расплачиваюсь теперь я!..

— Да нет, — сказала Наташка. — Ты расплачиваться еще даже не начал. — И она повернулась к своему бывшему однокласснику: — Как ты думаешь, для чего я вернула тебя?

И Сашка ни секунды не колебался с ответом. Это-то он как раз понял сразу — как только бывшая одноклассница вручила ему дробовик.

— Ты хочешь, чтобы я убил твоего отца. Сама, должно быть, ты этого сделать не смогла. — И он передернул затвор «Льва Толстого» — его руки лучше него самого знали, что нужно делать.

Глава 4. Приговоренный

Январь 2087 года

Москва

1

Макс понимал, что имел в виду Сашка, говоря: руки его знали об оружии больше, чем он сам. Все, кто проходил трансмутацию, в той или иной мере ассимилировали фрагменты личности своих доноров. Макс тоже это ощутил — когда вместе с мозговым экстрактом восемнадцатилетнего Ивара Озолса, несостоявшегося жениха Настасьи Рябовой, принял в себя и какую-то часть его характера. Стал чуть более порывистым, чуть менее склонным к рефлексии. Так что — и насчет Сашки удивляться ничему не приходилось.

Тот человек — Сергей Сергеевич Седов, чью принудительную экстракцию произвели в специализированной клинике на востоке Москвы в начале октября 2086 года — был отнюдь не примерный гражданин. Иначе он в эту клинику и не попал бы. И те полицейские, в которых Седов стрелял — он убил их как раз из «Льва Толстого». Убил, когда они пытались задержать его и отобрать у него добычу, стоимость которой превышала сумму их годовых окладов за сто лет: капсулы с мозговым экстрактом. Причем ценность этого экстракта теперь возрастала многократно — когда технология реградации давала шанс при помощи него возвращать к жизни безликих. Тех, кто еще не покинул этот мир из-за горя, беспросветного отчаяния и ужаса, что обрушивались на них после так называемой экстракции. После отсроченного убийства — если уж называть вещи своими именами.

Причем ирония ситуации с Седовым состояла в том, что обокрасть-то он пытался склад с капсулами, находившийся как раз в клинике для принудительной экстракции! Пытался уворовать мозговой экстракт преступников, которые в большинстве своем были колберами. И, конечно, такой выбор объекта ограбления был вполне понятен: до складов корпорации «Перерождение» Седову было не добраться ни при каком раскладе.

Да, поначалу Макс всерьез полагал, что мотивы Седова были ему понятны. Потом он свое мнение переменял — но до конца всё же уверен не был. Потому-то и потребовались ему эти беседы с Александром Герасимовым. Ведь тот оказался отнюдь не единственным, на ком опробовали технологию реградации до её официального внедрения. Все те капсулы с мозговым экстрактом матерых преступников, которые Седов неуспешно пытался украсть — они пошли в дело. И несколько десятков аналогичных Сашке регрантов в Москве уже проживало: бывшие безликие, которых теперь приобрели черты осужденных негодяев. Только внешние черты — как предполагалось изначально.

И теперь он, доктор Берестов, обязан был узнать у Сашки все детали. Просто не мог позволить себе пребывать в неведении.

— Так что же было дальше? — спросил Макс и с силой потер правый висок: после двойной трансмутации, которую он сам прошел, тот частенько давал о себе знать глубокой прокалывающей болью. — После того, как ты решил убить Зуева?

И Сашка снова стал говорить.

2

Бывший директор зоопарка, как последний дурак, загородился от него вскинутой ладонью — словно бы рассчитывал поймать и остановить заряд крупной дроби на лету! Наташкин «Лев Толстой» был с лазерным прицелом, и в центре ладони Петра Ивановича Зуева возник ярко-красный кружок. Казалось, бывшему директору кто-то прижег руку сигаретой.

— Давай, стреляй! — поторопила Наташка.

Она стояла за Сашкиным плечом, дышала ему в спину. Однако Петр Иванович даже не попробовал обратиться к ней. Упросить её проявить к нему милосердие.

— А соседи? Они нас не слышат?

Спрашивая это, Сашка явственно ощущал, что он попросту тянет время. Да и Наташка, как видно, это почувствовала — ответила раздраженно:

— Ты же сам видел, когда подъезжал сюда: тут на полкилометра в округе ни одного дома нет! Да и, к тому же, у нас здесь — хорошая звукоизоляция. Так что и до шоссе звук выстрела не долетит.

«Интересно, — подумал Сашка, — а что она будет делать с мертвым телом. — И тут же сам себя поправил: — Что *мы* будем с ним делать?»

Какая-то часть его сознания тут же подсказал ему: можно будет закопать покойника в саду. Может быть, Наташка и лопаты загодя приготовила. Однако эта часть была *не-Сашкина* — он это отчетливо понял. И — во второй раз за эту ночь ужаснулся по-настоящему. Что-то жило внутри него — что-то не просто чужое, а совершенно ему чуждое. Опасное. Жестокое. Но даже и не это было самое худшее. Хуже всего было то, что он сам, Александр Герасимов, не мог предсказать — не мог даже догадаться! — как именно он в следующую секунду поступит. Этот чужак — он не только его ужасал. Он еще и восхищал его, приводил в упоительный восторг — почти завораживал. И никакой ужас не мог этого факта отменить.

Вот потому-то он и сделал то, что сделал. Его собственные соображения относительно Зуева Петра Ивановича не имели к этому никакого отношения.

— А вы знаете, — громко произнес Сашка, обращаясь к одному только директору зоопарка, — что я сумел выжить только лишь благодаря вам? Я ведь уже сказал: безликие могут слышать и понимать всё, что происходит с ними рядом. И соображать могут не хуже, чем обычные люди. Здорово, правда? Все те девчонки и ребята, которых вы *не убили* — они до самого конца понимали, что с ним произошло.

Петр Иванович издал звук, который, по всей видимости, должен был имитировать всхлип раскаяния. Вот только слез в этом звуке не было. А еще — Сашка увидел, как Зуев чуть развел пальцы, и косит на него теперь одним глазом. Смертельный страх и смертельная ненависть — вот что в его взгляде читалось.

Сашка чуть подвинул дуло «Льва Толстого», и точка лазерного прицела перепрыгнула прямо на глазное яблоко директора. Тот вскрикнул — как если бы ему защемили дверью палец. И отпрянул назад, часто и дергано моргая. Но — вскочить с пола, убежать даже не попытался. «Он рассчитывает, что я не смогу его убить», — подумал Сашка.

Однако в тот-то и состояла проблема: он, Александр Герасимов, в своем теперешнем состоянии очень даже мог нажать на курок — снести Петру Ивановичу Зуеву голову. И сделал бы он это с превеликим наслаждением.

— Ну, что же ты? — снова подала голос Наташка. — Ты ведь затем сюда и приехал, чтобы его убить. Разве нет?

Сашка честно подумал нал этим вопросом. Секунд пять или шесть размышлял над ним.

Ведь он, Александр Герасимов, поехал сюда, не захватив с собой никакого оружия. Да, его родители не держали в доме даже *ван Винклей*. Однако он мог бы взять с собой в эту поездку хотя бы кухонный нож. Или, скажем, молоток для отбивки мяса. И Сашка только теперь понял, почему он этого не сделал.

Поначалу-то ему показалось: он не взял оружия, потому что планировал убить Зуева голыми руками. Задушить негодяя, к примеру. Или забить его до смерти своими новыми здоровенными кулачищами. Но — не в этом было дело. Теперь-то он вполне осознал, что не в этом.

— Хватит уже откладывать! — в очередной раз поторопила его Наташка. — Если не хочешь стрелять в него из дробовика — ладно. Может, оно и правильно. Как потом мы станем собирать с полу его мозги? Лучше я дам тебе пистолет — у меня есть.

И она открыла какой-то ящик у Сашки за спиной — тот по звуку это понял. Однако к своей бывшей однокласснице даже не повернулся.

— Да нет! — Свой собственный голос Сашка едва узнал: теперь: звучал он как хриплый и недобрый говорок взрослого мужика. — Я вот как раз думаю: отложить это дельце очень даже стоит! Ведь должен же твой папочка в полной мере ощутить, каково это — превратиться в *полено*.

И с этими словами Сашка в один миг перехватил дробовик — снова с такой ловкостью, какой никогда не обладал в прежней своей жизни. А затем дважды ударил: в первый раз — по вскинутой руке бывшего директора; во второй раз — когда тот уронил изувеченную руку — по его голове. Но не по виску, нет. Он ударил сверху вниз, почти без замаха, чтобы только вырубить — ни в коем случае не проломить Зуеву череп.

3

Корпорация «Перерождение» планировала официально начать применение технологии регенерации в особенный день: седьмого января. То есть — в праздник Рождества Христова по юлианскому календарю. Этот день выбрал Макс — в память в своем погибшем брате, который хотел именно к Рождеству приурочить такой вот подарок человечеству. Денис Молодцов всегда обладал амбициями, до которых Макс и за сто лет было не дорасти. И — поразительное дело: пока Денис был жив, Макс считал его своим первейшим врагом. А теперь, когда прошло уже больше полугода с момента его смерти, он до сих пор не мог в неё поверить. И ощущал постоянную, ноющую пустоту от его потери, которую невозможно было одолеть или заполнить — что-то вроде фантомных болей после ампутации руки или ноги.

Брата ему не хватало — и в то же время его брат в каком-то смысле остался с ним, никуда не делся. Его внешность перешла теперь к другому человеку. Хотя — и сам Денис получил её в свое время от кого-то другого. Макс не знал, кто стал для него донором. Но трансмутация наверняка влетела в копеечку его единокровному брату: тот умер, будучи рослым голубоглазым блондином лет тридцати на вид. Вот только — красота не спасла ему жизнь. Разве что — сделала более приятным существование того, кто обладал ею теперь. И этого человека все, кто окружал Макса, считали президентом «Перерождения», Денисом Михайловичем Молодцовым. И сам Макс должен был своему псевдо-брату подыгрывать в поддержании такой иллюзии.

А сейчас сотрудники военно-медицинской службы уже перестали снова по операционной, отделенной стеклом от зала для наблюдателей: все необходимые

приготовления они уже завершили. Дело оставалось только за юридическими формальностями: приговоренному должны были зачитать приговор. После чего он получил бы общий наркоз — от которого отошел бы, уже будучи безликим.

И, зная то, что рассказывали первые испытуемые, прошедшие реградацию, Макс задавал себе вопрос: а не милосерднее ли была бы смертельная инъекция? Или даже — пуля в голову?

Он снова поглядел на Сашку — у того на лице ровным счетом никаких эмоцией не читалось. Как видно, господин Седов, в которого он трансмутировал, особым богатством мимики не обладал. Но — Макс догадывался, о чем размышляет сейчас его якобы пациент. Слишком хорошо помнил ту последнюю беседу, что состоялась между ними.

4

— Я хотел тогда, — признался Сашка, — двинуть ему еще пару раз. *Очень* хотел. Нос ему сломать. А еще лучше — выбить все зубы. Может быть, я и сделал бы это. Я даже видел *внутри себя*, как я стану это делать. Но кое-что мне помешало.

Сашке показалось: его внезапно ударило что-то в спину с левой стороны — под самую лопатку. Толчок был резкий, жгучий, но не такой сильный, чтобы сбить его с ног. Сашка вообще подозревал: после его *перерождения* не так много существовало вещей, способных его повалить наземь. Его чуть качнуло вперед, и он сделал крохотный шагок, чтобы удержаться на ногах — даже постарался не наступить при этом на отключившегося Зуева. Сашке было противно на него наступать — как если бы тот был раздавленным земляным червяком. И, только сделав вдох, который раздирающей болью отозвался у него и в груди, и в левой руке, Сашка уразумел: в него только что выстрелили.

Медленно, как во сне, он обернулся.

Наташка стояла в трех шагах позади него и держала обеими пуками какой-то маленький никелированный пистолетик — Сашка никогда прежде таких не видел, даже в кино. И в этот момент она могла бы легко добить его — попасть ему в голову с такого расстояния не составило бы никакого труда. Но — лицо его бывшей одноклассницы отображало недоумение и смущение. То ли она удивлялась тому, что не сумела убить Сашку с одного выстрела. То ли — стыдилась содеянного.

И Сашка не стал выяснять, какое из двух предположений — правильное. Он и сам не понял, как он совершил резкий разворот вбок — не успел подумать об этом сознательно. И одновременно он шагнул к Наташке и схватил обеими ладонями её руку, сжимавшую пистолет. Боль пронзила его насквозь, и краем глаза Сашка даже сумел увидеть, как свитер на его груди напитывается кровью: пистолетная пуля явно прошла навылет. Будь он собою прежним — и от такой боли он просто потерял бы сознание. И даже теперь у него на миг потемнело в глаза. Но Наташкину руку он не выпустил. Его новые пальцы — сильные, как у чемпиона по армрестлингу — вывернули руку Наташки так, что дуло смотрело теперь в её сторону.

Он рванул Наташкину руку на себя, снова повинувшись чужому инстинкту. И опять проигнорировал взрыв боли в груди.

— Сашка, ты чего? — Наташка как будто удивлялась — с какой это стати он хочет отобрать у неё оружие.

Но тут Сашка удивил и самого себя.

— А ну, бросай! — рывкнул он, а потом прибавил несколько таких слов, какие в прошлой жизни он стеснялся употреблять даже мысленно.

Неизвестно, что подействовало на его бывшую одноклассницу сильнее: вид окровавленного Сашки, его инородная, взрослая сила или этот затейливый мат. Но только никелированный пистолетик она выпустила. И первым Сашкиным побуждением было — не просто наставить на неё оружие, но еще и спустить курок. Чтобы уж — наверняка.

Однако это побуждение прошло за одну секунду. Он бросил пистолет на пол и отшвырнул его носком кроссовки далеко в угол. А потом шагнул к Наташке, обнял её, прижал к себе. И — удивительное дело: Наташка тоже его обняла. А потом заревела, как маленькая, утыкаясь в его свитер носом.

Его кровь пачкала светлые Наташкины волосы — теперь бывшая одноклассница едва доставала ему головой до плеча. И Сашка подумал: «Наташка стала теперь как линяющая белка: местами — светлая, местами — рыжая...»

— Ничего... — Сашка здоровой правой рукой слегка погладил Наташкину спину, которая тут же затряслась под его пальцами. — Всё хорошо... Нам только понадобится телефон...

— Мы не должны сдавать его на экстракцию. — Наташкин голос звучал жалобно — но и зло, обиженно. — Иначе он тоже сможет вернуться — как и ты.

— Он не вернется. — Сашка отнюдь не был в этом уверен, но перед глазами у него уже прыгали черные точки: от потери крови, как он понимал; ему срочно нужна была «скорая». — Я тебе обещаю, что на экстракцию он не попадет. Я сумею убедить суд, что он даже этого не достоин.

5

И сейчас, почти два месяца спустя, несдержанное Сашкино обещание являло себя во всей красе. Чему сам Александр Герасимов и был свидетелем.

Он всё еще должен был носить перевязь для левой руки: как выяснилось, у регрантов огнестрельные ранения заживали плохо. Макс подумал даже: это — свидетельство потенциально опасной аберрации, и надо будет как-то нивелировать её. Однако — новая технология корпорации «Перерождение» была настоящим светом в конце туннеля. Подлинной панацеей для вымирающего человечества. И стоило ли обращать внимание на такие пустяки, как замедленная регенерация тканей у пациентов?

А вот голова Петра Ивановича Зуева вполне успела зажить. То ли Сашка двинул его прикладом «Льва Толстого» не так уж сильно, то ли бывший директор зоопарка обладал просто выдающимися способностями к физическому восстановлению. Когда он вошел в отсек за стеклом — тот, что напоминал операционную — лицо его было белым, как сметана. И крупные черты его одутловатого лица заострились и окаменели — его лицо стало похожим на лик каменной горгульи с крыши какого-нибудь готического собора. Однако ступал Зуев твердо — не качался. Или, быть может, не качался он потому, что справа и слева его поддерживали под локти двое охранников. Чтобы он, чего доброго, не оступился в последний момент, не сломал себе ногу или руку — из-за чего *не-казнь* пришлось бы отложить. А оступиться он мог: его руки и ноги сковывали сверхпрочные пластиковые кандалы.

«Как будто он может отсюда сбежать! — подумал Макс. — Или — наброситься на

своих не-палачей — которых тут восемь человек».

Однако он, доктор Берестов, знал: кандалы — это быда дань традиции. И еще — реверанс в сторону родственников жертв. Как будто тех утешил бы факт, что человек, отнявший у них всё, в последние минуты своей человеческой жизни передвигался стреноженным, словно лошадь на пастбище.

Зуев мог видеть через стекло, кто пришел на него посмотреть — это тоже было частью процедуры. Так что, когда женщина, сидевшая от Макса через два стула, вскочила на ноги и бросилась к стеклу, Зуева качнуло в сторону — словно он опасался её гнева.

— Ты!.. — Она бешено, иступленно ударила в пуленепробиваемое стекло двумя кулаками, а потом еще и врезалась в него всем своим худощавым телом. — Ты, мразь, убийца, вонючая тварь!.. Тебя надо было убить двадцать восемь раз — сколько умерло наших детей!

Максу было известно: это — мать Валерки, лучшего друга Сашки Герасимова. И несчастная женщина явно не знала, что здоровенный мужик с рукой на перевязи, сидевший сейчас в зале — это вернувшийся из небытия Сашка. Все осведомленные об этом лица хранили молчание. Сашкины родственники — из-за того, что их мальчик прошел реградацию нелегально. Наташка — потому что так ей велела её мама, которая сидела сейчас с нею рядом. Макс имел разговор с госпожой Зуевой — и дал ей понять, что снисходительное отношение корпорации «Перерождение» к проблемам её дочери будет напрямую обусловлено её молчанием. А сам Сашка молчал, не раскрывал своей истинной личности, просто потому, что не смог бы иначе смотреть в глаза родным своих одноклассников. Хоть и не было никакой его вины в том, что из всего класса выжил только он один.

Правда, Макса удивило то, что Валеркина мать говорит про *двадцать восемь* человек — ведь Наташку-то она видела! Но потом он решил: для родителей все дети умерли еще в октябре 2081 года. И появление здесь живой и здоровой Наташки казалось им нонсенсом, совершенно несуразной вещью — всё равно, как если бы здесь появился человек, называющий себя воскресшим поэтом Пушкиным.

Валеркину мать тут же мягко и ловко подхватили под руки охранники, к которым подбежала также и женщина-психолог, которую вызвали дежурить во время процедуры неказни. Как видно, подобные эксцессы были в этой клинике отнюдь не в диковинку. И минуты на три все — включая самого Макса — отвлеклись от того, что происходило за пуленепробиваемым стеклом. Лишь тогда, когда мать Валерки вывели из зала со стульями, и там снова повисла тишина, Макс наконец-то посмотрел, что творится в операционной.

Зуев уже лежал на длинном медицинском столе, и пластиковые кандалы с него успели снять. Вместо них запястья и щиколотки бывшего директора зоопарка защелкнули в специальные захваты, которые на этом столе имелись. Петр Иванович что-то быстро говорил — поворачивая голову поочередно к каждому из своих восьми *не-палачей*. Наблюдателям не было слышно, какие слова он произносит: стекло было еще и звуконепроницаемым.

Однако в этом стекле имелся специальный динамик. И вот-вот должен был наступить момент, когда его включат.

Глава 5. Не казнь

Январь 2087 года

Москва

1

Прибывший в клинику юрист включил микрофон только в своем отдельном отсеке — чтобы наблюдатели могли слышать, как он зачитывает укороченную версию приговора. А Зуева, продолжавшего что-то бормотать, по-прежнему не слышал никто. Их назвали двадцать семь — имен его жертв. Но, похоже, никто кроме Макса не обратил на это внимание.

Каждое имя было для Макса — всё равно, что выплеск крутого кипятка ему на кожу. Он даже сам от себя не ожидал такой реакции: он вздрагивал, передергивал плечами и жаждал сбежать после каждого услышанного имени. В душе его уже полгода царило некое подобие мира — с тех самых пор, как Настасья стала его невестой и поселилась вместе с ним в Москве. И вот теперь приговор бывшему директору зоопарка словно вернул ему память о том, что он, Максим Берестов, не имел никакого права забывать: все эти люди, чьи имена перечисляли сегодня, были бы живы и здоровы, когда б ни его, Макса, пронырливый ум и фатальная везучесть. Ну, *скорее всего* были бы живы и здоровы.

А судебный юрист будто издевался над ним: выговаривал слова приговора веско и с пафосом — так, как если бы он зачитывал, к примеру, американский Билль о правах. Этот мужчина лет тридцати пяти — невысокий, рыжеватый, с далеко отступающими ото лба волосами — явно не впервые исполнял в особой клинике такую роль.

«Да он прямо кайф от этого ловит! — подумал Макс. — Но странно, что Дарьк Воробьеву он не назвал среди тех, кого Зуев угробил. Хоть она и была его подельницей, но всё равно — пострадала от его руки».

Макс присутствовал во время Сашкиного выступления на суде, который проходил в конце прошлого года. И слышал, как тот поведал всю правду о роли своей бывшей учительницы в уничтожении его школьного класса. Однако Дарья Степановна Воробьева отошла в лучший мир еще два года тому назад — если, конечно, подобный мир мог существовать для таких, как она. И Сашка высказал тогда на суде просьбу: отправить туда сразу же, без всяких эстракций, и Петра Зуева. Высказал — поскольку давал показания на заседании, закрытом и для публики, и для журналистов. Провести заседание в таком режиме оказалось непросто — слишком уж резонансным было то дело. Но на этом настоял адвокат, нанятый «Перерождением» (а, точнее — лично доктором Берестовым). Мотивация была: свидетель несовершеннолетний, и психика его пошатнулась за время пребывания в состоянии безликого. Но главной причиной стало, конечно же, то, что Сашкино инкогнито нужно было сохранить любой ценой. Иначе жизнь его самого и его семьи превратили бы окончательно в ад и журналисты, и соседи, и просто любознательные граждане, которые прямо-таки жаждали узнать: каково это — быть безликим?

Разумеется, Сашкину просьбу и не подумали удовлетворить. Нарушать конвенцию об отмене смертной казни никто не собирался. И сейчас Макс, отвернувшись от беззвучно бормочущего директора зоопарка, поглядел на преобразившегося Александра Герасимова. Однако тот в его сторону больше не смотрел. Он глядел безотрывно — даже не на Зуева: на

его дочку Наташу.

А вот сама Наташа — та не отводила глаз от приговоренного. И на губах её играла кривая и какая-то нехорошая, непонятная улыбка. Макс подумал было: она хочет поймать взгляд отца. Однако Петр Иванович про свою дочь — да и вообще про всех, кто находился за стеклом — явно позабыл напрочь. Не до них ему было. Уж он-то прекрасно знал, *что* сейчас будет с ним происходить — как-никак, он самолично произвел экстракцию двадцати восьми человек.

Но — и он сам обманулся в своих ожиданиях, и все те, кто присутствовал в тот день на страшной процедуре. Хотя — позже Макс думал, что кое-кто наверняка был готов к тому, что произойдет после того, как приговор будет зачитан и военные медики приготовятся дать Петру Ивановичу Зуеву наркоз. Кто-то ведь должен был организовать всё то, что случилось дальше.

2

Блэкауты случались в российской столице и прежде. И, пожалуй, даже чаще, чем в других городах Евразийской конфедерации. Мегapolis-то был огромный. И специалистов, которые должны были поддерживать в рабочем состоянии его электросети, нужны были тысячи. А их число за последние годы катастрофически убывало. Но — в таких учреждениях, как особая клиника на окраине города, отключения не должны были происходить ни при каком раскладе. Во-первых, в ней наверняка имелось несколько резервных генераторов. А, во-вторых, прерывать процесс экстракции из-за отключения света — это было бы равносильно тому, чтобы нарушить пресловутую конвенцию о запрете смертной казни. Прерванную процедуру не пережил бы никто. Хотя — это наверняка было бы равносильно акту милосердия.

Все наблюдатели, что сидели на стульях рядом с Максом, как по команде ахнули, когда во мрак одновременно погрузились оба помещения — и зальчик для наблюдателей, и псевдо-медицинский кабинет за стеклом, где приговор должны были привести в исполнение. Судебный юрист, еще не успевший отключить микрофон, издал горлом что-то вроде удивленного криканинья, но тут же взял себя в руки.

— Соблюдайте спокойствие! — всё тем же актерским голосом произнес он. — Сейчас энергоснабжение будет восстановлено. Я лично...

Но вот что именно он собирался сделать лично — выяснить не удалось: мужчина вдруг осекся на полуслове. Или, быть может, его микрофон отключился, как и электричество в больничном корпусе — хотя почему-то проработал чуть дольше.

— Максим Алексеевич, — шепотом произнес референт-охранник, — я могу вас вывести отсюда. Я знаю, где дверь, а ситуация потенциально...

Но и ему оказалось не суждено закончить свою фразу. Свет загорелся снова так же внезапно, как и погас. И на сей раз все наблюдатели издали общий вздох облегчения. Так что никто, включая самого Макса, не заметил в первый момент странности: отсек за стеклом, где находился Зуев и здешние «доктора», был задернут теперь черной пластиковой шторкой. Макс знал: так делают, когда процедура экстракции подходит к завершению. Слишком уж устрашающее зрелище являют собой под конец недобровольные трансмутанты. Но — доктор Берестов хорошо знал и другое: процедура экстракции занимает самое меньшее пять минут. А свет отключали секунд на тридцать, самое большее. Да никто и не стал бы пытаться

привести приговор в исполнение в полной темноте.

Макс вскочил на ноги — так что стул его с грохотом отодвинулся. И почти синхронно с ним поднялся со стула его охранник — который наверняка проследил направление взгляда Макса и заметил, что произошло.

— Быстро идем туда! — бросил ему Макс. — Что-то тут не так.

И они оба даже успели сделать шага по три по направлению к двери, когда зальчик для наблюдателей огласился криками ужаса. Макс быстро обернулся, и тотчас увидел, что сотворила с собой Наташа Зуева. Она сидела на своем стульчике спокойно, и даже как-то расслабленно. А по белому вороту её свитера ползло влажное ярко-алое пятно.

3

Наташа сразу по окончании экстракции её отца должна была отправиться в специальный санаторий «Перерождения» (где ждали также и Сашку Герасимова — хотя и в другом отделении). Так что на процедуру она прибыла уже в теплой одежде: в кофте с толстым воротом до самого подбородка и высоких сапожках, в которые были заправлены её джинсы. Очевидно, за голенищем одного из сапожек она и спрятала предмет, который пустила теперь в ход.

Все, кто находился в зале для наблюдателей, должны были при входе в него проходить через рамку металлодетектора. Так что сопровождавший Макса «референт» вынужден был прийти сюда с одним лишь *ван Винклем* в кобуре: усыпляющий пистолет имел модификацию, в которой отсутствовали металлические детали. И Наташа Зуева выбрала для достижения своей цели керамический нож — короткий, с широким лезвием. Но сейчас Макс мог видеть лишь рукоять этого ножа, да узенькую полоску клинка чуть пониже гарды. А всё остальное — ушло в Наташину шею, чуть пониже подбородка. Там, где находилась сонная артерия.

Макс действовал, не размышляя. Понимал: при таких ранениях человек истекает кровью за секунды. А белый ворот Наташиного толстого свитера всё набухал ярко-алой жидкостью. Её мама так и сидела на стуле рядом с дочерью — даже не поднялась. И только взирала на неё, разинув рот, да повторяла раз за разом «Наташа, Наташа?», как если бы полагала, что вместо дочери с нею рядом оказался кто-то посторонний. Так что Макс пришлось грубо отпихнуть её стул, и она едва не рухнула на пол.

Макс на бегу сорвал с себя галстук, в один миг свернул его тугим комом и прижал к Наташиной шее — придавил участок вокруг ножа. Понимал: если клинок извлечь, это лишь ускорит фатальный исход.

— Наташа, только не шевелись! Сиди неподвижно.

Только тут до Наташкиной матери стало что-то доходить. Она испуганно заверещала, вскочила и протянула к дочери руки. Но подоспел охранник Макса: удержал её, не дал ей коснуться жуткой раны.

Впрочем, выглядела эта рана всё-таки не так ужасающе, как Макс ожидал. Кровь должна была бы бить из неё пульсирующим фонтанчиком, но на деле кровавое пятно на вороте Наташиного свитера даже не расплзлось. Кровотечение словно бы замедлилось само собой. Получалось, что клинок запечатал рану. Макс о подобных случаях знал, вот только — не при повреждении сонной артерии у девочки-подростка.

— Отойдите, отойдите все! — орал между тем охранник, с трудом перекрывая вскрики

и ахи со всех сторон.

— И вызовете сюда еще врачей! — зло крикнул Макс. — Мы же в больнице, мать её!.. Кто-то же здесь должен уметь оказывать медицинскую помощь. Быстрее! — Он кивнул охраннику, указывая на выход. — Я тут управлюсь и без вас.

Тот устремился к дверям, а вместе с ним — и кто-то еще. Но Макс даже не сумел разглядеть, кто именно это был. Другое отвлекло его. Ножик с широким лезвием вдруг сам собой, будто по волшебству, выпал из Наташиной шеи. И клинок его оказался куда короче, чем ожидал Макс.

4

Впоследствии, когда ничего уже было не исправить, Макс не раз задавался вопросом: как вышло, что он купился на такой примитивный трюк — выполненный в духе дешевого киношного спецэффекта? И ответ находил только один: очень уж ловко было выполнено отвлечение внимания. И чересчур быстро всё произошло. Погаснувший свет лишил всех на какое-то время ясности зрения. Так что — театрального ножа с убирающимся лезвием, воткнутого в полиэтиленовую подушечку с фальшивой кровью, оказалось достаточно, чтобы обмануть всех. Даже доктора Берестова — хоть он сам себя к простакам уж точно не причислял.

Он выдернул опустевшую пластиковую емкость из-под ворота Наташиного свитера и почти что ткнул ею девочке в нос.

— Что за балаган ты тут устроила? — заорал он со свирепостью, вызванной более всего раздражением на самого себя.

И Наташа снова улыбнулась ему — той самой непонятной улыбочкой, какую он заметил на её лице давеча.

— Это не балаган, — сказала она. — Дело сделано.

В этот момент в коридоре затопотали. И в зальчик вбежали двое молодых мужчин в медицинской униформе — то ли *настоящие* врачи клиники, то ли просто местные лаборанты. Макс оглянулся на них, зло мотнул головой:

— Ничего не нужно. Эта барышня в медицинской помощи не нуждается.

И он поискал взглядом своего референта-охранника — думая, что тот вернулся вместе с двумя сомнительными докторами. Хотел сказать, что нужно ускорить процесс отправки Надежды Зуевой в специализированный санаторий. Однако своего «прикрепленного» Макс нигде не увидел.

Зато узрел другое.

Сашка Герасимов, который выглядел теперь как двухметровый бугай с толстенной шеей, стоял возле стекла, отделявшего от зальчика страшную *процедурную*. К стеклу он прижался лбом, а справа и слева от висков держал, имитируя лошадиные шоры, разведенные ладони. Макс мгновенно понял: пластиковые жалюзи, которые исполняли роль черного занавеса, имели узкие щели. И бывший безликий сумел одну из таких щелей обнаружить.

Макс поднялся, бросив на пол свой изгвазданный фальшивой кровью галстук. Конечно, он понимал, что его подопечный испытывает болезненный интерес к процедуре, через которую он сам прошел — на свое счастье, в бессознательном состоянии. Но с такой вот жадностью на неё глядеть — это было явно чересчур. «Не зря я решил, что ему требуется помощь специалиста», — подумал Макс почти что с облегчением.

И в этот момент Сашка Герасимов отпал от стекла и повернулся к нему — грозно, всем корпусом, так что Макс не без труда подавил желание отпрянуть в сторону.

— Его нет, — сказал он. — Там, на столе, он больше не лежит.

Конечно, Макс понял: его подопечный говорит о Зуеве. Однако в первый момент лишь пожал плечами:

— Должно быть, всё уже кончено. Вот его и отстегнули.

Тут же, впрочем, он сам себя и одернул: времени-то явно прошло еще мало! А Сашка вместо ответа пробормотал какое-то беззвучное ругательство, а потом прибавил — явно изо всех сил стараясь соблюдать спокойствие:

— Да вы сами пойдите, взгляните — *что* там. Ваш-то помощничек там уже бегаёт — крутится, как навоз в проруби.

И это явно была еще одна из неприятных особенностей, которым оказались подвержены реграданты: их манера речи претерпевала самые непредсказуемые изменения, ассимилируя речевые паттерны доноров.

Но в тот момент Макс подумал об этом мельком, чисто автоматически. Расталкивая гомонивших наблюдателей, он устремился в коридор.

5

То, что Макс увидел в процедурной, показалось ему в первый момент настолько диким и невыносимым, что на миг он даже прикрыл глаза — как если бы рассчитывал, что попал под воздействие морока, который необходимо развеять.

Сашка не соврал: бывший директор зоопарка и вправду пропал по стола для экзекуций. Равно как пропали из помещения и все восемь представителей клиники, которые должны были приговоренным заниматься. И можно было бы даже представить, что все они просто-напросто переправляли в другое помещение подвернутого принудительной экстракции Зуева. Вот только — кое-что не позволяло думать так.

Во-первых, рядом со столом так и стояла хирургическая каталка, на которой должны были увезти Петра Зуева после исполнения приговора. И Макс ни секунды не верил в то, что здешние доктора стали бы выносить отсюда нового безликого на собственных руках.

Во-вторых, ремни, которыми Зуева к медицинскому столу прикрепили, были не растегнуты, а разрезаны. Тем, что освобождал от них бывшего директора Московского зоопарка, явно дорога была каждая секунда.

И, в-третьих, впасть в иллюзию не позволил бы вид юриста с высокими залысинами, который только что зачитывал приговор. Он вяло шевелился теперь в своем застекленном отсеке — и как будто даже отбивался от охранника Макса, который пытался к нему подступить. На затылке рыжеватые волосы мужчины слиплись от свежей крови. Макс даже не знал, чего именно хотел его прикрепленный: оказать помощь этому человеку или немедленно его допросить.

Но — чего он сам хочет, Макс знал. Быстро шагнув к поверженному юристу, он склонился над ним и задал только один вопрос:

— Вы слышали, что именно говорил Зуев, когда его пристегивали к столу?

Лысоватый юрист слышал — и немедленно сообщил Максиму, *что*. А потом прибавил:

— Я даже не понял, кто оглоушил меня — тогда, в темноте.

Но — это обстоятельство Макса в данный момент уж точно не волновало. Он выхватил

из кармана свой мобильный телефон — радуясь, что корпорация «Перерождение» обеспечило его этим гаджетом, почти прекратившим существовать в эпоху информационной инволюции. Однако набрать номер полиции он не успел.

Мобильник пронзительно пиликнул — пришло SMS-сообщение от Настасьи. И, когда Макс его прочел, про вызов полиции он позабыл напрочь.

Референт о чем-то спрашивал его, даже голос позволил себе возвысить. И даже юрист, который встал-таки с пола и прижимал теперь ладонь к своему кровоточащему затылку, сделал к Максиму два шажка и что-то произнес. Однако их слова звучали для Макса будто из другой вселенной. Он вызывал телефон Настасьи — с которого сообщение было отправлено всего минуту назад. Но слышал одну лишь музыкальную заставку: фрагмент увертюры к опере Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии».

Глава 6. Девушка и черный пес

Январь 2087 года

Москва

1

Настасья Рябова ощущала себя так, как если бы её жизнь стала подобием сумасбродного бала-маскарада Эдгара Алана По — того самого, в конце которого появляется Красная Смерть. Её мать, которую она много лет считала утонувшей, вернулась к ней — живой и относительно здоровой. Но выглядела она теперь как бывшая Настасьи́на соседка по дому Карина — сестра Ивара Озолса, её погибшего друга детства и почти жениха. Настасьин отец, о котором девушка думала, что и он утонул вместе с матерью, тоже оказался вполне себе жив. Да еще и выяснилось, что все последние девять лет он постоянно находился рядом с Настасьей. Только, пройдя трансмутацию, принял облик её деда, маминого отца — профессора Петра Сергеевича Королева, который и в самом деле погиб. А теперь, после повторной трансмутации, её папа стал выглядеть как Денис Молодцов — президент всесильной корпорации «Перерождение»: монопольного поставщика на рынок пресловутых капсул Берестова, благодаря которым трансмутация и была возможна.

Но всё же сегодня Настасья чувствовала себя вполне счастливой. Завтра, в день Рождества по юлианскому календарю, корпорация «Перерождение» должна была объявить всему миру о начале самого широкого применения нового открытия гениального Максима Берестова: технологии реградации. Ну, то есть — открытие это было не столько Макса, сколько *профессора Королева*. Однако существовали причины, по которым этого упоминать никто не станет.

И счастлива Настасья была не столько за себя, сколько за Макса — который за минувшие полгода стал не *почти*, а самым настоящим её женихом. Да, в этом была дикая, вывихнутая ирония. Ивар так и не успел сделать ей предложение. Да что там, они и в любви-то друг другу объясниться, по сути дела, не успели. Зато теперь человек с лицом Ивара подарил ей обручальное кольцо, и они уже назначили дату свадьбы: на Красную горку: в первое воскресенье после Пасхи — четвертого мая. До этого момента оставалось еще почти четыре месяца, но — в глубине души Настасья была этому даже рада. Поскольку, прежде чем выходить за Макса, она должна была кое-что уладить в собственной жизни — то, без чего её брак оказался бы кургузым, неправильным. То, без чего вся её семья оказалась бы *неправильной*.

Потому-то сегодня, когда Макс укатил с утра пораньше по одному крайне неприятному делу, она кое-кому позвонила. Собственно, первый-то звонок по этому номеру Настасья сделала еще десять дней назад, до наступления Нового года. И формальный повод был — поздравление с грядущим праздником. Однако истинная причина обоих звонков — и тогдашнего, и нынешнего, — была очень хорошо понятна и ей самой, и тому, чей номер она набирала. Точнее — не тому: *той*. Женщине, которую она и прежде-то не называла мамой, только — Машей. А теперь при виде неё у Настасьи с языка так и норовило сорваться другое имя: *Карина*.

По счастью, у Марии Рябовой имелся мобильный телефон — как и у самой Настасьи. Так что связаться с нею, соблюдая конфиденциальность, никакого труда не составило. О

сделанных телефонных звонках Настасья не планировала говорить никому. Ни своему отцу, ни даже Максу, в чьей квартире они проживали вместе еще с прошлого лета. А с ними компании в квартиру вселился и третий жилец — огромный черный пес: ньюфаундленд Гастон, любимец их обоих. Да что там — любимец всех, кто только его знал!

По большому счету, квартира эта была не Макса — его отца, Алексея Федоровича. Макс провел в этом доме на Большой Никитской только первые восемь лет своей жизни, а затем — по причинам, о которых крайне не любили упоминать отец и сын Берестовы, — переехал к бабушке и дедушке в Санкт-Петербург.

Впрочем, насколько поняла Настасья, в этой квартире мало что переменялось за четверть века, что с того момента прошли. Разве что — входные двери стали более массивными и замков в них прибавилось. Зато звук, с которым сработал видеозвонок, наверняка остался тем же, что и во времена детства Макса. Настасья глянула на экран, коротко выдохнула и пошла отпирать дверь. А Гастон, всё утро ходивший за своей хозяйкой по пятам, тут же пошлепал за нею следом в прихожую.

2

Гастон очень любил своих людей. Он всех людей любил, конечно же, такова была его суть. И такова была природа всех ньюфаундлендов: быть рядом с людьми, помогать им, защищать их, спасать даже ценой своей собственной жизни. Однако люди, с которыми он разделял свою жизнь — это всё-таки было не то же самое, что все остальные. И потому его собачье сердце не оставляло беспокойство с самого утра — с момента, как хозяин ушел невесть куда, а хозяйка поговорила с кем-то по странной плоской коробочке, и после этого разговора стала сама не своя. У неё даже запах переменялся — стал резким и горьковатым, как у миндальных пирогов, которые ньюф терпеть не мог.

Но главное, что Гастону не понравилось — это интонации, с которыми его хозяйка Настасья разговаривала по своей коробочке. Одних этих интонаций хватило бы, чтобы его встревожить: такого взвинченного тона он от Настасьи совсем не ожидал. К тому же, Гастон знал и понимал немало слов из людского лексикона, однако из сказанного Настасьей он ясно уловил только одно слово: *поскорее*. И это слово хозяйка повторила несколько раз — не только с нетерпением, что было и понятно, но и с едва скрываемым раздражением. По этой же самой коробочке кто-то что-то ей ответил, но что именно — этого Гастон не разобрал. Но, едва только раздался хорошо знакомый ему звук дверного звонка, пес мгновенно уразумел: к ним в гости пришел именно тот человек, с которым Настасья говорила. И ньюфаундленд, знавший, что такое видеоглазок, поглядел на изображение на дисплее куда более пристально, чем его хозяйка.

Так что, в отличие от Настасьи, черный пес мгновенно уразумел, в чем состоял подвох. Уж его-то было не так просто провести! Он бы, пожалуй, даже попробовал предупредить свою хозяйку — гавкнул бы разок-другой, к примеру. Но — в обнаруженном подвохе Гастон не узрел ровным счетом никакой опасности для Настасьи. Ведь человек, которого он увидел на дисплее, был ньюфу прекрасно знаком. И пес даже считал его *почти своим* человеком.

А вот Настасья — та ничего не понимала до того самого момента, как отперла все замки на двери. И — даже тогда догадалась не сразу. Что, впрочем, вряд ли можно было считать удивительным — учитывая полную неспособность людей различать запахи. Уж сам-то Гастон тут же смекнул бы, кто вошел — даже и без короткого наблюдения за дисплеем.

Этот запах — смесь дорогого одеколона, каких-то лекарств и кожаной одежды — он распознал мгновенно. Так что изумление Настасьи в каком-то смысле даже позабавило черного пса. Точнее — позабавило бы, если бы не вызвало у хозяйки такой досады и такого огорчения.

3

Настасья отперла дверь, настолько уверенная в том, кого именно она увидит на пороге, что видела именно её, даже тогда, когда она вошла в квартиру. Эта высокая худошавая женщина, с пестрым платком-палантином на голове, в красном кашемировом пальто до пят — Настасья ни мгновения не сомневалась, что видит перед собой новое воплощение своей мамы, принявшей облик бывшей Настасьиной соседки по дому Карины. Той злобной неудачницы, мозговым экстрактом которой Настасьин отец воспользовался, чтобы вернуть из страны безликих Марию Рябову.

— Привет, Маша! — Настасья сделала пару шагов назад, чтобы впустить в прихожую свою мать.

И только тогда, когда гостья начала двигаться, до девушки стало доходить: её провели! Эти шаги — они были легкими и пружинистыми. И — да: Настасья хорошо знала эту походку. Вот только — это была вовсе не походка её матери.

— Здравствуй, Настасьюшка! — Вошедший быстро сбросил с головы палантин, а потом и снял пальто. — Не удивляйся: это с самого начала был я.

Настасьин отец, который выглядел теперь как мифологический Зигфрид, повернулся к входной двери и запер все замки. А девушка застыла на месте так, будто её приклеили чем-то к полу. Гастон торкнулся было к гостю, но потом перехватил Настасьин взгляд — и остановился на полдороге. Выражение его морды словно бы спрашивало: «Так что, он больше не друг нам, что ли?» Даже всегдашняя песья улыбочка ньюфа — и та погасла.

Между тем Настасьин папа — Филипп Рябов, которого все считали теперь Денисом Михайловичем Молодцовым, — аккуратно повесил пальто и палантин на вешалку в прихожей. Под этой маскировочной одеждой на нем был привычный ему костюм-тройка, а на ногах его красовались высокие кожаные ботинки. Ах, если бы Настасья дала себе труд взглядеться повнимательнее в ту фигуру, которую показала ей камера видеодомофона! Наверняка эти ботинки выглядывали из-под подола красного пальто. Впрочем, Настасьин папа стоял, низко опустив голову — лица его она не смогла бы увидеть. А ботинки — что же, и женщины сегодня носят на ногах всякое. И Настасья, тряхнув головой, чтобы сбросить морок, произнесла — почти ровным голосом:

— Проходи, папа, раз уж ты решил меня навестить. — Она чуть посторонилась, открывая проход в гостиную Алексея Федоровича Берестова. — Расскажешь мне, как ты сумел убедить маму подыграть тебе в этом спектакле.

— Никого и не пришлось убеждать. — Филипп Рябов, как ни в чем не бывало, пригладил перед коридорным зеркалом свои густые светлые волосы. — Изготовить преобразователь голоса, которые сможет имитировать голосовые параметры кого угодно — сущий пустяк для специалистов «Перерождения». А эти специалисты теперь все работают на меня.

4

Гастон видел, что Настасья едва сдерживает гнев: она так сильно кусала губы, что в одном месте даже выступила капелька крови. А он, её пес, не представлял себе, *что* он должен сделать, чтобы ей помочь. И оттого не находил себе места: мотался из угла в угол по просторной гостиной, в которой Настасья и её гость беседовали, сидя в креслах по разные стороны журнального столика. Хотя — слова «журнальный» ньюфаундленд не знал. Для него это был просто низкий стол, на котором вечно были свалены скрепленные и не скрепленные листы бумаги, от которых ядовито воняло краской.

Впрочем, даже этот запах был псу менее неприятен, чем тот, который источал сейчас гость его хозяйки. Даже аромат одеколona не мог сейчас заглушить запахов пота и напряжения, которые струились от этого человека, словно липкий туман. Так что ньюф теперь едва улавливал те характерные признаки, которые прежде роднили этого человека с хозяином Гастона — Максом, который так не вовремя ушел сегодня куда-то, да еще так надолго. У этих двоих запахи были многослойные, находящие один на другой — по три на каждого.

Один — самый сильный — был некий глубинный запах, который у Макса остался неизменным даже после того, как некоторое время назад он во второй раз сменил свое лицо. Второй запах был как бы срединным, и у Макса еще недавно он был *на поверхности*, так что его не составляло труда уловить. Но теперь и у хозяина Гастона, и у теперешнего гостя возник запах третий — перекрывающий тот, что был вторым. И этот третий запах — он словно бы витал *вокруг* и того, и другого. Это был запах чужой, присвоенный, и еще не *приросший* к новому владельцу.

И вот теперь Гастон ясно улавливал, как этот чужой запах словно бы простирает к Настасье свои лапы — как если бы он был диковинным, непонятным зверем: существом невидимым, то при этом совершенно реальным.

Гость говорил что-то, делая раз за разом ударения на одних и тех же словах. Причем чаще всего повторялись в его речи слова *твоя мама*.

5

— То же мне — открытие, — пробормотала Настасья, когда её папа начал излагать, в чем, по его мнению, состоят нынешние проблемы Марии Рябовой. — Я давно это знаю. Макс говорит: это непредсказуемая, но обратимая аберрация. Потому-то я и хотела с Машей встретиться — с глазу на глаз. Оценить ситуацию. Только ты, *папа*, — она сделала на этом слове иронический акцент, хоть и не планировала такого, — почему-то решил устроить весь этот цирк. Ты что, не мог приехать к нам с Максом в гости просто так?

— Я уже приезжал. И это возымело странные последствия.

Вот тут-то Настасья и не сдержалась — прикусила в досаде нижнюю губу.

— Ты не в курсе, — продолжал между тем её папа, — что произошло в «Перерождении» сразу после того моего визита?

— Ну, ты меня сейчас просветишь на сей счет, я думаю.

— Просвещу — раз уж ты не читаешь газет и не смотришь Единый новостной канал. Там, помнится мне, только ленивый об этом не говорил. Вообрази себе: какие-то невероятно ушлые хакеры сумели взломать сервер «Перерождения». И — попробуй, угадай: до какой именно информации они добрались?

— Ах, вот ты о чем. — Настасья заставила себя издать смешок. — Так это новость даже не с бородой — с бородищей как у Полифема. Помнишь, мы с тобой читали о нем когда-то в древнегреческих мифах?

— И Макс не рассказывал тебе, как ему это удалось: слить информацию подпольным докторам так, чтобы никто ничего не смог доказать? Или, быть может, он сам этим же докторам и платит зарплату? И они, как его служащие, подписали обязательство о неразглашении?

Настасья ничего не ответила — она-то знала полную правду о произошедшем. Макс обо всем ей рассказал, когда она напрямую его об этом спросила. Как рассказал ей и о прошлом визите её преобразившегося отца.

А Филипп Рябов подождал немного — со странным выражением наблюдая за тем, как его дочь кусает губы. Потом сказал:

— Ладно, а теперь поговорим о действительно серьезных вещах. И прежде всего — о телефоне твоей мамы. Я предполагал, что рано или поздно ты ей позвонишь — потому и озаботился поставить на её мобильник то устройство. Ведь сама она сейчас отвечать на звонки не может.

Настасья похолодела: это могло означать только одно.

— Ты всё-таки сплавил её туда... — прошептала она.

— Не сплавил, — мгновенно парировал её отец. — Отправил для её же защиты. И — то, что с ней происходит, это отнюдь не случайная аберрация. Как бы ни хотелось так думать твоему жениху.

— А если бы ты знал с самого начала, что с мамой будет происходить нечто подобное — ты что, не стал бы ничего предпринимать? Позволил бы ей угаснуть — безликой, в том поганом санатории? — И теперь Настасья настолько возвысила голос, что Гастон, кружившийся на комнате, застыл на месте и от неожиданности издал то ли короткое гавканье, то ли удивленный вздох.

Филипп Рябов ответил не сразу. Какое-то время он, казалось, прислушивался к какому-то голосу, что-то подсчитывал и прикидывал, потом произнес:

— Не буду врать: я всё равно сделал бы то, что сделал. Но — это было мое решение. И моя разработка. Да, да, я знаю, что ты скажешь: без Макса я не довел бы её до ума так быстро. И всё же — не Максу было решать, давать ей зеленый свет в глобальном масштабе, или подождать. Провести новые тесты. Постараться устранить так называемую аберрацию — если уж он и вправду думает, что всё дело в разовом отклонении.

— Я всегда считала, — сказала Настасья, — что ты терпеть не можешь беспредметные разговоры. Зачем ты приехал *на самом деле*? Ты же понимаешь: реградацию уже не остановить. Даже если ты, как *якобы* президент «Перерождения», решишь наложить на её применение вето.

— Такого права у меня нет, — сказал Настасьин отец. — Устав корпорации подобного не предусматривает. Денис Молодцов позаботился в свое время об этом. Даже учредители правом вето наделены не были.

«Чтобы Макс не смог заблокировать применение трансмутации — когда понял, какой ящик Пандоры он открыл», — подумала Настасья. А вслух сказала:

— Тогда я тем более не понимаю, чего ты хочешь. Макс даже формально не сможет заблокировать внедрение реградации.

— Зато, — бодро сказал Филипп Рябов, — он сможет сделать кое-что другое.

И он объяснил Настасье, что именно. Пока он говорил, Гастон подошел к Настасье, присел рядом с ней на пол и положил свою лобастую башку ей на колени. Черный пес явно чувствовал, какие именно эмоции бушуют его хозяйку, пока она слушает своего отца. А вот Филипп Рябов — тот будто и не понимал ничего. Говорил себе — как о самых обыденных вещах.

— Я знаю, — закончил он, — что ты думаешь, Настасьюшка. Ты полагаешь: и Макс на такое никогда не пойдет, и ты его на подобные вещи подбивать не станешь. Но, прежде чем ты решишь что-то окончательно, я хочу тебе кое-что показать.

Он достал из кармана пиджака мобильный телефон, развернул его дисплеем к своей дочери, а потом запустил воспроизведение видеофайла.

Сперва Настасья даже не поняла, что именно она видит. Изображение было слишком мелким. Так что ей потребовалось не менее минуты, чтобы понять: яростное мельтешение на дисплее телефона производят не какие-то повздорившие животные, и не мультяшные персонажи, а два человека. Мужчина и женщина.

И женщиной была её мама — Марья Петровна Рябова. Вот только — даже в те времена, когда её лицом владела Карина, Настасья не видела на этом лице такого выражения: смеси ярости, обиды, гнева и — безудержной злобы.

А между тем мельтешение всё ускорялось, и на несколько секунд эти двое выпали из кадра. После чего в поверхность камеры словно впечаталось что-то ярко-красное. Что-то, по цвету полностью совпадавшее с тем кашемировым пальто, в котором заявился к Настасье в гости её папа. И — на этом запись закончилась.

— Как тебе удалось это заснять? — Настасья едва узнала свой собственный голос.

— Я установил в квартире несколько скрытых камер.

— Стало быть, ты предполагал, что нечто подобное может произойти? Почему же тогда ты оставил Машу одну — без наблюдения?!

— Я как раз и оставил её под наблюдением. — Филипп Рябов за время своего визита в первый раз помрачнел по-настоящему. — Только — ты сама видела, что с этим *наблюдателем* произошло. Так что — решай, пока Макс не вернулся.

И Настасья решила. Она вытащила из кармана кофты уже свой собственный мобильник. А потом — под удивленным взглядом Гастона — набрала СМС-ку Макс: «Я не выйду за тебя. Мы больше не увидимся. Н.»

После чего, как и велел ей папа, положила мобильник на журнальный стол. И более не прикоснулась к телефону, хоть он почти тотчас начал беспрерывно трезвонить.

Часть вторая. РЕГРАДАЦИЯ. Глава 7. Предсказание беглеца

6 января 2087 года

1

Макс не испытывал ни малейших сомнений: всё произошедшее было звеньями одной цепи. Исчезновение Зуева и внезапное бегство Настасьи совпали во времени отнюдь не случайно. Макс понял бы это, даже если бы ему не передали слова, которые Зуев тогда бормотал. Но — без этих слов он уж точно не ринулся бы в санаторий «Перерождения», куда он хотел поместить, да не успел, Сашку Герасимова и Наташу Зуеву. Хотя бы тут везение не отвернулось от него — в том, что он сделать этого не успел.

Впрочем, первым долгом он устремился ни в какой не в санаторий, а на Большую Никитскую — в квартиру своего отца. Которую нашел пустой (даже Гастона там не оказалось!), да еще и незапертой — с распахнутой входной дверью. Уже один только вид этой двери сказал Максиму всё: он опоздал, в квартире — никого. Однако он всё равно влетел внутрь, выкрикивая «Настасья! Гастон!». По квартире гулял легкий сквозняк, и Макс даже услышал мягкое похлопывание занавески на кухне — куда он вбежал, очертя голову, всё еще рассчитывая, что застанет там девушку, которую он любил. Вопить и звать её он перестал лишь тогда, когда нашел на журнальном столике брошенный Настасьин телефон. Настасья эту немудрящую игрушку любила — и ни за что не ушла бы без неё, не будь у неё на то веских причин.

Лишь одно обнадежило Макса в той ситуации: он понял, что Настасья ушла не одна. И не в том смысле, что её сопровождал Гастон. Запах одеколона — очень хорошо Максиму знакомый — мгновенно раскрыл ему глаза. Тот человек, которого он считал своим будущим тестем, всё-таки его переиграл.

Так что — поездка в санаторий была, по сути дела, всего лишь вынужденной мерой. Нужно было использовать хотя бы единственную зацепку, которая у него имелась. По иронии судьбы, санаторий этот располагался в Егорьевском уезде — в каком-нибудь десятке километров от дома Петра Ивановича Зуева. А пока Макс ехал туда, он слушал по радионОВОСТИ. Как и следовало ожидать, происшествие в клинике для принудительной экстракции пока что не стало достоянием гласности — хотя вряд ли такое удалось бы скрывать больше нескольких часов. Зато Макс услышал другую новость — непосредственно касавшуюся того места, куда он направлялся. И, с учетом слов Петра Ивановича, совсем услышанному удивился. Подумал только: «Слава Богу, Сашка с Наташкой сейчас не там!»

И еще одна мыслишка шевельнулась у него в голове. Он хотел тут же её раздавить, уничтожить, как насосавшегося крови комара со вспухшим брюхом. Однако сделать это оказалось отнюдь не просто. Мысль эта словно бы взвилась в воздух и тут же перелетела на другое место — сменила точку атаки. Изначально Макс подумал: «А, может, Настасья по своей инициативе решила нашу помолвку разорвать — уразумела, что собирается она замуж вовсе не за Ивара Озолса? И сама вызвала в Москву отца — чтобы не смалодушничать и не передумать. Чтобы он увез её отсюда раньше, чем она передумает».

Но вторая его мысль оказалась еще хуже. Подленькая это была мысль, гнусная. «Может

быть, — мелькнуло у Макса в голове, — оно и к лучшему, что Настасья решила меня бросить. По крайней мере, *этого* рычага давления у профессора больше не будет. Чем он теперь станет мне угрожать, чтобы заставить меня саботировать внедрение реградации?»

Ну, не мог Макс — никак не мог! — саботировать то, что почитал делом спасения своей души. Да, потерять Настасью он совсем не хотел — какие бы гаденькие мыслишки ни лезли ему в голову. И даже не имело значения, чем была его любовь к Настасье — его собственной страстью или наследием Ивара. Но — впервые он задался вопросом: что важнее для него — его любовь или его собственная душа? И он порадовался, почти возликовал, что ему не нужно принимать решение прямо сейчас. Сегодня его ждали заботы иного рода.

2

Первым, что увидел Макс, подъезжая к оцепленному полицией санаторию, были минивэны телеканалов. Ранние сумерки уже окрасили всё вокруг в блеклые тона, и на фоне серой бетонной ограды санатория и серо-зеленого соснового бора в отдалении яркие эмблемы на электромобилях телевизионщиков выглядели почти отрадой для глаз.

Правда, присутствовали они здесь не в очень большом числе: Макс насчитал всего пять минивэнов с логотипами телевизионных каналов. За то время, что прошло с момента внедрения его эпохального открытия, количество масс-медиакатастрофически убавилось по всему миру. И Евразийская конфедерация исключения не составляла. Так что — присутствие возле «санатория» для реградантов представителей целых пяти телеканалов уже само по себе показывало: события, происходящие здесь теперь, все считают из ряда вон выходящими.

И это было даже хорошо. Это косвенно подтверждало слова Петра Зуева — а, стало быть, вносило хоть малую толику определенности в хаос нынешнего предрождественского дня.

На некотором отдалении, между оградой захваченного учреждения и полицейским оцеплением, Максим Берестов заметил еще и большой автобус — выкрашенный в белосиние цвета полиции, с густо тонированными стеклами. И тотчас догадался, кто находится в нем. «А вот это уже плохо», — пробормотал Макс. Ясно было, кто в этом автобусе находится.

Он объехал фургончик с эмблемой ЕНК — Единого новостного канала Евразийской конфедерации — и прямо за ним увидел журналистку с оператором. Оба стояли точно на подъездной дорожке, записывая свой репортаж. Что было и понятно: никаких посетителей в санатории сегодня не ожидалось. Никто их просто не подпустил бы к *объекту*. И Макс, выйдя из своего электрокара, услышал, как девушка-тележурналистка с мрачным воодушевлением тараторит:

— У меня за спиной — здание клиники для особых пациентов, расположенное в Егорьевском уезде Московской губернии. Сегодня утром, в десять часов по московскому времени, отсюда поступил звонок в Объединенное министерство внутренних Евразийской конфедерации. Звонивший назвал себя участником группы так называемых «Добрых пастырей» — экстремисткой организации, деятельность которой с октября нынешнего года запрещена во всех без исключения странах Европы. Он сообщил, что представителями его организации захвачены шестьдесят пять пациентов данной клиники, а также двадцать восемь её работников — врачей, санитаров и медицинских сестер. Условием их

освобождения был назван полный отказ корпорации «Перерождение» от планов широкого внедрения новой биотехнологии, получившей название *реградация* — по аналогии с астрономическим термином, который обозначает обратное движение...

Макс только поморщился, проходя мимо журналистки и оператора. Термин этот придумал он сам. Как будто мало ему было авторства с его *трансмутацией*! Вот уж правду говорят: черного кобеля не отмоешь добела!

При этой мысли Макс невольно криво усмехнулся. И со стороны могло бы показаться издевательской ухмылкой — с учетом того, что обещали сотворить *добрые пастыри*, если их требование не исполнят. Но — никак не мог он себя сдержать: его Гастон, пятилетний ньюфаундленд, был самым натуральным черным кобелем. В прямом, не в иносказательном смысле. Однако ньюф его бросил так же, как бросила Настасья. Наверняка черный пес ушел с девушкой по своей воле. Не стала бы Настасья брать его с собой насильно, тащить на поводке, даже если бы не покидала квартиру на Большой Никитской в такой спешке. Да и не утатишь ей было за собой силком зверя весом в три четверти центнера!

А за спиной у Макса продолжала вещать на камеру журналистка:

— Так называемые добрые пастыри сообщили, что здание санатория ими заминировано. И пообещали, что приведут взрывное устройство в действие, если до 00.00 часов 7 января корпорация «Перерождение» не выступит с официальным заявлением об отказе от внедрения реградации. Причем выступить с заявлением должен сам Максим Берестов, который...

Налетел порыв ветра, и окончания фразы Макс не услышал. Да и незачем было ему слышать. Из новостей, услышанных по радио, он и так знал, чего «пастыри» требуют от него. И сути их требований совсем не удивлялся. Кое-что его удивляло, да. Но — это были совсем другие вещи.

Во-первых, он, Максим Берестов, не мог взять в толк, откуда пастыри взялись здесь — в самом сердце Евразийской конфедерации? Суды над ними, которые прошли в Балтийском союзе минувшей осенью, положили конец всему этому *пастырству*. Макс лично об этом позаботился — привлек для этого все ресурсы корпорации «Перерождение». Никто из пастырей не должен был остаться на свободе. А, если бы каким-то чудом кому-то удалось избежать суда, в Конфедерацию они бы не сунулись — не камикадзе же они были?

Но имелось еще и *во-вторых*: куда более неприятное для Макса лично. Тот, кто требовал его выступления, откуда-то прознал о том, что Макс прошел трансмутацию. И дал весьма точное описание его новой внешности. Так что Макс даже удивился тому, что журналистка и оператор не обратили на него внимания, когда он проходил мимо. Да, он поднял воротник зимнего пальто, надвинул на самые брови шерстяную шапку и низко склонил голову — но даже такие меры предосторожности могли сами по себе привлечь к нему дополнительное внимание. Тележурналисты — люди глазастые. Разве что — представители ЕНК были слишком уж увлечены своим репортажем.

И Макс практически не сомневался: человеком, который так бесцеремонно раскрыл его инкогнито, был не кто иной, как Филипп Рябов, которого все теперь считали президентом «Перерождения» Денисом Молодцовым. Филипп Рябов, который еще несколько месяцев тому назад организовал реградацию своей жены Марьи Петровны. И теперь отказывал в праве на аналогичную процедуру всем тем безликим, в ком еще теплилась жизнь. Так что Макс решительно не желал верить в то, что пастыри выбрали именно сегодняшний день для своей атаки по чистой случайности.

Он вообще давно уже перестал в случайности верить. Хотя нынешняя ситуация, конечно, выходила за рамки всех представимых конфликтов с потенциальным тестем. Инициировать *такую* акцию лигь во имя того, чтобы не позволить ему, Максусу, применять новую биотехнологию — это было не только глупо и аморально. Это было в первую голову — преступно. И вот этого-то Макс понять не мог. Профессор был способен на многое, однако «добрых пастырей» он ненавидел всем сердцем. Так что ни при каких условиях не должен был вступать с ними в сговор и сообщать им новые приметы своего *не-зятя*.

Но всё же, пока Макс отирался возле санатория, опознать в нем Максима Берестова не смогли ни журналисты, ни полицейские, ни случайные зеваки, толпившиеся за оцеплением. И он даже вздрогнул от неожиданности, когда его вдруг окликнули:

— Максим Алексеевич!

2

Он знал, что корпорация «Перерождение» уже направила сюда своих людей из санкт-петербургской штаб-квартиры — они уже вылетели чартерным рейсом из Пулково. Об этом ему сообщил по мобильному телефону тот самый референт, которого он бесцеремонно бросил в клинику, где сегодня не состоялась принудительная экстракция. Теперь он спешил сюда, и должен был прибыть с минуты на минуту — однако сейчас позвал Макса совсем не он. И Макс даже вздрогнул, когда услышал этот вкрадчивый голос, в котором улавливался легчайший немецкий акцент.

— Ирма? — Он выговорил это имя даже раньше, чем сумел разглядеть её лицо: его рижская знакомая стояла против света, набросив на белокурые волосы капюшон норкового полупальто. — Когда же ты успела сюда добраться?

Они были на «ты» еще с прошлого лета, и фройляйн фон Берг уже успела повидать Макса после того, как внешне он стал Иваром Озолсом. Но — первая их встреча произошла когда он еще носил на себе, словно затрапезную одежду, внешность Макса Петерса. И, как ни странно, это обстоятельство давало Максусу ощущение странной, почти интимной близости с Ирмой фон Берг. Он видела его *и таким тоже* — причем не проявила к нему тогда ни малейшей неприязни, совсем наоборот. Так что теперь, когда он выглядел юным красавчиком, ему, Максусу Берестову, можно было не терзаться сомнениями: как относилась бы к нему прекрасная остзейская немка, если бы внешность его была иной.

— Так ведь я, дружок, была в Москве, когда об этой новости начали трезвонить по всем каналам. — Ирма шагнула к нему и встала, по своему обыкновению, очень близко от него — так что Макса мгновенно обдало ароматом её духов и тонким, едва уловимым яблочным духом, который почему-то всегда исходил от барышни фон Берг. — Ты же знаешь: я теперь правозащитница — борюсь за права недобровольных трансмутантов. — (Макс не преминул отметить, что юридически некорректный термин «безликие» прекрасная адвокатесса использовать не стала). — И я хотела оценить, как отреагирует ваша древняя столица на объявление о начале новой эры — эпохи реградации.

Макс даже не стал у неё спрашивать, почему вместо Москвы она не отправилась в Санкт-Петербург. С Питером-то всё было ясно: корпорация «Перерождение», во многом — стараниями самого Макса, провела там тотальную кампанию по пропаганде реградации. И уж там-то не нашлось бы сомневающихся, которые стали бы против этой технологии выступать. Москва же — это было иное дело. Москвичи почти гордились своим

консерватизмом, и уж точно — гордились тем, что были привержены ценностям и традициям прошлого. А реградация — это, как ни крути, было новый удар по этим ценностям и традициям. Пусть даже предпринимался он во спасение — для тех, кого еще возможно было спасти.

Так что проводить в Москве агитацию — вербовать сторонников очередной инновации «Перерождения» — было бы не только бессмысленно, но даже и вредно. Принесло бы обратный эффект: москвичи все как один выступили бы против. И — после макиавеллистской выходки (*профессора*) добрых пастырей самому Максиму было небезопасно оставаться в Москве и дальше. Как только соседи по дому поймут, что сын Алексея Берестова живет себе, поживает в квартире своего отца, спокойной жизни у него не будет — ни одной минуты. Но — он всё-таки задал Ирме вопрос:

— И что наш Первопрестольный град — оценила ты общественное мнение?

Вместо ответа Ирма быстро огляделась по сторонам — бросила два коротких взгляда вправо и влево. И сказала Максиму — полусшепотом, но с улыбкой, призванной изображать безмятежность:

— Давай-ка, дружок, пойдем в мою машину — там и поговорим. Если мы тут будем стоять столбами — тебя кто-нибудь непременно опознает. Минуты через две. Хорошо — если через три.

3

Ирма фон Берг припарковала свой электрокар на некотором отдалении от полицейского оцепления — там, где во дворе санатория росла огромная ель, которую персонал сплошь увешал рождественскими игрушками. Даже гирлянду на её ветки нацепили, так что она подмигивала сейчас многоцветными огоньками — хоть был еще день. По всей видимости, её так и не отключили с ночи — просто некому оказалось это сделать. И Макс подумал: «Захват случился раньше, чем все думают. Просто те, кто всё это проделал, не сразу оповестили власти — выжидали». Он даже предполагать не хотел, с чем это их выжидание было связано — с тем, что они хотели дожидаться бегства Зуева? Или — (*профессор*) кто-то дал им отмашку, едва только Настасья покинула Москву?

— Ты видел большой автобус на парковке? — спросила Ирма, едва только Макс уселся рядом с ней на переднее сиденье и захлопнул правую дверцу электрокара. — Догадываешься, кто в нем?

— Да что уж тут гадать. — Макс опять искривил губы — красивые, пухлые губы Ивара Озолса — в сардонической ухмылке. — Там — группа захвата. Когда-то была такая аббревиатура — СОБР. Вот это он самый и есть: *специальный отряд быстрого реагирования*. Ждет команды начинать штурм.

— Вот и я так думаю, — с непонятной раздумчивостью кивнула Ирма. — А насчет общественного мнения — можешь особо не волноваться, дружок. Тебя и бэбиньку москвичи станут превозносить как героев, если ты спасешь людей из этого «санатория» ценой отказа от очередной технологии inferнального толка.

Бэбинькой она привыкла именовать Настасью — хоть в глаза больше и не называла её так. И Макс искривил губы еще сильнее.

— На Настасье всё это уж точно не отразится, — сказал он и, увидев, как изумленно взметнулись брови Ирмы, прибавил: — Я потом тебе всё расскажу, сейчас времени нет. Мне,

вероятно, и вправду очень скоро придется выйти к журналистам и полиции — как только прибудет мой референт. Только я ума не приложу, что стану говорить.

— А вот с этим я могла бы тебе помочь, — сказала Ирма, и прежнее раздумчивое выражение вернулось на её лицо. — Если, конечно, ты посвятишь меня во все детали произошедшего.

И она в двух словах обрисовала Макс, в чем именно её помощь могла бы состоять. А пока она говорила, уже брови самого Макса ползли вверх — он просто не мог ничего с собой поделаться. Когда Ирма договорила, он молчал, наверное, целую минуту — переваривал услышанное. Но потом принял решение.

— Хорошо, — сказал он, — вот тебе некоторые детали. Сегодня в особой клинике сорвалась принудительная экстракция одного из самых одиозных преступников в истории Москвы — Петра Зуева. Да-да, того самого — бывшего директора зоопарка. Сейчас никто не знает, где Зуев находится — хоть на ноги подняли, я полагаю, всех представителей органов правопорядка, которого не задеystвовали здесь. — Он кивком указал за окно машины. — Но главное: перед самым своим бегством — если это, конечно, и вправду было бегство — Зуев сообщил кое-что. Уж не знаю, что именно развязало ему язык. Но — он выступил оракулом, если уместно так выразиться.

— Неужели он... — Голубые глаза Ирмы, — яркие, как васильки на ржаном поле, — широко распахнулись.

— Да, — кивнул Макс, — ты правильно поняла. Он откуда-то знал заранее про весь этот бардак — который сейчас тут творится. Зуев сказал перед самым своим исчезновением: «Сегодня все позабудут и про меня, и про то, что я сотворил пять лет назад. Есть место под Москвой, о котором сегодня станут говорить во всех новостях. Там сейчас находятся возвращенные зомби. Реградация вернула им лица, только до конца починить их не смогла. А те, кто эту штуку — реградацию — придумал, знали, что так будет. Им теперь и отвечать за всё». Это, конечно, не стенограмма его речи, но я уверен: общий смысл мне передали точно.

Глава 8. Новый Нострадамус

6 января 2087 года

1

Петр Иванович Зуев, бывший директор московского зоопарка на Красной Пресне, никогда не грезил о славе Мишеля Нострадамуса. Да и ни о какой славе он не грезил, что уж там говорить. Деньги — вот что всегда интересовало его. Ну и еще, пожалуй, возможность закрутить интрижку с кем-то, кто был помоложе и посимпатичнее его опостылевшей жены. На этих двух своих слабостях он, собственно, и погорел. Раскаивался ли Петр Иванович в том, что сделал тогда, в октябре 2081-го? Он сам себе не задавал такого вопроса. На судебном слушании обвинитель об этом его спрашивал, и Петр Иванович, конечно, истово поклялся ему: о, да, раскаяние прямо-таки сжигает его изнутри. Ведь он до исступления хотел жить, и поклялся бы в чем угодно, если бы это дало ему крохотный шанс на спасение. Но — в действительности ему было всё равно.

Эти дети, одноклассники его Наташи — он никогда не думал о них как о людях, равных себе. Вообще — не думал о них, как о людях. Должно быть, многолетняя привычка работать с представителями фауны так сказалась на нем: для него теперь люди перестали отличаться от любых теплокровных животных. Или, быть может, прав был школьный психолог, который когда-то, много лет назад, без обиняков поставил десятилетнему Пете Зуеву диагноз: полное отсутствие эмпатии. Он даже, возможно, указал бы и что-то похуже: назвал бы своего юного пациента социопатом, к примеру. Написал бы в его медицинской карте: *диссоциальное расстройство личности*. Но не решился, должно быть, на такое определение. Всё-таки школа платила ему за то, чтобы он помогал детям решать их психологические проблемы, а не припечатывал бы их всякими неприятными дефинициями.

И теперь Петру Ивановичу оставалось только гадать: а что было бы, если бы с психологами плотно пообщалась в школе его дочь Наташа? Узрели бы в ней мозгоправы признаки тяжелой наследственности? Ответ на это был: скорее всего — да. Ибо чем еще, кроме такой наследственности, можно было объяснить то, что его дочь сотворила сегодня — шестого января 2087 года, в канун Православного Рождества? А еще — объяснить, почему она накануне, посетив своего отца перед его *не-казнью*, выложила ему всё то, что он потом пытался передать своим *не-палачам* — в пустой надежде получить от них снисхождение?

Да, это она, его дочь, прознала откуда-то об акции, которая готовилась в хорошо знакомом Петру Ивановичу месте: санатории, находившемся под патронажем корпорации «Перерождение». Впрочем, знаком он был с ним лишь в чисто поверхностном смысле: много раз проезжал на электрокаре мимо его ограды, когда ехал из дому или домой. И с любопытством глядел сквозь кованые прутья высоченной ограды на обширный двор, почти всегда пустовавший. Лишь изредка по нему проходили люди, но по их деловой, размашистой походке можно было сделать вывод: это — работники странного заведения, а не его обитатели.

А вчера бывший директор зоопарка так и не понял, для чего Наташа сказала ему:

— Санаторий захватят шестого числа — и все будут думать, что это дело рук «добрых пастырей». Ну, ты знаешь, кто они такие. Хотя — может, кое-кто из *пастырей* там и вправду

будет, тут ни за что поручиться нельзя. И вот, вообрази себе: Максиму Берестову придется либо во всеуслышание заявить, что «Перерождение» не станет внедрять технологию реградации, либо...

Впрочем, сам Петр Иванович при этих словах дочери тут же подумал: «Да ладно, какое-то там *либо-либо!* Есть еще и третий путь!.. И Берестов будет просто дураком, если по нему не пойдет»

2

Однако теперь Петру Ивановичу было отнюдь не до воспоминаний о беседах с дочерью. Наташка и прежде удивляла его — что правда, то правда! Да и не его одного, надо полагать. И всё же — то, что она сотворила сегодня, его разум отказывался воспринимать.

Должно быть, каким-то образом его дочь получила доступ к тем денежным средствам своего отца, о которых следствие ничего не знало. И не конфисковало их. Все эти следователи решили, должно быть, что бывший директор зоопарка просто профукал кругленькую сумму за минувшие пять лет. А вот Наташа — та знала, каким прижимистым был всегда её отец. Как он трясся над деньгами. И — явно сумела раздобыть пароль к секретному счету Петра Ивановича, открытому в банке одной из оффшорных зон. Только этим Зуев и мог объяснить всё произошедшее — а иначе откуда его юная дочь раздобыла бы столько средств, чтобы подкупить *восемь человек* сотрудников той клиники?

Когда сегодня в клинике погас свет, они с такой молниеносной быстротой выволокли его из комнаты для экзекуций, что Зуев и пикнуть не успел. А потом на такой же бешеной скорости его протащили по лестнице вниз — в подземный гараж. И только там Петр Иванович уразумел: то, что произошло с ним — это никакое не чудесное спасение, как он решил в первый миг. Даже близко — нет. Думать так — было всё равно, что принять фургон с затемненными окнами, куда его затолкали, за представительский лимузин.

И вот теперь бывший директор зоопарка не мог даже пошевелиться. А в голове его навязчиво крутилась лишь одна мысль: «А ведь мы вместе с Наташкой смотрели тогда тот старый фильм... Раза три или четыре смотрели — она прямо-таки балдела от него... Вот и решила — воплотить всё в реальность».

Фильм, о котором Петр Иванович вспоминал — это была голливудская картина столетней давности: «Молчание ягнят». И неважно, что его воплощение состоялось не где-нибудь на американском Среднем Западе, а в Москве конца двадцать первого века — среди предрождественской суеты, среди праздничной многоцветной иллюминации, которую даже окна фургона почти не делали менее яркой. Бывший директор зоопарка играл в этом воплощении совершенно конкретную роль, но внутренне ощущал себя так, как если бы стал совсем другим персонажем блокбастера — одним из тех, кто попался в лапы Баффало Биллу. И неважно, что тот маньяк охотился исключительно на женщин. Дикий страх окатывал Петра Ивановича, словно лавина из мельчайших иголок. Ему казалось — каждая частичка его естества содрогается при мысли о том, что уготовила ему дочь.

Однако физическая усталость и душевная растерзанность всё же брали свое. И даже в той адски неудобной позиции, в какой он находился, Петр Иванович ухитрился несколько раз задремывать. А тряский фургон, в котором его везли, только способствовал этому — укачивал его. Он то засыпал, едва успев смежить веки, то просыпался — и начинал косить глазами в сторону тонированного окошка фургона — повернуть голову в ту сторону он при

всем желанием не мог. Но окончательно разбудил его какой-то непонятный звук: металлический, протяжный и крайне неприятный. Когда Зуев его услышал, фургон уже не ехал — стоял на месте. То ли прибыл в пункт назначения, то ли водитель дожидался чего-то или кого-то.

Петру Ивановичу показалось, что кто-то медленно поворачивает ворот, на ржавой цепи вытягивая из колодца полное ведро воды. Зуеву такой звук был хорошо знаком, поскольку во дворе своего дома в Егорьевском уезде он, экзотики ради, такой колодец сохранил. И даже не стал его реставрировать — чтобы не пострадала аутентичность объекта. Однако никаких колодцев рядом с фургоном, уж конечно, не было — откуда им было бы взяться в Москве?

Между тем звук не утихал, и от него у Петра Ивановича начали ныть все зубы. Снова скосив глаза, он попытался что-нибудь разглядеть за окошком. Но понял только, что скрипит и визжит нечто, находящееся вблизи от фургона — метрах в трех-четырех справа от него. И Зуев всё еще гадал, чем отвратительный звук является, когда скрип внезапно оборвался. И почти тотчас раздался резкий свист, а за ним — громкий хлопок.

Воображение Петра Ивановича, до этого рисовавшее ему ворот колодца, тут же предложило свою трактовку: этот ворот упустили, так что полное ведро, разматывая цепь, ринулось вниз и тяжело, словно его наполняли камни, плюхнулось в воду.

Впрочем, все эти образы мгновенно перестали волновать бывшего директора зоопарка. Слишком уж напугало его то, что он увидел. Петр Иванович дернулся всем телом и попытался просунуть голову между прутьев клетки-забрала, которую на него надели. Но сделать это ему, конечно же, не удалось; он только лоб себе поцарапал.

Зрелище, представшее его взору в сумерках, было мутноватым: света внутри фургона никто не включал. Но и при таком освещении бывший директор зоопарка увидел достаточно. Никакого ведра никто, конечно же, в колодец не ронял — это открылась, откатившись вбок, дверца фургона. А потом её резко захлопнули.

Струи прохладного воздуха, которые проникли в салон фургона вместе с вошедшим человеком, несли с собой запахи сырости, плесени, застарелой гнили и — машинного масла. Последний аромат был самым слабым, однако отчетливо выделялся из общего «букета». Зуеву показалось даже, что он улавливает также и другой запах: тот, каким веет от ржавого металла, этим самым маслом обильно политого. И почему-то именно это обстоятельство более всего Петра Ивановича ужаснуло. Но более всего ужаснуло другое — то, кем был возникший в салоне человек.

Да, человек — это всегда по умолчанию мужчина. Но визави Петра Ивановича — даже бесформенный рабочий комбинезон этого не скрывал! — был молодой женщиной. Черноволосой, с высокими скулами, не слишком привлекательной — но и отнюдь не дурнушкой. И эти запахи, от которых свербело в носу и в горле — не должна она была их источать. Если только — не занималась прямо перед этим какой-то работой, которая оказалась для неё важнее заботы о собственной чистоте. Работой, из-за которой ей было плевать, что подумает он, Зуев, о мерзкой вони, которую она принесла с собой.

Петр Иванович принялся изо всех сил дергаться внутри того приспособления, куда его поместили, сам толком не зная, чего именно он рассчитывает добиться. Уж точно — освободиться он бы при всем желании не сумел. Железный каркас с ремнями, внутрь которого Петр Иванович попал благодаря родной дочери, являл собой практически стопроцентную копию устройства, в котором обычно удерживали Ганнибала Лектера в памятном отцу и дочери кинофильме.

Дамочка, от которой воняло машинным маслом, подошла к стоячей кровати-клетке, к которой пристегнули Зуева, остановилась и приблизила лицо к пленнику. Улыбка, которая при этом на её губах заиграла, Петру Ивановичу крайне не понравилась: была она не чувственной, и даже не алчной, а откровенной хищной. А женщина между тем заговорила с ним — обратилась к нему на чистейшем русском языке. Однако смысл фразы, произнесенной ею, оказался для Зуева столь же темным, как если бы говорила она, к примеру, по-китайски.

— Ну, что, берестовский выкормыш, — всё с той же улыбкой произнесла женщина, — тебе всё ещё нужен источник средств к существованию?

Петр Иванович несколько раз удивленно сморгнул, не решаясь даже уточнить, что именно она имеет в виду?

Но женщина его молчание истолковала по-своему.

— Думаешь, тебе хватило бы на всю жизнь тех поганых денег, которые ты получил за детей? — спросила она. — Да, это была немаленькая сумма. Только эти деньги — больше не твои. А тебе еще предстоит жить какое-то время. Думаю, ты это и сам уже понял.

При последних её словах Петр Иванович испытал такое чувство облегчения, что у него даже слезы на глазах выступили. Однако он слишком долго жил на свете, чтобы доверять каждому услышанному слову. И, хоть страх продолжал колоть иглами его кожу, решил: надо хоть чуть-чуть набить себе цену.

— Послушайте, сударыня, — проговорил он и слегка прокашлялся, — насколько я понимаю, вы хотите что-то мне предложить. Но мы с вами ни о чем пока не договаривались.

Он до чертиков боялся, что эта его фраза приведет женщину в ярость. Однако она вместо этого улыбнулась еще шире. Прямо-таки на акулу стала похожа.

— А собираешься договариваться? — поинтересовалась она почти ласково. — Или, быть может, предпочтешь вернуться туда, где ты куковал еще сегодня утром? Так это мы организуем — в один миг. Только скажи.

— У меня есть деньги, — промямлил Петр Иванович, уже проклиная себя за то, что ему вздумалось пуститься в фанаберию. — Ну, то есть — помимо тех, которые у меня забрали. И если вы объясните мне, в чем дело, мы с вами вполне сможем сотрудничать даже и на безвозмездной основе...

Он умолк на полуслове: в карих глазах женщины внезапно мелькнул какой-то страшный отблеск. Она сделала несколько шагов назад и три раза стукнула кулаком в перегородку, отделявшую салон фургона от водительской кабины.

— Зайди сюда на минутку — не хочу мараться об него! — крикнула она. — Мы найдем другого эмиссара.

«Вот он — конец, — подумал Зуев, и у него даже пальцы на ногах поджались в ботинках — так сильно ему захотелось уменьшиться, стать невидимым. — Я-то считал — меня прикончит трансмутация, а придется умереть из-за какой-то сумасшедшей, которая...»

Однако закончить свою мысль он не успел.

— Довольно, Маша, довольно! — крикнул из кабины какой-то мужчина. — Выводи его оттуда, надо с ним побеседовать — серьезно, без экивоков. Другой такой кандидатуры на роль эмиссара у нас нет. У него — бесценный опыт, не забывай об этом.

И тут, наконец, Зуева осенило — дураком он всё-таки не был! — что чудовищная ирония судьбы столкнула его сейчас со своими, можно сказать, товарищами по профессии: бенефициарами трансмутации. С теми из них, кого СМИ более десятка лет именовали «колберами». Но — после случившегося ему это показалось ничтожнейшей из всех егонеприятностей.

А еще — упоминание о его «бесценном опыте» наполнило сердце Петра Ивановича такой небывалой гордостью, какой прежде он еще не испытывал.

4

Зуев больше не был пленником *клетки Ганнибала Лектера*. Он сидел, привязанный тонкой веревкой из бионейлона к тяжеленному стальному стулу. И радовался тому, что хоть кляп ему в рот не засунули: он имел возможность говорить, хоть его собеседники почти и не слушал его. Субъекты, пленником которых его угораздило стать, заняты были сейчас тем, что производили свои жуткие приготовления. Уж теперь-то объяснился и железный грохот, и запах машинного масла! Причем находились они все внутри полупустого ангара, как две капли воды походившего на тот, каким бывший директор зоопарка воспользовался в 2081 году. Так что — всю давешнюю гордость Зуева будто корова языком слизнула.

Но Петр Иванович, тем не менее, пытался втолковать незнакомым мужчине и женщине: — Я понятия не имею, кто вам указал на меня, как на потенциального суперагента. Больше вам скажу: даже никакой военной подготовки у меня нет. Сначала я учился на зооветеринарном факультете университета, а затем...

— Ну, историю свою ты можешь нам не рассказывать, мы её хорошо знаем, — язвительно произнесла черноволосая Маша, которая считала Зуева *берестовским выкормышем*. — И для нас все твои университетские умения и навыки ровным счетом ничего не значат. Во-первых, они тебе в любом случае больше не понадобятся. А, во-вторых, скоро ты получишь *новый комплект* умений. Дополнительный, так сказать. Причем не один раз получишь, смею тебя заверить. Справедливо было бы, конечно, устроить тебе двадцать восемь экстракций и реградаций, но такого я тебе всё-таки обещать не могу. Слишком дорого. Слишком обременительно с технической точки зрения. Однако минимум десять раз тебе ожидает *новая жизнь*.

Петр Иванович понимал, что разговор переходит в совсем не нужное ему русло. Но от страха не мог придумать хоть какие-то путные аргументы, чтобы заставить своих мучителей передумать.

— В любом случае, — произнес он, стараясь говорить как можно более мягко и убедительно, — я с господином Берестовым ничего общего не имею. В «Перерождении» на службе я никогда не состоял, и вообще — с Берестовым даже не знаком. И никак не могу быть его *выкормышем*.

— Так это, друг мой, еще хуже, — подал голос мужчина, назвавший Зуева самым подходящим эмиссаром. — Значит, ты своих предал.

Зуев и впрямь кое-кого предал: свою дочь и её одноклассников, свою подельницу Дарью Воробьеву. Однако он не сомневался, что ему хотят вменить в вину нечто совершенно иное. И еще: теперь он уже отнюдь не был уверен, что эти двое — колберы.

— Так чего же вы всё-таки хотите от меня? — спросил он, боясь, что еще чуть-чуть — и голос ему откажет. — Покарать меня за содеянное? Получить от меня какие-то услуги? И где

сейчас Наташа — моя дочь? Раз уж она организовала всё это, то почему не пришла сюда сама?

На все его вопросы ответил мужчина. А женщина только изобразила на лице свою прежнюю жуткую улыбку.

— Кара за содеянное совсем не исключает возможности получения услуг. — Мужчина шагнул к нему — подошел почти вплотную; но Зуев не сумел его опознать — никогда прежде не видел этого красивого молодого лица. — Так что — и то, и другое. А твоя дочь — хочу тебе успокоить: она здесь не появится. Мы заплатили ей за то, чтобы она подыграла нам в сегодняшней *операции*. И она справилась блестяще. Но — в дальнейшем нам её помощь вряд ли понадобится.

6 января 2087 года

1

Что красота спасет мир — это Максим Берестов усвоил накрепко еще с детских лет, когда впервые прочел «Идиота». Федор Михайлович Достоевский был не только любимым писателем Филиппа Рябова, Настасьино отца. Достоевский во второй трети двадцать первого века стал почти что культовой персоной в Санкт-Петербурге, где Макс провел свое детство. И всё, что вышло из-под пера Федора Михайловича, он прочел. Правда, родился-то Макс в Москве — и это, должно быть, каким-то метафизическим образом повлияло на его литературные пристрастия. Поскольку любимым писателем великого генетика стал тот, кто питал самую сильную привязанность именно к Великому городу — Первопрестольному граду.

А теперь Макс, идя от машины Ирмы фон Берг в сторону гомонящей толпы людей за полицейским ограждением, озирался по сторонам и задавал себе вопрос: не ошиблись ли все толкователи творчества Федора Михайловича? О *той* ли красоте гениальный писатель вел речь? Про красоту и её ценность Макс знал всё — с практической точки зрения. Ведь не из одних же идеалистических побуждений стал он когда-то — вместе со своим единокровным братом Денисом — соучредителем корпорации «Перерождение»? Корпорации, которая так разбогатела на торговле красотой, как это никому и никогда не удавалось за всю историю человечества. Однако же — красота могла быть и другой, непродажной. И Макс теперь спрашивал самого себя — с ошеломляющим изумлением — как же он мог прежде этой красоты не замечать?

Так что — глядел он вовсе не на толпу, к которой шел. Он озирался по сторонам, поражаясь тому, что видел — за оградой санатория, снаружи. Там, где зеваки не гомонили и тележурналисты не бубнили в свои микрофоны, и полицейские не сновали со сведенными заботой лицами, по которым в морозный январский день обильно катился пот.

Сосновый бор с трех сторон подступал к санаторию и стоял сейчас дивно, сказочно красивый. Медноствольные сосны с иссиня-зеленой хвоей, земля с пожухлой травой под ними — всё это было покрыто теперь тончайшим кружевом голубоватой изморози. С утра ударил мороз, предрождественский ледяной туман затвердел мельчайшими иглами, и казалось, что кто-то тончайшей кистью нанес на пейзаж белую и серебряную краску.

Этот посеребренный лес не просто восхищал — завораживал. Макс сперва пошел медленнее, потом — стал приостанавливаться после каждых двух-трех шагов. А после — и вовсе застыл на месте, обозревая этот невиданный (и прежде — словно бы невидимый для него) мир. Чистейшая радость — вот какое чувство охватило его. Макс перестал ощущать промозглую влажность студеного воздуха. Перестал помнить о том, что происходит сейчас у него за спиной. Даже почти позабыл о том, какое сообщение отправила ему сегодня утром Настасья. Зато он не просто видел — он словно бы осязал и поглощал всю эту красоту.

Он стоял так довольно долго. Может быть, непозволительно долго — минут десять, не меньше. Однако он хотел впитать в себя всё это: игольчатый иней на деревьях и на жухлой траве, туманную серость низкого неба, желтизну петляющей между соснами тропинки —

прежде чем делать то, что должен был. Вся эта красота — вневременная, не имевшая никакого отношения к тому, что происходило здесь сегодня — должна была стать щитом для него. Максимум нужно было *отгородиться*. Перестать ощущать себя частью того безумия, которое вот-вот должно было захлестнуть его.

Но краешком глаза он видел, что на него начинают уже поглядывать из толпы. И он не сомневался, что Ирма фон Берг вот-вот выйдет из своего электрокара и поспешит к нему — если только еще не сделала этого. Макс опустил глаза и прикрыл их на пару секунд — лелея надежду, что, когда он откроет их снова, уже обернувшись, прекрасная картина никуда не исчезнет, останется с ним. Так — с закрытыми глазами — он и совершил разворот кругом. А когда он глаза раскрыл, то первыми, кого он увидел, были двое полицейских в зимней форме, которые размашисто шагали к нему. Были уже шагах в пяти или шести от него.

— Ну, пора... — прошептал Макс, широко раскинул руки — как если бы собирался взлететь — и выкрикнул, сам удивляясь силе собственного голоса: — Я Максим Берестов! Ведите меня к ним!

И, едва он это выговорил, как у него словно бы раскрылся третий глаз. Внезапно он понял, что это было за серебро — покрывшее лес, кусты и сухую траву под ними. Это была седина — сосновый бор поседел в одночасье, как если бы осознал всей своей древесной сущностью, что сейчас творится вокруг. А, может быть, и провидел то, что еще только будет происходить.

2

Макс отстегнул от нагрудного кармана зимней куртки бейдж, на котором успели отпечатать надпись в две строчки: *Максим Алексеевич Берестов, сопредседатель совета директоров корпорации «Перерождение»*. А над этой надписью красовался символ корпорации: дракон Уроборос, кусающий собственный хвост. Сейчас никакой бейджик Максимум для идентификации не нужен был. Все, кто находился возле здания захваченного санатория, да и все, кто смотрел ЕНК — Единый новостной канал, с сегодняшнего дня знали Макса в лицо.

Сунув запаянную в пластик карточку во внутренний карман зимней куртки, Максим Берестов распахнул стеклянные двойные двери парадного входа в санаторий, возле которых нес караул полицейский полувзвод. И шагнул в сероватый сумрак неосвещенного вестибюля. А где-то за его спиной громко вещала журналистка ЕНК — вела репортаж в прямом эфире:

— Только что, — тараторила она в микрофон, — Максим Алексеевич Берестов сделал публичное заявление, которого требовали от него противники технологии реградации, захватившие санаторий для особых пациентов. Берестов пообещал: если все заложники будут отпущены целыми и невредимыми, он отзовет свой патент на новую биотехнологию. А без этого патента корпорация «Перерождение» не сможет начать реализацию своего самого амбициозного и широкого анонсированного проекта — возвращения к нормальной жизни миллионов безликих. Сложность ситуации усугубляется еще и тем, что господин Берестов сам прошел трансмутацию. И только что зрители нашего телеканала смогли увидеть, как он выглядит теперь. А в данный момент Берестов Максим Алексеевич, согласно второй части выдвинутых условий, в полном одиночестве заходит в санаторий, чтобы лично...

Её следующих слов Макс уже не расслышал — захлопнул за собой двери. Да и не было у него необходимости журналистку слушать. Он и без того прекрасно знал, что именно ему

Их было четырнадцать человек. По крайней мере, именно столько мужчин, натянувших на лица лыжные маски, Макс насчитал в просторном конференц-зале захваченного санатория. К удивлению Макса, помповые ружья «Лев Толстой» держали в руках только шестеро: те, кто охранял двери зала, где ряды кресел с полукружьями длинных столов между ними амфитеатром уходили вверх от небольшого помоста с трибуной. Остальные захватчики просто стояли с пустыми руками или ходили по широким проходам, с невозмутимым видом оглядывая пленников. Те сидели не в креслах, а на полу, заведя за голову руки со сплетенными пальцами. На Берестова ни один из несчастных даже не посмел поднять взгляда. Они не глядели также и на экран огромного телевизора, установленного позади помоста. Звук был отключен — по крайней мере, в данный момент. Но и без него было понятно, о чем идет речь: на экране продолжала говорить в микрофон та самая журналистка из ЕНК. И — показывали снаружи санаторий, внутрь которого Макс удостоился теперь попасть.

Макса поразил запах, стоявший в помещении. И поначалу он решил, что где-то поблизости засорилась канализация. Лишь минуту спустя он понял, в чем было дело — когда одна из заложниц, симпатичная женщина лет тридцати, робко, словно школьница, подняла руку. К ней неспешно, вразвалку подошел один из мужчин в маске, и она что-то шепотом сказала ему. Тот лишь ухмыльнулся в ответ:

— Делай в штаны, — произнес он нарочито громко и отчетливо. — И не забывай, как нужно держать руки.

Женщина, всхлипывая, опять свела руки за головой. И Макс отвел от неё взгляд, чувствуя, как на скулах у него начинают перекатываться желваки.

Впрочем, никто на это внимания не обратил. Берестова тщательно обыскали, отобрали пластиковый ключ от электромобиля и даже потребовали снять наручные часы.

— Могу подарить, — усмехнулся Макс, отдавая их.

Никто его шутки не оценил, а между тем она не была лишена смысла. Ни у кого из присутствующих: ни у заложников, ни у самих захватчиков — часов на руках не было. Исключение составлял один лишь здоровяк лет сорока в летней — совершенно не по сезону — бейсбольной кепке, сразу после обыска подошедший к Максиму и единственный из всех не надевший маску. На руке у этого мужчины на запястье тикал массивный, неизвестной марки хронометр.

— Вы здесь главный? — поинтересовался Макс, и, когда здоровяк, искривив полные губы в подобии улыбки, кивнул, задал следующий вопрос: — Как мне обращаться к вам?

И вот тут Макса ждал сюрприз. Ни бессмысленные издевательства террористов над заложниками, ни даже покорность пленников своим безоружным стражам не удивили его. В конце концов, он понятия не имел о том, что происходило в захваченном санатории в течение последних нескольких часов. А подобное поведение заложников и захватчиков вряд ли могло считаться чем-то из ряда вон выходящим. Но вот ответ главы террористов на простой вопрос Берестова оказался, по меньшей мере, странным.

— Зовите меня *герр Асс*. — Ни малейшего акцента — ни немецкого, ни какого-либо другого, — у здоровяка не было, он только слегка пришепетывал.

— *Господин Асс?* — переспросил Макс.

Что-то кольнуло его при этом имени — какое-то *литературное* воспоминание мелькнуло и тут же пропало. Он уловил только, что касалась литературная аллюзия не уже Федора Михайловича Достоевского, любимого писателя Филиппа Рябова, а любимого писателя самого Макса — Михаила Булгакова. Но — к какому именно булгаковскому произведению эта аллюзия относилась и что именно она могла бы означать, Макс, увы, понять не сумел.

— Нет, — здоровяк как-то очень уж резко мотнул головой, — нет, я же сказал: *герр Асс*. Разве я сказал *господин*? Вы слышали, чтобы я говорил это слово?

— Не слышал, — сразу же признал Берестов. — Прошу меня извинить за непонятливость. — И, словно для того, чтобы подчеркнуть свое смущение, он взялся за пуговицу на воротнике своей куртки и принялся её теревить.

— Хорошо. — Здоровяк вроде бы успокоился. — Я рад, что мы это выяснили. А теперь идемте, нам надо поговорить.

И он повел Макса в маленькую столовую, собственно, и предназначенную здесь для частных совещаний. Никаких распоряжений своим подчиненным он даже и не подумал отдать. Равно как ничего не сказал им о том, сколько времени он будет отсутствовать.

4

— Известно ли вам, — спросил *герр Асс*, когда они уселись за небольшим круглым столом, — что именно в этом месте всегда принимают решения о том, кого из пациентов этого заведения можно отпустить на свободу, а кто должен будет здесь подзадержаться — предположительно, навсегда? Я имею в виду — решают не в кабинете главврача — там эти решения просто утверждают, — а именно здесь, где мы сейчас с вами сидим.

— Я не знал об этом, — соврал Макс и снова взялся за ту же самую пуговицу на воротнике.

— А, а, я так и думал! — Здоровяк торжествующе вскинул голову, отчего козырек его бейсболки стал почти перпендикулярен полу, и только что руки не потер.

Только теперь Максим Берестов сумел как следует разглядеть его лицо: округлое, слегка одутловатое, но при этом довольно приятное. В памяти Макса что-то мелькнуло, едва только он взгляделся в черты этого человека: что-то смутное, неясное, как его недавняя «литературная» аналогия. Перед тем, как идти сюда, Макс изучил несколько десятков фотографий потенциальных террористов, мало-мальски связанных с этим санаторием. И здоровяка среди них совершенно точно не было. Однако Макс был твердо уверен: это лицо он всё-таки видел когда-то. Причем откуда-то он знал: этот человек использует свою собственную, природную внешность. Трансмутацию он не проходил. И лицо *герра Асса* выдернуло теперь из памяти Макса непонятное ему самому словосочетание: *образцово эффективная операция*.

Между тем здоровяк продолжал свою речь — говорил он размеренно, явно наслаждаясь произносимыми словами:

— Зачем кому-то знать, что именно здесь, в частных беседах, сотрудники вершат судьбы своих подопечных? И я могу себе представить, как эти сотрудники кайфуют при этом! Ведь это же — непередаваемое наслаждение: держать чью-то жизнь в своих руках и играть ею, как захочешь!

Голос здоровяка — непривычного, как видно, к патетическим речам, — слегка подсел на этих словах. И Макс подумал, что *герр Асс* сейчас потянется к графину с водой, который стоял на сервировочном столике возле стены. Но вместо этого здоровяк зачем-то посмотрел на свой наручный хронометр. Он глядел на него секунды две или три, но Макс у этого времени вполне хватило, чтобы снова покрутить пуговицу на воротнике.

А созерцание наручных часов явно придало спокойствия и уверенности здоровяку в бейсболке. И после короткой паузы он заговорил уже вполне рассудочным тоном:

— Впрочем, я не думаю, что цель «Перерождения» — потакать чьим-то амбициям. Это так — побочный эффект работы корпорации. У «Перерождения» есть гениальные ученые. Вот вы, к примеру, господин Берестов. А для Евразийской конфедерации с её гигантскими природными ресурсами не составляет труда находить соответствующее сырьё, которое корпорации потребно. Так что «Перерождение» будет бесконечно создавать всё новые и новые прорывные биотехнологии. До тех пор, пока будут те, кто готов за них платить.

— Вечно создавать новые технологии вряд ли возможно, — сказал Макс. — Будут за них платить или нет, рано или поздно всё сведется к незначительным усовершенствованиям нескольких базовых разработок. Что-то принципиально новое тоже, конечно, будет возникать время от времени. Но — нечасто, примерно раз в десять-пятнадцать лет. Помните историю об Эйнштейне? Когда его спросили, где он записывает свои идеи, гениальный физик сказал, что по-настоящему стоящие идеи у него возникают редко, и он все их помнит. И я не думаю, что в «Перерождении» кто-то способен переплюнуть Эйнштейна.

К удивлению Макса, *герр Асс* слушал его не перебивая. И даже согласно кивнул пару раз. Но, когда Макс умолк, издал язвительный смешок.

— Разве я говорил, что новинки будут появляться *вечно*? Они будут появляться всего лишь до того времени, как человечество погибнет под бременем открытий, которыми «Перерождение» так гордится. Или — вы не согласны со мной, господин Берестов? — И здоровяк снова бросил взгляд на свои наручные часы.

Первой мыслью Макса было — возмутиться: с какой стати его визами разводит тут демагогию, пока люди, сидящие на полу в конференц-зале, терпят издевательства своих стражей? Макс даже едва не высказал ему свою мысль вслух. Но потом его внезапно осенило — какая там демагогия?! Здоровяк просто-напросто тянет время — дожидается какого-то совершенно определенного момента, подходящего на конкретное время. И о наступлении этого момента вправе знать только он сам — зря, что ли, он отобрал часы у всех остальных?

— А для вас принципиально, согласен я с вами или нет? — спросил Макс. — Я ваши условия выполнил: сделал публичное заявление о том, что технология реградации внедряться не будет, если сегодня никто не пострадает. Не пора ли и вам выполнить свою часть сделки — отпустить всех этих несчастных? Вы ведь получили всё, чего хотели.

Здоровяк мигом посерьезнел.

— Ну, — сказал он, — я думаю, нам с вами хватит уже играть в прятки. Не всё я получил из того, что хотел. Отнюдь не всё. У вас — вернее, у тех, кого вы представляете, — по-прежнему остаются все козыри на руках. Во-первых, как только вы отсюда выйдете вместе с освобожденными заложниками, юристы «Перерождения» сразу же ваше заявление дезавуируют. Думаете, я не знаю, что такое «порок воли»?

Макс даже вздрогнул — и это явно не укрылось от глаз его визами. Ирма вон Берг предложила ему именно это. «Порок воли, — объяснила она, — означает, что сделка была заключена под давлением или в крайне невыгодной для одной из сторон ситуации. Такие

сделки априори признаются недействительными». И теперь Максусу пришлось сделать над собой усилие, чтобы преодолеть смятение и спросить — со смешком, который даже ему самому показался донельзя фальшивым:

— Спасибо за поданную идею, герр Асс! Но — раз вы сказали «во-первых», то, стало быть, будет и «во-вторых»?

— Угадали! — Здоровяк только что руки не потер от удовольствия. — Во-вторых, если я с моими людьми выйду отсюда без прикрытия, нас всех тотчас же арестуют. Вы это отлично понимаете. И отсюда же вытекает «в-третьих»: я отпущу заложников и смогу рассчитывать, что ваше заявление не будет опровергнуто только при одном условии. Не догадываетесь, при каком?

— Только не говорите, — произнес Макс, молясь, чтобы его голос звучал ровно, — будто вы планируете обменять всех заложников на меня одного. Дело не в том, — он упреждающе вскинул руку, видя, что герр Асс хочет вставить слово, — что я на такой обмен не согласен. Напротив, я на него готов. Вот только — вам-то это что даст? Да, вас выпустят отсюда вместе со мной, можете не сомневаться — «Перерождение» этого добьется. Но после-то что вы планируете делать? Я свой патент у «Перерождения» пока не отзывал. И уж точно не смогу его отозвать, если стану вашим пленником.

— Сейчас расскажу, что я стану делать. — Здоровяк вновь ухмыльнулся. — Но сперва — маленькая формальность. Спасибо, что вы показали мне всё сами! Мне не придется вас обыскивать.

Он молниеносно выбросил вперед правую руку — Макс даже отпрянуть не успел — и сорвал верхнюю пуговицу с ворота Максусовой куртки. А потом швырнул миниатюрную видеокамеру на пол и с хрустом вдавил в неё каблук. После чего и вправду поведал доктору Берестову, какова у него, герра Асса, дальнейшая программа действий.

Глава 10. Подземелье

6 января 2087 года. Вечер понедельника

1

Герр Асс вывел Макса из столовой, и они вдвоем пошли куда-то по длинному коридору, застланному мягкой ковровой дорожкой. Берестов шагал впереди, здоровяк в бейсбольной кепке — у него за спиной.

— А заложники? — спросил Макс, затылком ощущая взгляд своего конвоира. — Когда вы намерены их отпустить?

Здоровяк то ли издал сдавленный смешок, то ли просто хмыкнул. Макс оглянулся бы на него — но они шли быстро и не должны были останавливаться. Таково было одно из условий плана, изложенного Берестову пресловутым герром Ассом. И Макс понимал: это условие очень даже имело смысл. Неспроста этот Асс носил на руке диковинные часы, а всех своих подчиненных лишил возможности следить за точным ходом времени.

— Заложников, — медленно, растягивая слова, проговорил между тем герр Асс, — заберут те, кому положено их забрать. И не стройте из себя дурака, господин Берестов. У вас это плохо получается.

Макс пару секунд размышлял, что ему на это ответить. И они успели дойти до конца коридора, где имелась дверь пожарного хода — сейчас не просто распахнутая, но еще и подпертая дверным стопором. Как видно, герр Асс желал любые случайности и помехи полностью исключить.

— Идите вперед! — Здоровяк подтолкнул Берестова в спину. — И не оступитесь!

Последнее пожелание было совсем не лишним: ступени лестницы круто уходили вниз, и освещена она не была. Но Макс приостановился на верхней ступеньке — не поспешил спускаться. И повторил свой вопрос — должен был его повторить:

— И всё же — я жду от вас гарантий того, что вы сдержите свое слово!

— Ну, ладно! — Здоровяк шагнул к нему и сдернул с бритой головы свою нелепую бейсболку. — Вот вам — мои гарантии!

И он одним движением нахлобучил бейсбольную кепку на голову Макса. Шапка оказалась велика ему настолько, что мгновенно сползла ему на глаза, полностью перекрывая обзор. А здоровяк крепко ухватил его за локоть и повлек вниз. Он явно и раньше спускался по этой лестнице в полной темноте — так уверенно он шел. Да еще и говорил на ходу:

— Есть у меня предположение, милостивый государь, что устройство из пуговицы не было у вас единственным. А обыскивать вас мне недосуг. Так что уж — не обессудьте: я принял меры предосторожности. Никто не должен видеть, куда мы с вами направляемся. И вы не должны произносить ни слова — если хотите, чтобы те заблудшие овцы вернулись сегодня домой целыми и невредимыми. Это и будут мои гарантии — в смысле, те, которые я получу от вас.

2

Ярко-красный электрокар марки «Руссо-Балт» был припаркован в самом начале

Комсомольского проспекта, название которого никто и не подумал менять. А прямо над этим электрокаром высоко вздымался рекламный щит, где была изображена в точности такая же машина. И красовалась горделивая надпись: **РУССО-БАЛТ — НЕПРЕВЗОЙДЕННОЕ КАЧЕСТВО С 1908 ГОДА**. Кричавшее за уши утверждение, если сказать по правде. Во времена императора Николая Второго никто электрокаров на Русско-Балтийском вагонном заводе в Риге не собирал. А сейчас их сборку и вовсе осуществляли в Москве — на конвейерах возрожденного АЗЛК.

Водитель совсем не нарочно поставил свой электрокар именно так. Он вообще почти не помнил, как он парковался. Ни о чем другом, кроме как о времени, оставшемся у его сына, он думать не мог.

Водителем красной машины был мужчина, возраст которого явно перевалил на шестой десяток, с длинными седыми волосами и с красивыми полными губами, сохранившими чувственный изгиб. Он здорово походил на сэра Исаака Ньютона — каким того изобразил Годфри Неллер. И неслучайно он, Алексей Федорович Берестов, в годы своей байкерской молодости получил прозвище *Ньютон*.

Раз пять или шесть к нему уже подходили люди в форме полиции, чтобы поинтересоваться его документами. Сейчас, в канун Рождества, да еще и после событий в подмосковном санатории, здесь, в Первопрестольном граде, действовали беспрецедентные меры безопасности. Однако карточка-удостоверение — с логотипом компании «Законы Ньютона», — действовала на стражей порядка волшебным образом: Алексея Берестова немедленно оставляли в покое. Как ему и было обещано, никто не чинил ему препятствий.

Несколько раз водитель «Руссо-Балта» порывался позвонить по мобильному телефону — он у Берестова-старшего имелся. Однако он боялся упустить хоть один звук, передаваемый ему благодаря миниатюрному микрофону, вмонтированному в замочек-прищепку бейджика, что лежал сейчас в кармане Макса. Микрофон, как и разбитую камеру из пуговицы, предоставили именно «Законы Ньютона», ставшие теперь самой престижной охранной фирмой Москвы. А владелец фирмы — Алексей Берестов — поставлял теперь устройства защиты и слежения почти всем спецслужбам Евразийской конфедерации. Вот только — и сын Алексея Федоровича, и его микрофон находились сейчас в Егорьевском уезде. А сам владелец «Законов Ньютона» не сумел даже выехать из Москвы — по независящим от него обстоятельствам.

И в данный момент всё, что мог Алексей Федорович — это ловить звуки из динамиков своего приемного устройства, работавшего на одной частоте с «жучком». Ровно то же самое слышал сейчас и его Максимка.

3

Макс, уж конечно, помнил про тот микрофон, что всё еще оставался при нем. И — вынужден был признать звериную пронизательность герра Асса. Тот заставил его, Максима Берестова, молчать. Хотя — а что он мог бы сказать для тех, кто его сейчас слышал, если не видел ничего из-за темноты и надвинутой на глаза кепки? Здоровяк включил карманный фонарик — его слабенький отсвет проходил сквозь ткань бейсболки. Но — ориентироваться Макс мог теперь только по звукам, что окружали его. И он понятия не имел, окажутся ли эти звуки хоть сколько-нибудь полезны сотрудникам спецслужб, обещавшим ему полную поддержку и безопасность в ходе этой операции.

Ясно было, что пресловутый герр Асс уже многократно побывал прежде в этом здании. И те, кому положено было об этом догадаться, уже наверняка это поняли. Так что теперь носом землю рыли, доискиваясь, кто из посторонних и каким образом мог проникать в закрытый санаторий корпорации «Перерождение»? Однако поведать Макс о результатах своих изысканий — даже если таковые результаты имелись — они не могли при всем желании.

Между тем лестница кончилась, и они шли теперь по какому-то промозглому гулкому коридору, где их шаги отдавались двойным эхом. А где-то на небольшом отдалении слышались мерные, монотонные звуки вращения — как будто там работал на малой скорости винт электрокоптера. \

«Уж не *вертушку* ли спустил в подвал этот самый герр Асс?» — Макс мысленно издал смешок — натушный: смешно ему отнюдь не было.

А потом вдруг всё понял — и даже замедлил шаг непроизвольно, так что герр Асс с силой дернул его за локоть. Макса посетило озарение, когда звуки вращения начали затихать — с весьма характерным подвыванием. Какой там электрокоптер — здесь, в подвале санатория, работал огромный вентилятор! И сейчас — в момент, о котором сопровождавший Макса здоровяк наверняка заранееемзнал — происходило временное отключение здешней вентиляции. Объяснилось и предназначение часов герра Асса. До слуха Макса доносилось противное резкое попискивание — наверняка издаваемое таймером в этих часах.

— Давай, давай, не кисни! — Герр Асс снова потянул Макса за собой, на сей раз — со злым нетерпением.

Он явно осознавал: отобрав у всех своих сообщников часы, он не только лишил их возможности следить за временем. Он еще и вселил в них сильнейшие подозрения. Так что теперешняя торопливость здоровяка вряд ли была вызвана только лишь тем, что лопасти вентилятора должны были замереть совсем ненадолго.

Герр Асс почти что перешел на бег. И Макс у пришлось сделать то же самое. Но — они всё-таки не успели вовремя: у них за спинами раздалось вдруг многоногое топотание. И кто-то выкрикнул — со злобой и страхом:

— Стой, тварь! Бросить всех нас тут решил? Получил, что хотел — и дёру?

И тут же к этому голосу присоединился второй. Макс почти не сомневался, что принадлежал он тому негодяю, который давеча отказался выпустить женщину в туалет. Только теперь голос этот звучал так истерично и казался таким тоненьким, словно его обладатель и сам стал женщиной.

— Думаешь, мы не знаем, — провизжал этот *не-мужской* голос, — что взрывчатка — это фуфло? Что её здесь нет и никогда не было?

— Заткнись! — тут же рявкнул на тонкоголосого первый мужик.

А Макс мысленно возликовал: всё это наверняка слышали и те, кто принимал сигнал его микрофона!

Однако ликовал он недолго. Раздалось несколько подряд громких хлопков, и Макс услышал, как что-то чиркнуло по стене сантиметрах в десяти от его головы. Герр Асс что-то процедил сквозь зубы — но явно не пожелал тратить время на то, чтобы полноценно обматерить бывших товарищей.

Рывком он сдернул свою кепку у Макса с головы и швырнул её на пол.

— Беги вперед — со всех ног! — Он мощно толкнул Макса в спину, и тот поневоле засеменял ногами — а потом припустил рысью.

Да он бы и без этого толчка побежал, пожалуй что. Люди, настигавшие их, палили по ним уже почти непрерывно. И Макс только своей сказочной везучестью мог объяснить то, что в него пока ни разу не попали.

Между тем они вбежали в просторное прямоугольное помещение, формой и размером походившее на теннисный корт. И — да: в торцевой его стене и вправду имелась круглая вентиляционная шахта диаметром метра в два. Лопастей вентилятора, установленного в ней, хищно поблескивали сталью — однако пока что оставались без движения. Герр Асс направил в ту сторону луч своего карманного фонарика и выкрикнул — с заметной одышкой:

— Туда, живо!

И Макс помчал вперед — здоровяку даже подталкивать его больше не понадобилось. Первым — вертко, словно подвальный кот — Максим Берестов протиснулся между лопастями вентилятора, за которым воняло мышами, сыростью и ржавым железом.

«Интересно, — успел он подумать, — а этот Асс не застрянет ли тут?»

Но здоровяк, пыхтя и задыхаясь, уже ввалился за ним следом.

— Ты как — цел? — быстро спросил он.

Макс даже не уловил, в какой именно момент они перешли на «ты».

— Ни царапины, — сказал Макс.

— А вот меня зацепило. — В груди у здоровяка что-то отчетливо засвистело и захлюпало. — Ну, да ничего. Ты ведь доктор — ты сумеешь...

Тут попискивание таймера в часах здоровяка слилось в одну протяжную высокую ноту. И Макс не разобрал, что его сопровождающий сказал.

4

Для Ньютона последняя фраза тоже оборвалась на полуслове. Сначала её перекрыл звук таймера, потом — лязг лопастей огромного вентилятора, который снова заработал. А после этого и вовсе наступила тишина, нарушаемая только шелканьем разрядов статического электричества. Микрофон, что находился при Максе, явно не мог больше транслировать сигнал.

И всё равно — в наступившей тишине седовласый мужчина облегченно выдохнул. Почти против собственной воли. Да, его мальчик остался во власти загадочного безумца. Но, по крайней мере, подельники герра Асса упустили их обоих. А главное, ранение человека, захватившего его, давало шанс Максимке хоть на какую-то безопасность. По крайней мере, на время — пока тот мерзавец не поправится. Ну, не станет же он, в самом деле, посягать на жизнь собственного доктора?

А еще — Ньютона внезапно посетило озарение. Точнее — воспоминание. О его жене, которой не было на свете уже почти три десятка лет. И об одном вечере — накануне того дня, когда Максимке исполнилось восемь лет.

Светка прибежала тогда домой радостная, разрумившаяся.

— Вот, — сказала она, — я подыскивала подарок для нашего именинника, и неожиданно-негаданно получила кое-что сама. Правда, не насовсем — во временное пользование. Но всё равно — это почти что чудо!

И она выложила на столик в прихожей толстую кожаную папку с зажимом, в которой белела ровная стопка бумажных листов.

Тогда Ньютон даже присвистнул от изумления — когда жена сказала ему, что лежит в папке. А сейчас постаревший и поседевший Алексей Берестов прошептал:

— Стало быть, нужно ехать в Камергерский — в Художественный театр. И я должен поспешить.

Так что несколько минут спустя красный электрокар уже выруливал на Большую Якиманку. Ньютон включил в машине радио, но почти тотчас и выключил: захлебываясь от восторга, ведущий какой-то программы говорил: «Только что все заложники были освобождены, а террористы добровольно сложили оружие. Теперь, вплоть до особого распоряжения...»

— А про Максимку будто и не помнит никто!..

Ньютон чуть было не саданул по радиоприемнику кулаком, да вовремя передумал. И приемник мог еще ему понадобиться, и собственные кулаки.

5

— *Герр Асс*, — раздумчиво произнес Алексей Берестов; он ехал уже по Моховой, где туда-сюда сновали электрокары с государственными номерами, хотя порой проезжали и обычные граждане, не пожелавшие сидеть дома в канун Рождества. — Что же этот пакостник хотел сказать, назвавшись таким именем?

Но тут размышления Ньютона вынужденно прервались: на углу Охотного ряда и Тверской все проезжающие транспортные средства останавливал и проверял полицейский патруль. Пришлось и Алексею Берестову остановить свой «Руссо-Балт».

Они снова встал рядом с огромным уличным щитом. Однако здесь, на Тверской, в отличие от Комсомольского проспекта, царствовали не деньги, а власть и политика. Так что на щите не было рекламы электрокаров или чего-либо другого: на нем была изображена огромная карта Евразийской конфедерации. Самая последняя версия этой карты, согласно которой в границах России снова находилась Аляска, в декабре прошлого года выкупленная обратно у обнищавшей и переживающей жестокую депрессию Америки. Мало того: изрядный кусок Калифорнии, на котором огромным мегаполисом выделялся Форт-Росс, снова стал теперь *Русской* Америкой.

Между тем к «Руссо-Балту» подошел молодой человек в полицейской форме и постучал согнутым пальцем в стекло:

— Ваши документы!

В электрокаре на полную мощность работал обогреватель, и, когда Алексей Берестов опустил стекло, внутрь ворвался поток морозного туманного воздуха. Алексей Федорович показал карточку, которая на всех остальных служителей порядка оказывала моментальное воздействие. И ожидал, что этот полицейский тут же пропустит. Но — ошибся.

Тот повертел в руках удостоверение Ньютона, потом бросил быстрый взгляд на водителя «Руссо-Балта», а затем — отступил на шаг. Карточку Алексею Федоровичу он при этом даже не подумал возвратить.

— Так вы, стало быть, отец того самого Берестова? — На скулах у молодого служителя порядка заиграли желваки. — Можно сказать, *дедушка* трансмутации?

— Я ничей не дедушка! — рявкнул на него Ньютон. — Внуков у меня нет. И будут ли они — еще большой вопрос.

— Да ладно! — Молодой полицейский осклабился. — Все, кто прошел трансмутацию

— ваши внуки. С лицами или безликие — неважно. И, уж конечно, безликих-то среди них больше. Моя сестра, например, вполне может считаться вашей внучкой.

Электрокары, остановившиеся позади красного «Руссо-Балта» уже сигналили нетерпеливо. И Ньютон, стараясь говорить спокойно, произнес:

— Будьте любезны, верните мне мой документ! Вы прекрасно знаете, что обязаны меня пропустить. И я очень тороплюсь!

— Документ? — Полицейский словно бы удивился и длинным взглядом посмотрел на удостоверение Ньютона. — Так выйдите — и заберите его!

И он бросил карточку на тротуар.

Ньютон, не сдержавшись, выматерился. Выходить из машины он не желал категорически — тем более что видел: его самого и молодого полицейского уже снимают на профессиональную камеру. И Алексей Федорович практически не сомневался: они попали в объектив журналистам ЕНК. Что было скверно само по себе — а уж в свете того, что молодой полицейский только что во всеуслышание объявил, кем Ньютон является, было скверно вдвойне.

И Ньютон принял решение.

Все электрокары, находившиеся впереди, уже проехали, и он вдавил в пол сцепление. Роскошная машина рванула с места, молодой полицейский отчего-то зашелся хохотом, а Ньютон подумал: «Вот будет номер, если он сейчас откроет стрельбу по мне!». Но — ни в кого стрелять служитель порядка не стал — только проводил красный «Руссо-Балт» глазами, что Ньютон успел заметить в зеркале заднего вида. Равно как и то, что видеочамера повернулась в сторону его уносящего электрокара.

Алексей Берестов пролетел на полном ходу квартала два по Тверской, а потом сбавил скорость. Во-первых, его никто не преследовал. А, во-вторых, ему просто пришлось ехать чуть медленнее. Поток машин здесь оставался изрядным, и большинство из них двигалось в том же направлении, что и красный «Руссо-Балт»: от Охотного ряда в сторону Садового кольца. Но Ньютон рассчитывал, что он и без своего магического удостоверения сумеет доехать до Художественного театра — в архиве которого наверняка нашелся бы экземпляр той пьесы, компьютерную распечатку которой много лет назад приносила домой жена Алексея Берестова, Светлана — страстная театралка.

Это была распечатка — не бумажная книга — совсем не оттого, что пьеса никогда не была опубликована. Нет: её включали когда-то в собрания сочинений того великого писателя, чье имя теперь носил Художественный театр. Вот только — всё это были публикации полувековой давности и более. В 2027 году, после череды трагических совпадений, это произведение попало под запрет. Причем совсем не по вине написавшего его драматурга. И теперь выходило: либо этот самый *герр Асс* по чистой случайности назвался тезкой персонажа этой пьесы. Либо — он каким-то образом побывал в Художественном театре и тайком ознакомился с рукописью.

Ньютон понятия не имел, удастся ли ему выяснить, был ли в театре тот здоровяк, который уволок теперь невесть куда его Максимку. Но всё же — это была ниточка. И Ньютону очень нужны были подсказки.

«Руссо-Балт» свернул в Камергерский, и Алексей Берестов остановил машину на театральной парковке, в этот час — практически пустой. Сегодня был понедельник, и, стало быть, спектаклей в театре не играли. Но неясно было: на руку это окажется непрошеному гостю или наоборот?

Распахнув дверцу, Алексей Берестов вышел из машины. И поглядел на фасад дома № 3 по Камергерскому переулку, где рельефно выделялись золотые буквы:

**Московский художественный театр
имени М.А.Булгакова**

Глава 11. Художественный театр

6–7 января 2087 года

1

При входе в театр Алексея Берестова никто не остановил и не окликнул. Вахтер, для которого справа от дверей устроили стеклянную будочку, на своем рабочем месте отсутствовал — как видно, не планировал трудиться в канун Рождества. Так что Алексей Федорович беспрепятственно прошел внутрь. И ему подмигнула зелеными огоньками детекторная рамка на входе — подтверждая, что посетитель не пытается пронести с собой какие-либо запрещенные девайсы, вроде капсулы Берестова/ Ли Ханя.

В вестибюле Художественного театра, почти напротив входа, красовался огромный портрет в золоченой раме. На нем в полный рост был изображен мужчина в пиджачной паре, с зачесанными назад светло-русыми волосами, с иронической улыбкой на губах: Михаил Афанасьевич Булгаков, главный нарушитель спокойствия театра с 1926 года, когда состоялась премьера «Турбинных», и до 1939 года, когда премьера его пьесы «Батум» не состоялась. Хоть пьесу эту великий драматург написал (явно — преодолевая себя) к юбилею её главного героя: к шестидесятилетию товарища Сталина. И — запрет на её постановку поверг тогда всех не только в шок, но и в крайнее изумление.

Алексей Федорович задержался возле портрета. И в который раз подумал о том, каким невероятным образом сложилась творческая судьба этого человека. Он, ставший главным фрондером от литературы при жизни, после смерти своей превратился в хрестоматийного классика. А ведь Булгаков сам себя почитал неудачником, да и его современники держались того же мнения. Но все — ошиблись. Да еще как!

— Добрый вечер! — услышал Алексей Федорович женский голос у себя за спиной. — Я могу вам чем-то помочь?

Он обернулся. Позади него стояла симпатичная женщина лет тридцати пяти. Её длинные светло-русые волосы, слегка волнистые, свободно ниспадали на спину и плечи, а глаза у неё были двухцветные — серые с карим. Она была стройной и высокой: всего лишь сантиметров на десять-двенадцать ниже самого Ньютона. На женщине был брючный костюм из серого твида, и её можно было бы принять за какую-нибудь бизнес-леди. Но Ньютон тотчас понял, кто она такая — успел краем глаза увидеть её фото на стене театрального фойе. А перед тем еще и сделал звонок в театр со своего полуполюгального мобильного.

— Да, Ольга Андреевна. — Ньютон кивнул, беззастенчиво разглядывая женщину: завлита Художественного театра он представлял себе совсем не так. — Это я звонил вам. И очень рассчитываю на вашу помощь.

— Слава Богу, что хоть проводная связь у нас работает. — Женщина в твидовом костюме усмехнулась. — Идемте! — Она приглашающе взмахнула рукой.

— И вы даже не хотите взглянуть на мои документы? — изумился Алексей Федорович. Пластиковой карты «Законов Ньютона» у него больше не было, но биогенетический паспорт оставался у него при себе.

— Зачем? — Ольга Андреевна даже брови взметнула в изумлении. — Когда вы

телефону назвали себя, я сразу поняла, кто вы. Я сегодня полдня смотрела ЕНК. Ну, а если бы вы оказались колбером, который замаскировался под Берестова-старшего, то уже на весь театр завывала бы сирена: детекторы капсул Берестова/ Ли Ханя у нас стоят самые надежные во всем городе.

И она повела его за собой.

2

Ольгу слегка нервировал настойчивый взгляд посетителя, который всматривался в её лицо так, будто сличал её черты с портретом у входа. Многие глядели на неё с любопытством — когда узнавали, чья она родственница. Но этот высокий мужчина с длинными седыми волосами и широченными плечищами явно отличался от всех остальных. А чем именно — Ольга всё никак не могла понять. И, чтобы не показывать своей нервозности, она начала говорить. Благо рассказывать о Театре (даже в её мыслях это слово всегда писалось с заглавной буквы) она могла бы часами, а посетитель слушал её с крайним вниманием. И даже иногда переводил взгляд с неё самой на предметы, о которых она говорила.

Они шли через театральный музей, и Ольга указывала посетителю то на старые афиши, то на фотоснимки, то на костюмы в стеклянных витринах.

— Вот это, — говорила она, — первая афиша «Чайки». Обратите внимание: здесь написано — *комедия*. Никогда не понимала: опечатка это или шутка Антона Павловича? А здесь — костюм Ивана Грозного из пьесы «Иван Васильевич». Эта была постановка 2041 года — когда отмечалось 150-летие со дня рождения Михаила Афанасьевича.

— А вы никогда не называете Михаила Афанасьевича прадедушкой, только по имени-отчеству? — спросил Алексей Федорович Берестов — отец великого генетика.

— При посторонних — нет. — Это прозвучало несколько резко, и Ольга добавила: — Так уж принято в нашей семье. И, кстати, я не правнучка Михаила Афанасьевича — не родственница по прямой линии. Я его правнучатая племянница. Мой прадед приходился Михаилу Афанасьевичу младшим братом, а мой дед — его младший сын. А потом и мой дедушка, и мой отец очень поздно вступали в брак и обзаводились потомством. Вот так и вышло, что меня от Михаила Афанасьевича отделяет так мало поколений. Но вы ведь приехали не для того, чтобы вникать в детали моей родословной. Вы интересовались той пьесой — «Адам и Ева». Так что — нам надо идти дальше, в литчасть театра.

3

Открывая сейф, Ольга Булгакова повернулась к Ньютону спиной — так, чтобы загородить от него панель с кодовым замком. Хотя Алексей Федорович демонстративно глядел в другую сторону и не имел намерения подсмотреть набираемую комбинацию замка. С величайшей осторожностью — словно это была мифическая бомба, которую террористы заложили в здании подмосковного санатория корпорации «Перерождение», — женщина извлекла наружу старомодного вида картонную папку с тесемками, завязанными бантиком.

— Вот, — произнесла она, поворачиваясь к Алексею Федоровичу, — единственный экземпляр пьесы. Даже в Государственной библиотеке имени Столыпина нет копии. По крайней мере, официальных копий этого текста больше точно нет.

Бережно, как младенца, она положила папку на стол, но не торопилась развязывать

тесемки.

— Вы так и не объяснили мне, — обратилась Ольга Андреевна к Ньютону, — для чего вам понадобилась эта рукопись? Её никто не запрашивал уже почти двадцать пять лет.

— И вы тоже её не читали? — изумился Ньютон; но, по крайней мере, он только что получил ответ на крайне важный для себя вопрос: мог или не мог герр Асс ознакомиться с текстом пьесы *здесь*?

— Я сказала: *никто не запрашивал*, имея в виду посторонних. Я её читала, конечно. Мрачная пьеса. Сейчас её жанр определили бы как *постапокалиптику*, но, когда Михаил Афанасьевич писал «Адама и Еву», такого слова не употребляли. Так зачем она вам понадобилась?

— Возникла одна аллюзия — если, конечно, так можно выразиться. ЕНК, видите ли, не всё знает о том, что нынче произошло в Егорьевском уезде.

4

— Невероятно, — Ольга Андреевна покачала головой. — Просто невероятно... Если главарь террористов представился именем персонажа этой пьесы, то каким образом он её прочел? Ведь неспроста же её запретили публиковать! Вы ведь наверняка знаете: уже находились безумцы, которые пытались исполнить эту пьесу не на театральных подмостках, а в реальной жизни. И вот вам, пожалуйста: вторая попытка!..

Да, Ньютон о таких случаях знал. Чего стоил один только раритетный питерский трамвай, который угнали специально для того, чтобы протаранить им витрину одного из супермаркетов, расположенных рядом с трамвайной линией. И Светлана — жена Ньютона, коренная петербурженка, — говорила когда-то: после ареста угонщики заявили, что вдохновил на это деяние фрагмент булгаковской пьесы. Тот, где говорилось про ленинградский универмаг советских времен: «Гигантские стекла внизу выбиты, и в магазине стоит трамвай».

— Я убежден, — произнес Алексей Федорович, — что к теперешним событиям пьеса Михаила Афанасьевича ни малейшего отношения не имеет. И если этот *герр Асс* и вправду прочел «Адама и Еву», то, уж конечно, читал он её не в литчасти Художественного театра. Так что об это не переживайте. Сейчас нужно думать о другом: почему этот человек выбрал себе именно такой псевдоним?

— И мы должны прочесть пьесу, чтобы понять это?

— Я должен прочесть и понять, — поправил её Алексей Федорович. — Ни в коем случае не хотел бы впутывать вас, Ольга Андреевна, в это дело.

— А вы *уже* впутали, — сказала женщина. — И, в любом случае, я не могу оставить вас с этой рукописью наедине: я лично отвечаю за её сохранность. Так что вы будете читать, а я посижу рядом.

И она, опустившись на стул, наконец-то развязала тесемки на папке и откинула картонную крышку.

Алексей Федорович увидел толстую стопку желтоватых листков бумаги, ничем не скрепленных, исписанных крупным характерным почерком: вытянутые буквы, отчетливый наклон вправо. Так писали только люди, обучавшиеся каллиграфии при помощи перьевой ручки и чернильницы. У Ньютона от волнения закололо кончики пальцев. Не присаживаясь на стул, пододвинутый ему Ольгой Булгаковой, он протянул руку, взял верхний лист и

прочел:

Акт первый

Май в Ленинграде. Комната в первом этаже, и окно открыто во двор.

После этого он не помнил, как опустился на стул и как брал в руки страницу за страницей. События пьесы разворачивались в неназванном времени, но нетрудно было догадаться, что Михаил Афанасьевич подразумевал ту самую эпоху, в какую пьеса и создавалась: вторую половину тридцатых годов двадцатого века, когда донельзя обострились противоречия между СССР и Германией. И никакого пакта о ненападении между двумя странами подписано тогда еще не было. Да и что он изменил — этот пакт?

В пьесе молодожены Адам и Ева знакомятся с полубезумным ученым, академиком Ефросимовым, который только что сделал эпохальное изобретение: сконструировал прибор, позволяющий делать человека невосприимчивым к действию боевых отравляющих веществ. Проникшись симпатией к молодым людям, академик воздействует на них этим прибором, частично обработав также нескольких случайных свидетелей. И надо же было такому случиться, что в тот же самый вечер германская армия осуществила химическую атаку на город Ленинград, где происходили события. Всё население города погибает под воздействием бесцветного и не имеющего запаха газа — зарина, надо думать. Уцелеть удастся только самому Ефросимову да горстке счастливиц, которых он успел обработать своим прибором.

Кое-кого, правда, академику удалось спасти уже после воздействия ядов — вылечить при помощи всё того же прибора. И среди спасенных оказался отважный летчик: влюбленный в Еву авиатор Андрей Федорович Дараган, получивший огромную дозу отравляющих веществ в схватке с немецким летчиком, атаковавшим Ленинград.

— Да, — громко произнес Алексей Федорович, прочитав описание воздушного боя, — тут не может быть никаких сомнений... Я не ошибся. Он ведь и не говорил, с одним или двумя «с» пишется его имя.

В рукописи было сказано следующее:

Дараган. Когда я закончил марш-маневр, я встретил истребителя-фашиста, чемпиона мира, Аса-Герра. Он вышел из облака, и я увидел в кругах его знак — трефовый туз!

— Ну, конечно! — Ньютон пятерней провел по волосам: старая байкерская привычка, от которой он всё никак не мог избавиться. — Из-за его шепелявого произношения мне показалось: он сказал *Асс* — как медная монета. А это было слово *Ас* — как летчик-виртуоз.

Ольга Булгакова, до этого сидевшая молча и почти неподвижно, не выдержала: поднялась со стула и встала у Ньютона за спиной.

— И что нам это дает? — спросила она — явно намереваясь участвовать во всей этой истории, хотел того Алексей Федорович или нет. — *Ас-Герр* — он же *герр Асс*, — негодяй и в пьесе, и в жизни. Похоже, он использовал эту, как вы выразились, *аллюзию*, чтобы поиздеваться над всеми. И, кстати, в вы-то сами откуда смогли узнать про Аса-Герра? Кто-то рассказал вам об этой пьесе?

— Вроде того... — пробормотал Ньютон. — И я не думаю, что с этим псевдонимом всё так просто. В любом случае, я должен дочитать пьесу до конца.

И он взял в руки следующий лист бумаги.

— *Тут уже, смеясь и зная, что мне уже не летать более,* — прочел Ньютон, — *я с дальней дистанции обстрелял его и вдруг увидел, как свернул и задымил Герр, скользнул и*

пошел вниз.

«И пошел вниз», — мысленно повторил Ньютон, чувствуя: вот она — ниточка, нужно только за неё потянуть.

5

Ольга уже раз пять окликала Алексея Берестова, но тот не слышал её: сидел, погруженный в свои мысли. Так что ей пришлось взять посетителя за плечо и хорошенько встряхнуть. Только после этого он поднял на неё глаза и потряс головой — будто отгоняя что-то навязчивое.

— Сколько сейчас времени? — Посетитель глянул на свое запястье, но часов там не было.

— Уже без двадцати двенадцать, — сказала Ольга. — Вы как будто отсутствовали некоторое время.

— Так и было, — кивнул Алексей Берестов, захлопывая папку с рукописью. — И теперь дочитывать мне придется позже. Ровно в полночь меня будет ждать в назначенном месте электрокоптер.

— Эй, не спешите! — Ольга придержала его руку, видя, что он намеревается взять папку со стола. — Надеюсь, вы не думаете, что я позволю вам так просто забрать единственный экземпляр пьесы Михаила Афанасьевича?

— Боюсь, выбора у вас нет, — сказал седовласый мужчина. — В этой папке — разгадка, и она может спасти моего сына. А он может спасти миллионы жизней. Так что я забираю её с собой. Официальный запрос вы получите уже завтра — уверяю вас, с этим проблем не возникнет. А пока — пьеса поедет со мной.

— Хорошо! — сказала Ольга. — Тогда и я еду с вами, И не спорьте со мной! Формально я не имела права даже и показывать вам эту рукопись, не то что — отдавать.

— Да где уж мне спорить с вами... — Алексей Берестов усмехнулся. — Ладно, едемте, только на сборы я не могу вам дать даже минуты.

— Мне и не нужно, — мгновенно согласилась Ольга. — Только захвачу сумку и пальто, а потом запроу помещение. Кроме меня никого из сотрудников в здании театра нет.

6

Ольга должна была признать: этот странный человек — Алексей Берестов — водил машину великолепно. Да и «Руссо-Балт» был словно создан для скорости. Он выдавал теперь почти сто километров в час, но дороги были почти пусты, так что водитель успевал еще и разговаривать с Ольгой.

— Сказать по правде, я рад, что вы составили нам компанию. — Алексей Берестов с особенной лихостью вырулил на Большую Полянку. — И не хмыкайте вот так — насмешливо. — Он с иронической точностью скопировал её хмыканье. — Ваш совет и консультация могут мне понадобиться.

Он бросил на Ольгу быстрый взгляд и, должно быть, заметил на её лице смесь удивления и недоверчивого понимания — именно это она ощутила в тот момент.

— И какого рода консультация вам нужна? — спросила Ольга.

Они всё ещё мчались по Большой Полянке, и Алексей Берестов, не отводя глаз от

дороги, процитировал:

— *В землю! Вниз! В преисподнюю, о прародительница Ева! Вместо того, чтобы строить мост, стройте подземный город и бегите вниз!* — Ему даже с текстом пьесы не понадобилось сверяться: память у него явно была отменная. — Так вот, я хотел спросить у вас, Ольга Андреевна... — Однако задать свой вопрос он не успел: умолк на полуслове.

Прямо над их головами возник ритмичный гул вертолетных лопастей, и многократно усиленный динамиками голос произнес:

— Водитель красного «Руссо-Балта», остановитесь и заглушите мотор!

— Ну и ну, — усмехнулся Алексей Берестов, — неужто это из-за того, что я превысил скорость?

Впрочем, он тут же затормозил у обочины — благо, на пустынной улице это не составило труда. И тотчас прямо перед ними — буквально в пяти-шести метрах от «Руссо-Балта» — на дорожное полотно опустился электрокоптер.

— Интересно, какого дьявола они устроили этот цирк? — В голосе Алексея Федоровича слышалось даже не раздражение — удивление. — Минут через десять мы сами бы доехали.

— Выходите из машины! — потребовал всё тот же мегафонный голос.

Алексей Берестов чуть помедлил, аккуратно складывая в папку исписанные наклонным почерком листы, а затем повернулся к Ольге.

— У вас еще есть возможность не вступать в эту историю, — сказал он. — Я объявлю, что привлекал вас как консультанта, и в ваших услугах больше нет необходимости. После этого вы сможете спокойно вернуться домой.

Ольга только усмехнулась одним уголком губ:

— Ну, вы ведь так и не отдали мне рукопись, — произнесла она. — И всё еще не дочитали пьесу. Стало быть, отдать вы её пока не сможете. Так что я остаюсь с вами.

И она, распахнув дверцу, первой покинула электрокар. А следом за ней из кабины вышел Берестов, к которому уже спешил мужчина в полицейской форме.

— Что-то случилось? — быстро спросил Алексей Федорович подошедшего к ним полковника: рослого мужчину лет сорока, с грубоватыми, хотя и не лишёнными приятности чертами лица.

Тот лишь скривился и начал говорить, склонившись к самому уху Берестова-старшего.

Глава 12. Плакат безликого

6–7 января 2087 года. Ночь перед Рождеством

1

Жалел ли Макс о том, что в сентябре прошлого года он самолично открыл нелегальный доступ к технологии реградации — чтобы только её распространению невозможно было помешать? Чтобы только у Филиппа Рябова, который изображал теперь из себя Дениса Молодцова, не осталось шансов его остановить? До этой рождественской ночи Макс мог бы сказать: нет, не жалел.

Да и как он мог жалеть об этом — после того, как свел знакомство с Сашкой Герасимовым и десятками других реградантов, которые без этой технологии остались бы до конца своих скудных дней безгласными «поленьями»? Да, их всех ожидал, очевидно, длительный период реабилитации — и физической, и социальной. Но разве хоть кому-нибудь пришло бы в голову утверждать, что это — хуже, чем быть безликими зомби?

И всё же — в ту ночь толика сомнений у Макса зародилась. А еще — он в первый раз осознал, как сильно ему не хватает настоящего Дениса: его единокровного брата, злейшего врага — и единственного настоящего друга, какой был у него за всю жизнь. Уж Денис-то в два счета разрулил бы всю эту канитель! Да что там — он бы вообще не допустил такой ситуации никогда.

Макс сидел в маленькой каморке, расположенной в торце просторного длинного строения — одноэтажного, с высоченным потолком. Он почти не сомневался: это был тот самый ангар, о котором ему говорил Сашка. Но, прежде чем Макса в эту каморку поместили, он увидел достаточно — чтобы понять всё.

Когда давеча они с герром Ассом выбрались из подземной вентиляционной шахты, то оказались далеко за пределами санатория — в сосновом бору, что окружал его. Причем выбрались они отнюдь не на январскую стужу. Низенькая дверца, до которой они не без труда доковыляли, распахнулась, выведя их в некое подобие сторожевой будки — вполне благоустроенной, к слову сказать. Площадью метров около десяти, ярко освещенная, она имела внутри и обогреватель, и маленький диванчик, и стол с электроплиткой, и — хорошо укомплектованную аптечку. Так что Макс получил возможность заняться раной своего спутника.

Пока они пробирались к этой будке, у Макса не раз и не два возникало желание попросту бросить этого самого Асса — оставить его истекать кровью прямо на полу, с которого тот не сумел бы подняться без посторонней помощи. И остановила Макса даже не клятва Гиппократата — хоть он, доктор Берестов, и не забывал о ней. Остановило его чисто практическое соображение: подземелье под санаторием напоминало лабиринт Минотавра, и схемой его Макс не обладал. Так что без герра Асса он мог бы не выбраться оттуда. Так что, матерясь сквозь зубы, почти что тащил на себе здоровяка — который безошибочно указывал путь.

А когда в сторожевой будке Макс наложил ему повязку, тот, будто фокусник, извлек откуда-то мобильный телефон. И Макс даже не успел еще придумать, как бы ему использовать седативный препарат, имевшийся в аптечке — вкатить его своему пациенту

так, чтобы тот ничего не заподозрил, — когда сторожевую будто влетели снаружи сразу четверо молодых мужчин. У всех из-под зимних курток торчали пижамные брюки. Вот тогда-то Макс и понял всё — включая то, каким образом новые подельники герра Асса появились так быстро — чуть ли не мгновенно. Всех этих четверых Макс знал в лицо — и даже беседовал с каждым из них.

— Ба! — воскликнул Макс — отлично помня про тот микрофон, что оставался при нем: был вмонтирован в прищепку бейджика. — Так вот для чего вы всё это придумали! Пока суд да дело, половина заложников-реградантов из санатория слиняла — переметнулась к вам.

2

Когда мужчина в полковничьей форме сообщил о том, что произошло, Ньютоу, тот сперва выругался шепотом, потом сказал:

— Похоже, эти сукины дети для того всё и затеяли — как отвлекающий маневр. — Впрочем, в тот момент он был еще относительно спокоен. — Готов биться об заклад: сбежали именно те пациенты, для реградации которых использовали мозговой экстракт преступников.

— Угадали. — Полковник как-то странно поглядел на Ньютона, и тот мигом смекнул, в чем дело.

Дополнительная цель негодяев была — бросить подозрение на него, Алексея Берестова. Поскольку он — чертов идиот! — обмолвился недавно в интервью ЕНК, что его жена была страстной поклонницей Булгакова. Его тогда пригласили в студию Единого новостного канала в связи с потрясшей всех новостью — что Максим Берестов не только жив и здоров, но и готовится поразить мир своей новой разработкой. Конечно, интервьюеры предпочли бы залучить к себе самого Макса, но, уж конечно, этого сделать им не удалось. Да и сам Ньютон не согласился бы ни на какие интервью, но его мальчик сказал ему тогда: «Поговори с ними, папа. Иначе спокойной жизни не будет ни тебе, ни мне». Вот Ньютон и поговорил, причем так увлекся, что выболтал историю о том, как его жена много лет назад приносила ему почитать таинственную пьесу Михаила Булгакова, оказавшуюся под запретом.

Или же — те, кто захватил санаторий, хотели представить дело так, будто Ньютон — это и есть герр Асс. Никто не думал, что Алексей Берестов вернется в Москву так быстро. Для этого Ньютоу пришлось переложить обязанности коменданта «Нового Китежа» и начальника его службы безопасности на другого человека — того самого полицейского по имени Алекс, который сох по Ирме фон Берг. Ньютона сегодня в середине дня ссадили с поезда и доставили в Москву на электрокоптере, когда стало известно о захвате санатория. Но сделать это удалось только благодаря тому, что «Новый Китеж» в этот момент делал остановку в Ярославской губернии — откуда до Первопрестольного града было рукой подать.

«Когда всё это закончится, — зло подумал Ньютон, — не поленюсь — схожу на ЕНК и найти того журналюгу, который меня подставил». Но — тут же поправился себя мысленно: *если* всё это закончится.

От размышлений его отвлек полицейский полковник.

— Дама полетит с нами? — поинтересовался он.

— Полечу, — вместо Ньютона ответила Ольга Булгакова.

Они забрались в электрокоптер, и машина поднялась в воздух.

3

Не один только Алексей Берестов размышлял в ту рождественскую ночь о Едином новостном канале — медиа-гиганте Евразийской конфедерации. Сашка Герасимов, которого вместо пресловутого санатория вернули домой, к родителям, думал о том, что всё произошедшее случилось не просто так. Теперь, когда до него никому нет особого дела, когда все заинтересованные в нем представители «Перерождения» отвлеклись на другое, у него, Александра Герасимова, наконец-то появлялась возможность отправиться на ЕНК и рассказать всему миру правду о безликих. Ну, и что с того, что теперь его имя официально — Седов Сергей Сергеевич? Вон — Максим-то Берестов сколько времени ломал перед ним Сашкой, комедию: изображал безвестного доктора. И — ничего, всё сошло ему с рук. Так стоит ли переживать Сашке? Уж наверняка тележурналисты его историю дадут в прайм-тайм: безликий, сумевший прожить пять лет после трансмутации и благополучно прошедший затем процедуру реградации. Наверняка они и не спросят, легально он эту процедуру проходил или — не совсем.

А в это время на другом конце Москвы, в номере гостиницы «Ленинградская», Филипп Рябов, выглядевший теперь как президент всесильного «Перерождения», размышлял о том, какого дурака он сваял. Он-то хотел, чтобы Макс выступил на ЕНК и заявил, что правс контроля над технологией реградации ему не принадлежит, потому-то он и инициировал начало её нелегального применения. Филипп Рябов рассчитывал, что Настасья убедит Макса это сделать — назовет это в качестве условия восстановления их помолвки. Но — его дочь и двух слов не сказала ему с тех пор, как стало известно о захвате того санатория и о том что Макс обменял себя на заложников. Таких полыхающих гневом глаз Фил не видел у Настасьи еще никогда. И — она тотчас напомнила ему, что именно так глядела в последнее время Маша, её мать. Да, Настасья явно проклинала тот миг, когда позволила себя уговорить — и отправила Максу то сообщение. Она порвала со своим женихом — а теперь неясно было, сумеет ли она когда-нибудь объясниться с ним и поведать, что подтолкнуло её к такому поступку.

Настасья долго разговорила с кем-то по проводному телефону, но произносила слова так тихо, что Фил только сумел понять: говорила она с женщиной. И спрашивать, с какой именно, он не рискнул.

Один только Гастон поглядывал на Фила сочувственно. Но — он, в общем-то, на всех так глядел. И, к тому же, понятия не имел, что натворил сегодня человек, оказавшийся с ним рядом. Человек, который сделался врагом и хозяину черного пса, и его хозяйке.

4

Берестов-старший продолжал читать и в вертолете. И они как раз подлетали к башне-небоскребу, где находилась штаб-квартира ЕНК, когда Алексей Федорович добрался до последней в пьесе реплики. Дараган — авиатор, сбивший самолет Аса-Герра, — обращается к химику Ефросимову: «Эх, профессор, профессор!.. Ты никогда не поймешь тех, кто организует человечество. Ну что ж... Пусть по крайней мере твой гений послужит нам! Иди, тебя хочет видеть генеральный секретарь».

И Ньютон решил, что мерзавец герр Асс, назвавший именем персонажа булгаковской пьесы, выбрал эту пьесу не только из-за него, Алексея Берестова. С помощью такого выбора он еще и передавал послание. Давал понять, что служит он тем, кто *организует человечество*. Или уже послужил им когда-то. А теперь вынудит служить этим *организаторам* и Максима Алексеевича Берестова.

«И всё-таки я не могу понять, — убирая листы с текстом пьесы в картонную папку, подумал Ньютон, — с какой стати герр Асс фактически *предупредил* меня, что я окажусь под ударом? Возможно ли, что он ведет какую-то свою, самостоятельную игру? Или он просто исполнитель воли того, кому отчего-то вздумалось загадать мне загадку?..»

Конечно, ответа на этот вопрос у Ньютона не было — равно как и не было возможности искать его. По крайней мере — в ближайшее время. Ольга издала вдруг какой-то гортанный звук горлом, словно ей внезапно перестало хватать воздуха, и сквозь стекло вертолетной кабины указала вперед: туда, где виднелись гигантские тарелки-антенны на крыше здания ЕНК. Даже ночью здание это источало ярчайший свет, от которого даже ночное небо над ним становилось из темно-фиолетового блекло-синим.

Алексей Федорович проследил взглядом направление, которое она указывала — и чуть рот не разинул от изумления.

Идеально круглая тарелка одной из антенн была рассечена надвое по вертикали черным силуэтом: на парапете крыши стоял мужчина — на фоне этой тарелки сильно напоминающий фигуру на мишени. И по бесчисленному количеству телевизионной аппаратуры и журналистов на крыше нетрудно было догадаться, что о его присутствии здесь знает уже весь ЕНК. Даже с воздуха было понятно: все телекамеры в данный момент работают. И демонстрируют не только Первопрестольному граду, но и всему миру плакат, который мужчина держит в широко раскинутых руках:

Вопреки первоначальным опасениям Ньютона, прыгать вниз человек не планировал. Да и не мог он ничего планировать в своем теперешнем состоянии. На том месте, где раньше у него было лицо, белела лишь плоская маска из плоти. Даже капюшон зимней куртки, брошенный ему на голову, этой жуткой личины скрыть не мог. Но даже не это более всего поразило Ньютона. Надпись на плакате, который кто-то вручил безликому, гласила: *Во всем повинен отец. Покарайте его!*

— А что же — охрана здания? — спросил Ньютон; его горло будто веревкой стянули. — Я имею в виду: кто пустил его на крышу?

— Как видите, — сухо произнес полковник, — сотрудники охраны ЕНК это визитера *не заметили*. Или он просто-напросто *соткался из воздуха* — так, кажется, выразился когда-то любимый писатель вашей покойной ныне жены? Рр-р-раз! — Мужчина с силой ударил себя кулаком по раскрытой ладони другой руки. — И безликий возник на крыше.

— А террористы, взявшие заложников в санатории? — впервые после посадки в вертолет подала голос Ольга. — Не может ли быть, что это — следующее действие их спектакля?

Полковник глянул на неё то ли с неприязнью, то ли жалостью. Вместо него ей ответил Ньютон:

— Ни тех, ни других мы сейчас допросить не можем. Зато, полагаю, мы сейчас сядем на крышу ЕНК и попробуем выяснить, что тут и как.

— Ну, а если на этом безликом — *настоящая бомба*? Думаете, люди, которые привели его на крышу, не смогут её взорвать? — не желала успокаиваться Ольга.

Ньютон хмыкнул:

— Думаю, то, что произошло в санатории, вполне согласовывалось с планами этого *Аса*. А насчет того, что происходит здесь и сейчас — я не уверен, что это часть его плана. Но, если кто-то планирует взорвать бомбу на крыше здания ЕНК, мы должны хотя бы попытаться этому помешать. Хотя за результат поручиться нельзя — сами понимаете.

— Господи, помилуй нас... — прошептала Ольга Булгакова и перекрестилась.

Впрочем, с последним она поспешила: осенить себя крестным знаменем ей следовало позже, поскольку самое удивительное ждало их впереди. Пилот вертолета начал заводить машину на посадку — площадка с буквой «Н» на крыше была свободна, — когда все, кто находился в «вертушке», дружно, в один голос ахнули.

5

Ньютон, отвлекшийся в момент разворота над крышей, быстро вскинул взгляд — и вместе со всеми издал изумленный возглас. Чего только ему ни довелось повидать за свою жизнь, однако и он был потрясен открывшимся зрелищем ничуть не меньше, чем Ольга Булгакова или собравшиеся на крыше журналисты.

С человеком на парапете здания что-то происходило — нечто небывалое и немислимое даже для Ньютона. Вот — только что на месте лица у него была безобразная маска. А затем она просто взяло и исчезла. И вместо неё у человека в капюшоне начали формироваться и застывать вполне человеческие черты. Все тело его вибрировало, ходило ходуном, и было даже странно, что он еще не ухнул с парапета вниз — и не выпустил своего плаката.

— Матерь Божья, Пресвятая Богородица, — шепотом произнес пилот вертолета.

Как и все остальные, он уже понял, что происходит прямо у них на глазах: человек проходит спонтанную реградацию.

— Потрясающе... — не сдержавшись, прошептал Алексей Федорович.

— Вы знаете, *как* такое возможно? — полковник мгновенно повернулся к Ньютону.

— М-м-м... — тот издал неопределенное мычание, стараясь мимикой не выдать себя. — Какое-то неизвестное науке явление...

С подозрением и разочарованием на лице полковник отвернулся от него, а Ньютон перевел дух. Ибо он знал, о, да, *знал*, что это было. Отложенная трансмутация — над этой биотехнологией Макс работал когда-то, много лет назад. Но «Перерождение» не захотело ту его разработку внедрять — слишком уж непредсказуемо шел процесс. А теперь Ньютон ни за что на свете не показал бы своей осведомленности этим людям. Пусть им сообщает сведения кто-нибудь другой.

И, пока все глядели в сторону перерождающегося человека на крыше, Алексей Федорович успел сделать вещь не совсем понятную: вытащив из нагрудного кармана пиджака маленький карандаш, он быстро написал несколько строк прямо на картонной папке, в которой лежала пьеса Булгакова. А затем сунул папку в руки Ольге. Та, почти не глядя, взяла у него бесценную пьесу, продолжая смотреть на удивительный процесс, происходящий на крыше — куда уже опустился их электрокоптер.

— Быстро все к нему — к этому клоуну с плакатом! — скомандовал было полковник двоим полицейским, что летели с ними.

Однако Ньютон тотчас ухватил его за рукав:

— Я бы не стал с этим торопиться. Более чем вероятно, что это — ловушка. Сначала

туда пойду я, один. Вдруг — я и есть тот отец, которого припечатали позором на плакате.

Надо отдать полковнику должное: он не стал вступать в пререкания с Алексеем Федоровичем. Вместе с ним он вышел из вертолета, отвелчуть в сторону и лишь после этого потребовал:

— Руки!

— Что? — Ньютон самым искренним образом не понял его.

— Я говорю — вытяните вперед руки! — И полковник вытащил из кармана пластиковые наручники.

— Не уверен, что у вас есть полномочия поступать так, — заметил Алексей Федорович, однако руки вытянул.

— А вот я уверен, что мне полномочий хватит! — Полковник с силой затянул пластиковую ленту на запястьях Ньютона, и тот невольно поморщился. — Жаль только, что я не догадался сделать этого раньше. Когда именно вы вступили в сговор с этим герром — как его там? Молчите? Ну, хорошо.

Он обернулся к вертолету, откуда на него с изумлением взирали его подчиненные, и распорядился:

— Дамочку тоже арестовать!

Но никакой дамочки в электрокоптере уже не было. Как не видно её было и нигде поблизости. Впрочем, в толпе народу, запрудившего крышу, легко мог бы раствориться целый взвод солдат.

— Упустили! — заорал полковник. — Его сообщница сбежала!

— Далеко не убежит, — ухмыльнулся радист электрокоптера, — я тут, пока мы летели, на всякий случай подстраховался.

Однако подстраховаться решил не он один. И Ньютон рассчитывал, что его страховка окажется не хуже. Если, конечно, Ольга Булгакова прочтет надпись, которую он оставил на папке.

Часть третья. ЕДИНЫЙ НОВОСТНОЙ КАНАЛ.

Глава 13. Пречистенка

7 января 2087 года

1

Примерно в два часа ночи Ольга Андреевна Булгакова вышла из дверей станции метро «Пречистенка» — одной из немногих станций московского метрополитена, сменивших прежнее название на новое. Впрочем, впервые станцию эту переименовали еще в эпоху СССР, когда из «Дворца Советов» она превратилась в «Кропоткинскую». Так что повторное переименование казалось вполне правомерным: даже самые оголтелые консерваторы против него не возражали.

Как никто, разумеется, не возражал и против того, чтобы сделать работу метрополитена круглосуточной. Московское метро всегда выручало горожан. Ни разу не прекращало оно своей работы с момента открытия в 1935 году, и в годы войны было самым надежным бомбоубежищем советской столицы. А теперь превратилось в средство спасения от колберов, которым ни разу не удавалось пронести капсулы Берестова через детекторные рамки при входе.

Конечно, были еще сотрудники метро, которых колберы могли залучить себе в союзники подкупом или угрозами. И кое-кто из пессимистов предостерегал мэра Москвы, говоря, что подобное вполне может произойти. Но — тут уж приходилось рассчитывать исключительно на удачу.

Ольга Булгакова с трудом смогла выбраться из толпы, которая текла к наземному вестибюлю метро со стороны Храма Христа Спасителя, откуда доносился торжественный колокольный звон. Москвичи не побоялись: отправились в эту рождественскую ночь в Храм, где только что завершилась праздничная служба.

С некоторым трудом выбравшись на Пречистенку, Ольга осмотрелась и тотчас нашла то, что ей было нужно: будку таксофона. По счастью, сумка оставалась при ней, а в сумке нашлось несколько телефонных жетонов. Мобильная связь формально была под запретом, проводные аппараты в Художественном театре вечно оккупировали артисты, и Ольге частенько приходилось звонить с общедоступного аппарата в фойе. Ринувшись к будке — словно боясь, что её опередят, — Ольга влетела в неё, захлопнула дверцу и стала набирать номер, сверяясь с той записью на картонной папке, которую сделал Ньютон.

Переговорив с кем следовало — это заняло не более пяти минут, — Ольга облегченно выдохнула, вышла наружу, аккуратно прикрыла застекленную дверцу и огляделась по сторонам. По Пречистенке двигалось не так уж мало машин: большинство из них выезжало с площади Пречистенских ворот — со стоянки перед Храмом. Однако электрокару, который поджидала Ольга, следовало подъехать с противоположной стороны. И это тоже должен был быть ярко-красный «Руссо-Балт» — как у Алексея Берестова. Трудно было поверить в то, что это простое совпадение.

Минут десять Ольга прохаживалась по улице, пару раз останавливаясь возле магазинных витрин и подолгу разглядывая их содержимое — точнее, следя за отражениями проезжавших мимо электромобилей. Даже посреди ночи на Пречистенке было светло почти как днем —

можно было даже лица водителей разглядеть. Но на деле-то родственница Михаила Афанасьевича Булгакова почти ничего подле себя не видела. Мысленно она задавала себе вопрос: правильно ли она поступила, доверившись едва знакомому человеку и взявшись выполнять его указания? И не обманул ли он её, пообещав, что здесь, на Пречистенке, её *подхватят*?

В последнем обстоятельстве — в то, что Алексей Берестов её обманул, — она практически полностью уверилась, когда прямо у себя за спиной услышала вдруг визг тормозов, и, мгновенно обернувшись, увидела совсем другую машину — не красный «Руссо-Балт». Едва не въехав передним и задним правыми колесами на тротуарный бордюр, позади неё остановился черный «Рено-Альянс»: отличный электромобиль, стоивший, однако, раза в три дешевле по сравнению с роскошной приземистой машиной, на какоц подъехал давеча к театру Алексей Берестов — и на какой должны были прибыть за Ольгой. Да и то сказать, кто стал бы сравнивать российские машины с французскими: добротнo сделанными, но, конечно же, не обладавшими конфедератским качеством и шиком?

«Быстро сработали», — только и подумала Ольга. Рядом с ней — справа и слева от неё — возникли двое мужчин: один в черном зимнем полупальто, другой — в темно-синем, но такого же фасона. И оба в одинаковых меховых кепках. Ольга ощутила даже некоторую гордость, поняв, что за ней послали агентов в штатском — не в форме.

— Главное управление внутренних дел Московской губернии, — проговорил мужчина в черном пальто — негромко, почти вкрадчиво. — Хотя вы, Ольга Андреевна, несомненно, и сами уже поняли, *кто* мы.

— Чем обязана? — Ольга сама удивилась тому, как холодно и твердо прозвучал её голос.

— Сегодня, — теперь уже заговорил «темно-синий», — был задержан известный вам Алексей Берестов, обманным путем втершийся в доверие к сотрудникам правоохранительных органов. Если бы ни бдительность наших коллег, Бог знает, чем бы всё обернулось: именно этот человек якобы обеспечивал контакты с террористами, захватившими заложников в санатории корпорации «Перерождение». У нас же есть все основания подозревать, что в действительности он действовал с террористами заодно.

— Ну, а я тут при чем? Кто там у вас *в действительности действует*, разберитесь сами, уж будьте любезны. Я — завлит Художественного театра, а не контрразведчица. Знать, кто у вас преступник, а кто нет — не в моей компетенции.

— Но вы ведь не станете отрицать, что консультировали его по каким-то вопросам? И что сегодня вы без разрешения покинули штаб-квартиру Единого новостного канала? — произнес *человек в синем*, и его товарищ укоризненно покачал головой: тот явно сморозил глупость.

Ольга, конечно, не оставила эту глупость без внимания.

— Я — исключительно из любезности — ответила на некоторые вопросы господина Берестова, — отчеканила она. — Однако меня не нанимали на службу в *правоохранительные органы*. И, стало быть, я не обязана спрашивать у ваших коллег разрешение: покидать мне или не покидать какую-либо территорию Евразийской конфедерации.

— Всё именно так! — мгновенно согласился с ней мужчина в черном пальто. — Но всё же нам хотелось бы узнать, какое у вас лично сложилось мнение о Берестове Алексее Федоровиче? А главное — о чем именно он консультировался с вами? Если вы не против,

мы попросили бы вас проехать с нами — для беседы. Пожалуйста, садитесь в машину! — И сотрудник ГУВД распахнул перед Ольгой заднюю дверцу «рено».

— Ладно, — сказала Ольга, — если вы настаиваете...

И она пошла к автомобилю. *Темно-синий* сотрудник, успокоенный её благоразумием, тотчас сел за руль. Ольга же вроде бы тоже забралась в машину — во всяком случае, наклонилась вперед и сделала такое движение, будто намеревается усесться на заднее сиденье. Так, по крайней мере, решил стоявший рядом *человек в черном*.

И решил неправильно, в чем тотчас и убедился.

Вместо того, чтобы забраться в салон «рено», Ольга одновременно левой ногой и правой рукой ударила изнутри по открытой лишь наполовину дверце — на которую почти что облокотился мужчина в черном пальто, проявивший столь непростительную при его должности беспечность. Дверца ударила его по ногам — и ударила неслабо. Охнув, сотрудник ГУВД упал на одно колено. А Ольга Булгакова, будто отброшенная от «рено» пружиной, помчалась прочь: в сторону, противоположную той, куда был развернут электрокар агентов полиции.

2

Какие бы диковинные события ни происходили этой ночью, а в здании ЕНК сотрудники полиции не остались без пристанища. Не успели еще стихнуть возмущенные возгласы журналистов, которых вытеснило с крыши подоспевшее полицейское подкрепление, не успел еще Ньютон привыкнуть к новой для себя роли арестанта, а на последнем этаже восьмидесятиэтажного здания ЕНК был уже развернут кризисный центр, в котором и разместились представители ГУВД. Руководство ЕНК выделило для этого один из залов роскошного ресторана, находившегося в ведении медиа-гиганта.

Но, по крайней мере, Ньютон был рад одному: арестовали его или нет, а полковник-солдафон пока что отказался от идеи немедленно захватить трансмутанта с плакатом. Человека на крыше взяли в широкое кольцо сотрудники полиции и никого к нему не подпускали, а сам он сбежать не пытался. Так и стоял на парапете: продолговатый черный силуэт на фоне огромной круглой антенны.

— Так что вы можете сказать в свое оправдание? — спросил полковник, усаживаясь на ресторанный стул в чехле подле Ньютона.

Тот сидел на таком же стуле, и рядом с ним стоял страж — молоденький полицейский с автоматической винтовкой Мосина в руках: из числа прибывшего подкрепления. И, кроме него, в импровизированном кризисном центре собралось еще с десятков сотрудников полиции. Но все они находились на порядочном отдалении: сидели за сдвинутыми в ряд тремя столиками на противоположном конце зала.

— Да перестаньте вы. — Алексей Федорович безуспешно попытался потерять одно запястье о другое; руки его ощутимо начинали затекать под пластиковой лентой наручников. — Во-первых, здесь не суд, а, во-вторых, оправдываться мне не в чем. Если бы вы дали себе труд подумать, то поняли бы: у меня есть какие-то основания вести себя именно так, как я веду.

— Так объясните мне все! — Полковник так возвысил голос, что люди за сдвинутыми столиками как по команде повернулись в их сторону. — Я ведь не идиот, пойму!

Вместо ответа Ньютон только посмотрел на него. Но, вероятно, по выражению его лица

и так всё было видно, потому как его собеседник чуть приподнялся со стула, а правая его рука сжалась в кулак. Молоденький полицейский дернулся, будто собирался преградить ему дорогу, однако этого всё-таки не понадобилось: полковник разжал руку сам.

— Хорошо, — вроде как со спокойствием произнес он. — Не хотите говорить — не надо. Полагаю, ваша сбежавшая сообщница будет более разговорчивой. Мне доложили минуту назад: её обнаружили на Пречистенке.

3

Ни сама Ольга, ни сотрудники полиции в штатском понятия не имели о том, что за ними — на протяжении всего их короткого разговора — с некоторого расстояния наблюдала красивая молодая блондинка. Пару минут назад она остановила красный «Руссо-Балт» у обочины, но, по счастью, не успела выйти из него. Этого яркого автомобиля, как ни странно, не заметил никто: ни Ольга, ни проехавшие почти вплотную к «Руссо-Балту» полицейские. Ночное время всё-таки влияло на восприятие.

Вцепившись в руль холеными маленькими руками, Ирма фон Берг, казалось, пыталась по губам прочесть слова, произносимые мужчинами и женщиной на улице. Преуспела она в этом или нет — неизвестно, но, когда Ольга пустилась бежать, а двое мужчин, развернув машину, ринулись догонять её на «рено», красавица-блондинка немедленно активировала электронный ключ зажигания. И мысленно выругалась по-немецки.

Барышня фон Берг рассчитывала, что успеет доехать до Пречистенки раньше, чем до Ольги Булгаковой доберутся *официальные лица*. Но, когда Ирма подкатила к Большому Каменному мосту, то обнаружил, что тот перегорожен полицией: по случаю рождественской службы в Храме Христа Спасителя стражи порядка решили перекрыть проезд. И не пропускали никого, пока стоянка перед Храмом не опустела.

Ирма знала, что на богослужении должна была присутствовать и Настасья Рябова: та сообщила ей о своих планах, когда звонила ей днем по телефону. Чего Ирма не знала, так это того, пойдет ли с Настасьей в Храм её отец — дважды трансмутант? Настасью он об этом заранее не проинформировал. Так что Ирме, вероятно, в любом случае пришлось бы дожидаться, пока разойдутся все верующие. А не то, чего доброго, Филипп Рябов опознал бы машину, на которой Ирма фон Берг теперь ехала. Это ведь был Настасьин «Руссо-Балт» Макс Берестов полгода назад подарил одинаковые электрокары своему отцу и своей невесте. На большее фантазии у него, как видно не хватило. Гений по части науки, в житейских вопросах он бывал таким профаном, что Ирма даже удивлялась: как вышло, что он только теперь — не гораздо раньше — вляпался в ту гнусную историю, из которой его теперь предстояло вытаскивать ей самой вместе с Настасьей и Алексеем Федоровичем Берестовым.

Впрочем, если звонившая ей недавно женщина сказала правду, у Алексея Федоровича имелись сейчас и другие заботы.

4

Полковника вызвали к телефону, и Алексей Федорович мысленно вознес короткую молитовку о том, чтобы Ирма фон Берг успела *подхватить* Ольгу раньше, чем до неё доберутся героические сотрудники полиции. Впрочем, если Ольга Булгакова успела позвонить, всё остальное не должно было стать проблемой. На изобретательность барышни

фон Берг можно было рассчитывать при любых обстоятельствах.

Давеча, когда Ньютон понял, что происходит на крыше: какие именно перемены происходят с безликим, он уразумел и другое — каким будет продолжение этих перемен. И прямо на папке написал для Ольги короткую записку: *Бегите. На Пречистенке возле Храма Христа Спасителя вас заберет моя хорошая знакомая. Позвоните ей по телефону...*

Ньютон знал: это место легко отыщет даже Ирма фон Берг, которая Москву почти не знала. Когда они сегодня днем встретились — еще до того, как Ирма поехала к санаторию, — то твердо договорились: как действовать, если всё пойдет не по плану. Чего Ньютон в тот момент не мог предположить — так это того, что в этой истории всплывет дурацкий герр Асс. И что на него самого, Алексея Берестова, наденут наручники.

Если бы Ньютон догадывался об этом, то он, вероятно, сумел бы просчитать возможные последствия. Хотя — может, и не сумел бы. Драматурги, которые были авторами разыгранной в Первопрестольном граде пьесы, были слишком уж хитроумны. И слишком многое поставили на карту, чтобы позволить кому бы то ни было разгадывать свои планы — без их собственного на то изволения.

5

Не то, чтобы Ольга Андреевна Булгакова бегала плохо, нет: легкая и длинноногая, она даже в зимнем пальто бежала весьма и весьма бодро. Однако уйти на прямой дистанции от преследовавшего её электрокара было ей явно не под силу. И сама она это прекрасно понимала.

Она свернула сначала на Остоженку, рассчитывая, что там дорожное движение, не затихавшее даже ночью, задержит преследователей. Однако это не помогло: «рено» продолжал двигаться вперед, словно все прочие машины по собственной воле уступали ему дорогу. Так что Ольга, недолго думая, свернула в один из переулков, расположенных между Остоженкой и Пречистенской набережной. И, выбрав первую попавшуюся темную подворотню, нырнула в неё.

Едва освещенный единственным фонарем дворик — длинный, чуть ли не как поезд дальнего следования, — переходил в еще один: имевший вид уже прямо-таки исторический. Выглядел он так, будто сохранился в неизменном виде, по меньшей мере, со времен отстройки после пожара 1812 года. Ольга Булгакова прожила в Москве всю жизнь и не без оснований считала, что знает город хорошо. Особенно — район Пречистенки: одно из самых любимых в Москве мест Михаила Афанасьевича Булгакова. Однако она не только ни разу не бывала здесь, но даже и вообразить себе не могла, что такие «реликтовые» места еще сохранились в самом центре российской столицы.

Ольга слышала за спиной звук мотора: «рено» свернул за ней в подворотню, но теперь это уже не слишком беспокоило её. Конфигурация пространства, где она очутилась, едва-едва позволяла ей самой худо-бедно маневрировать. А уж о том, что по извилистым закоулкам, образуемым глухими стенами с облупившейся штукатуркой, сможет проехать электрокар, и речи быть не могло. Ольга молилась только, чтобы спасительный дворик не завершился тупиком и не оказался бы архитектурной ловушкой, спроектированной каким-нибудь шутником, жившим века два или три назад.

Между тем рокот мотора внезапно затих — как будто его отрезало ножом, и никаких звуков, свидетельствующих о преследовании, Ольга не слышала. Ни топот ног, ни звуки

голосов не доносились до неё — что, конечно же, можно было бы списать на крайнюю осторожность Ольгиных преследователей, не желавших выдавать своего местоположения.

Ольга заозиралась в полумраке и с некоторым беспокойством подумала, что с момента, как она свернула в странный двор, ей на глаза не попало ни одного освещенного окна. Конечно, был уже третий час ночи, но всегда ведь находятся люди, которым не спится по ночам. Но Ольга Булгакова видела только темные стекла в окошках — поблескивавшие в свете тусклых дворовых фонарей. И она отчего-то была уверена: деревянные рамы в окошках этих не меняли лет уже этак сто пятьдесят.

Ольга даже не пошла — снова побежала: в ту сторону, где, согласно её внутреннему компасу, должна была пролегать Пречистенка. И тут снова услышала шуршанье колес по мостовой: оно доносилось из-за угла очередной подворотни. Ольга повернула голову в ту сторону, однако разглядеть ничего не успела.

Рядом с ней — на низком первом этаже одного из старинных домов — распахнулись обе рамы темного окна. И в тот же миг Ольгу схватили с двух стороны — за подмышки — чьи-то руки и потянули через подоконник внутрь.

6

Молоденький сотрудник полиции с автоматической винтовкой Мосина даже не пошевелился, когда на пороге *кризисного центра* возникли четверо мужчин. Мало того: Ньютон увидел, как на губах юноши промелькнула тень улыбки — он явно был чем-то очень доволен. Как если бы узнал, что вся эта крайне неприятная ситуация вот-вот разрешится.

— Рады вас видеть в добром здравии, Алексей Федорович, — обратился к Ньютону один из вошедших. — А то уж нас напугали: сказали, что ваши документы нашли брошенными на улице. И что горожане могли вас... в порыве гнева... — Он улыбнулся, делая жест рукой — обводя ею свою шею; однако при этой шутке глаза его оставались совершенно серьезными.

Ньютон, поднявшийся со стула при первых его словах, протянул к нему обе руки — для пожатия; но вошедший понял его иначе. У него в руках тотчас возникли откуда-то специальные кусачки, которыми он мгновенно перерезал пластиковую ленту наручников.

— Это еще что такое? — услышал Ньютон у себя за спиной голос возвратившегося полковника полиции и понадеялся только, что тот не выхватит сдуру пистолет — в противном случае участь его была бы незавидной; эти люди — пришедшие за ним, Алексеем Берестовым, — крайне болезненно воспринимали любые угрозы в свой адрес. — Ваши документы!

Алексей Федорович чуть обернулся и выдохнул с облегчением: даже солдафону-полковнику было, как видно, ясно, что кого попало не пропустили бы сюда. И оружия он не вытащил.

— Объединенная служба безопасности Евразийской конфедерации. — Мужчина, освободивший руки Ньютона, передал кусачки одному из тех, кто вошел в кризисный центр вместе с ним, а затем полез во внутренний карман своего пиджака.

Зимней одежды на нем не было: четверка визитеров тоже наверняка прибыла сюда на электрокоптере. Мужчина вытащил не только свое служебное удостоверение, но и пластиковую карточку «Законов Ньютона». Одной рукой он передал её Алексею Берестову и одновременно показал полковнику — держа в другой руке — свое служебное удостоверение:

с щитом и мечом на темно-красной обложке.

— С этого момента, — проговорил владелец красной книжицы, — руководство операцией принимает на себя ОСБ.

— Но его сообщница... — попробовал было заикнуться полковник полиции.

— Мы знаем, о ком вы говорите. И знаем о том предмете, который вы подложили ей в сумку. — Сотрудник ОСБ спрятал удостоверение с щитом и мечом, а затем обратился к одному из своих подчиненных — который держал в руках небольшой компьютер-планшет: один из тех гаджетов, которыми вроде как перестали пользоваться в эпоху информационной инволюции. — Что там по Ольге Булгаковой?

— Судя по датчику GPS, — компьютерщик сверился со своим планшетом, — она сейчас находится на Пречистенке — в архитектурном заповеднике, принадлежащем корпорации «Перерождение».

— Больше вам скажу, — подал голос молодой полицейский с автоматической винтовкой Мосина; и тому, что он заговорил, удивился только полицейский полковник. — Ольгу Андреевну Булгакову должны были задержать на Пречистенке еще пятнадцать минут назад. И поехали за ней вовсе не сотрудники ГУВД.

Глава 14. Господин Ф

7 января 2087 года

1

Сотрудник ОСБ, только что вернувший Ньютону отобранную у него патрульным полицейским карточку-удостоверение, шагнул вперед. И на сей раз вместо документов он извлек из пиджачного кармана другие — в точности такие, какие он только что снял с Ньютона, — пластиковые наручники.

— Вы арестованы, полковник Хрусталеv! — бросил он. — По личному распоряжению Эф,

И одних только этих слов — без произнесенного обвинения, без предъявления ордера, — оказалось достаточно, чтобы на лице полковника полиции появилось такое выражение, будто его ударили под дых. Кто такой был господин Ф. — знали все до единого сотрудники правоохранительных органов Евразийской конфедерации. Равно как никто — ну, или почти никто, — не знал подлинного имени этого человека. Литерой *Ф.* принято было обозначать всех без исключения руководителей Объединенной службы безопасности ЕАК — по традиции, позаимствованной у британской службы МИ-6, главу которой обозначали одной-единственной буквой: *М.* Руководитель ОСБ стал именоваться «Ф.» с самого момента создания Объединенной службы безопасности, которую учредили почти одновременно с Евразийской конфедерацией — в 2045 году.

Именно тогда — в тот год, когда вся Европа отмечала столетие победы над фашистской Германией, — произошло и еще одно, почти невероятное событие. Англичане, всегда отличавшиеся крайним прагматизмом (которые злые языки отчего-то именовали *коварством*), отвернулись от своего исконного союзника — Соединенных Штатов Америки, чья экономика лежала в руинах. И обратили свои взоры на восток. Туманный Альбион (или *коварный Альбион* — это уж кому как больше нравится) умел видеть свою выгоду на десять ходов вперед. И, уж конечно, выгода его состояла не в том, чтобы сохранять союз с бесполезной для него, Альбиона, Америкой. А Россия, игравшая, конечно же, первую скрипку при создании ЕАК, не отказалась от союза с британцами. Быть может, потому, что хорошо знала поговорку: держи друзей близко, а врагов — еще ближе.

Но вот истинной причины, по которой глава ОСБ стал *господином Ф.*, знала только горстка самых осведомленных граждан ЕАК. Хотя некоторые умники на полном серьезе уверяли, что литера «Ф» была выбрана в честь первого советского чекиста — Феликса Дзержинского. Что, конечно же, не имело ничего общего с реальной действительностью. Во-первых, Дзержинский восстал бы из могилы, чтобы покарать тех, кто стал бы в честь него называть кого-то «господином». А, во-вторых, *Ф.* — это была первая буква фамилии, а не имени.

Дело состояло в том, что в 2045 году Объединенную службу безопасности возглавил человек, который являлся прямым потомком одной космополитической личности: швейцарца итальянского происхождения, появившегося на свет в обрусевшей семье и на территории Российской империи: в Тверской губернии, в 1891 году — в один год с Михаилом Булгаковым. Имя мальчика, вписанное в метрическое свидетельство, было:

Артуро Фраучи. Но впоследствии в большевистской ЧК его знали под псевдонимом *Артур Артузов*. Выдающийся контрразведчик, он стал в свое время еще и одним из основателей советской разведки. А в 1937 году получил за свои заслуги вместо награды пулю в Бутовском полигоне. В память о нем потомок Артура Христиановича и решил принять его исконную фамилию. Именно под ней он и возглавил ОСБ, став самым первым *господином Ф.*

2

Ольгу рванули вверх так резко и внезапно, что она собралась закричать лишь в тот момент, когда её уже до пояса втянули через подоконник в какое-то жарко натопленное помещение.

«Они ждали меня в засаде! — мелькнуло у неё в голове. — Но как же они успели?..»

И она уже набрала в грудь воздуха — вцепившись одновременно обеими руками в железный подоконник, холодный, как ледяное озеро Коцит в центре Дантова ада. Но тут рот ей зажала чья-то ладонь — маленькая, явно женская.

— Ради Бога, не кричите, — услышала Ольга у самого своего уха.

Она мгновенно узнала этот голос — в котором легчайшим намеком присутствовал немецкий акцент. Вот так же, должно быть, разговаривала когда-то императрица Екатерина Вторая. Ольга быстро, часто закивала — дескать, всё поняла. И барышня фон Берг, её недавняя телефонная собеседница, тут же руку от её губ отвела.

Ольгу снова потянули внутрь — и на сей раз она уже и сама помогла: оттолкнулась от подоконника. Так что уже через пару секунд оказалась в теплой тьме старинного дома, натопленного — Ольга в этом не сомневалась — при помощи изразцовой печи. Печной дух — жаркий и сухой — с центральным отоплением никак не спугаешь.

Ольга испугалась, что упадет на пол — на спину, когда её втянут внутрь. Но, когда невидимые руки опустили её, она ощутила у себя под спиной мягкий, толстый ковер. Тотчас же раздался протяжный сухой шелест — какой бывает, когда на окнах опускают жалюзи. А через пару секунд комната осветилась — но не электрическим светом: это загорелась старинная масляная лампа под стеклянным абажуром. Её держала в руках еще одна девушка — не Ирма фон Берг. И, поскольку кроме них троих в помещении никого не обнаружилось, Ольга поняла: эта особа и помогла Ирме втащить её внутрь. Выглядела она довольно хрупкой — казалась почти ребенком. Но, как видно, на деле была куда сильнее, чем это представлялось на первый взгляд.

Ольга Булгакова была, конечно же, удивлена тем, что произошло. Но удивлена меньше, чем она сама ожидала. Поскольку вторую девушку она тотчас узнала: видела её в нескольких телевизионных репортажах — где присутствовала также и барышня фон Берг. Эта прелестная юная брюнетка, которая стояла теперь с лампой, выступала одним из ключевых свидетелей обвинения на процессе по делу «Добрых пастырей»: организации, что поставила себе целью полное физическое истребление безликих.

— Настасья? — обратилась к ней Ольга. — Вас ведь так зовут? Я не ошиблась?

— Да, я — Настасья Рябова. — Юная брюнетка поставила свою лампу на резной треугольный столик красного дерева, притулившийся в углу комнаты. — И это я отыскала вас здесь. А сейчас мы должны проверить вашу одежду и сумку. Иначе та парочка тоже очень скоро зайвится сюда.

И тут, словно в ответ на её слова, из-за окна донеслись голоса. Так что Ольга, Ирма и Настасья как по команде устремились к окну и припали к узеньким зазорам, что имелись между планками жалюзи.

— Может, она в какую дверь забежала? — проговорил один из двоих мужчин в зимних подпальто, сверяясь с прибором, зажатым в руке.

— Мы же всё время видели её спину — когда б она успела забежать? Да и нет здесь никаких дверей... — пробурчал другой. — Полминуты назад была здесь, и вот — пропала... — И Ольга слышала в свой адрес несколько непечатных эпитетов.

— Das Miststück*, — пробормотала Ирма и, словно виновата перед Ольгой была она, в знак извинения вскинула раскрытую маленькую ладонь.

3

Ньютон испытывал непреложное чувство, что события в штаб-квартире ЕНК происходят слишком быстро. Гораздо быстрее, чем он готов был их воспринимать. А ведь он, Алексей Берестов, никогда себя к тугодумам не причислял!

Вот — на запястьях полковника Хрусталева сомкнулась в точности такая же пластиковая лента, которая только что стягивала руки самого Ньютона. И полицейский полковник — без единого слова протеста — плюхнулся на ресторанный стул, к которому его подтолкнули сотрудники ОСБ. А подчиненные самого полковника — которые, хоть и с другого конца ресторанного зала, но наверняка заметили, что происходит — даже со своих мест не поднялись. Вот — человек, снявший наручники с Ньютона, принялся деловито обсуждать что-то с компьютерщиком, который сжимал в руках планшет. Вот — молодой человек в полицейской форме, вооруженный автоматической винтовкой Мосина, поспешно подошел к этим двоим. И явно принялся что-то им объяснять. А он, Алексей Берестов, хоть пытался вникнуть в смысл творящихся событий, но сделать это был не в состоянии.

Наконец, промаявшись минут пять — забытый всеми, — Алексей Федорович не вытерпел и подал голос:

— Послушайте, господа, — проговорил он почти что шепотом — с таким расчетом, чтобы его слова не долетели до полицейских, о чем-то совещающихся чуть поодаль за сдвинутыми столами, — я был бы вам признателен, если бы вы благоволили кое-что мне объяснить. — Когда Ньютон был не в своей тарелке, то всегда начинал говорить в духе имперского ренессанса.

К нему повернули головы и сотрудники ОСБ, и молодой человек в полицейской форме — который вряд ли в действительности состоял на службе именно в полиции. Но заговорили с Ньютоном не они. У себя за спиной он слышал голос полковника Хрусталева:

— Вы хотите узнать, наверное, — спросил он с неприятным смешком, — кого именно я отправил за вашей подругой?

— Ольга Андреевна мне не подруга. — Ньютон сам удивился тому, что испытал смущение, произнося эти слова; он даже остался сидеть к полковнику спиной — чтобы, чего доброго, не выдать себя выражением лица. — Но — да: я хотел бы узнать в том числе и это.

И на сей раз ему ответил мнимый полицейский с винтовкой Мосина — бросив перед тем быстрый взгляд на Ф. Тот коротко ему кивнул, явно разрешая говорить.

— Те двое, что отправились выслеживать госпожу Булгакову, — сказал молодой человек, — в действительности являются сотрудниками службы безопасности корпорации

«Перерождение». Не особенно высокопоставленными, впрочем. Их задачей было доставить женщину к господину Молодцову — тот хотел что-то у неё выяснить. Что именно — я не понял. Мне удалось услышать только часть телефонного разговора Молодцова и полковника Хрусталева.

— *Что* хотел господин Молодцов — это мы скоро узнаем, — заверил его руководитель группы ОСБ, после чего обратился к Ньютону: — Так о чем еще вы хотели спросить, Алексей Федорович?

— Что, простите? — Ньютон был так ошарашен услышанным, что не сразу уразумел, о чем речь.

— Вы сказали, что хотите спросить *в том числе* о том, кто оправился за госпожой Булгаковой? А о чем еще?

И Ньютон уже открыл было рот, чтобы задать свой вопрос. Но потом покрутил головой, рассмеялся.

— Мне было интересно, каким образом господин Ф. сумел так быстро узнать о деяниях полковника, чтобы распорядиться насчет его ареста. Но, я полагаю, всё и так уже понятно.

4

Настасья считала, что им с Ирмой крупно повезло — что они сумели найти Ольгу раньше, чем это удалось сделать её преследователям. Когда полчаса назад Настасья позвонила Ирме на мобильный телефон, то поняла: к Ольге Булгаковой они могут опоздать.

К тому моменту Настасья уже вышла из Храма Христа Спасителя, где завершилось праздничное богослужение — и где вместе с ней находился и её отец, трансмутировавший в Дениса Молодцова. Отец категорически отказался отпускать Настасью на церковную службу одну — пошел с нею вместе. И только благодаря этому девушка узнала — по чистой случайности — то, о чем отец сообщать ей отнюдь не собирался.

В самом конце литургии у него вдруг завибрировал в кармане мобильник: Настасья стояла к отцу вплотную и не могла этого не ощутить. Филипп Рябов украдкой вытянул запрещенный гаджет из кармана, коротко глянул на дисплей — а затем быстро сбросил вызов. После чего шепнул Настасье в самое ухо: «Я вернусь через минуту». И стал пробираться к выходу сквозь людское море, наполнившее Храм. Ни при каком раскладе Филипп Рябов не стал бы разговаривать по мобильному телефону при свидетелях. И, едва он повернулся к своей дочери спиной, как та мгновенно устремилась за ним следом.

Если бы *профессор* — как всегда именовал его Макс — обернулся, то столкнулся бы с Настасьей нос к носу: она буквально шла за ним по пятам. Однако он ни разу не повернул головы — явно очень спешил переговорить с человеком, чей звонок он сбросил.

Конечно, Настасье ни за что не удалось бы остаться незамеченной, если бы её отца сопровождали охранники: двое мужчин в полупальто одинакового фасона, один — в черном, другой — в темно-синем. Но эту парочку Филипп Рябов отрядил по какому-то делу, когда они все четверо подъехали к Храму Христа Спасителя на черном «Рено-Альянсе». Настасья откровенно удивилась, когда этот электрокар — отнюдь не премиум-класса — забирал их с отцом от «Ленинградской», чтобы доставить на Пречистенку. Но, как видно, у Филиппа Рябова имелись резоны ездить именно на такой машине: он явно не желал привлекать внимание к своей персоне.

И вот теперь он вышел из дверей Храма в полном одиночестве. И, по счастью, не стал

отходить от них далеко: остановился сразу за порогом. Так что Настасья, укрывшаяся за одной из двойных храмовых дверей, расслышала каждое слово, когда её отец набрал номер на мобильнике и заговорил.

— Да, это мой человек, — сказал он кому-то (Настасья не сомневалась: одному из двух секьюрити, отправленных с поручением). — Его словам верить можно.

Его телефонный собеседник явно задал новый вопрос, и Филипп Рябов ответил ему:

— Нужно её отыскать — благо, это будет нетрудно. Я и сам сейчас здесь, неподалеку. Да вы и сами это знаете. Отследите её и доставьте ко мне. Я вызову машину для дочери, а сам буду вас ждать возле наземного вестибюля метро.

Он дал отбой и тут же стал звонить по другому номеру. Что тоже можно было считать большой удачей: пока он вызывал другой электрокар, Настасья успела вернуться на прежнее место в Храме — туда, где отец её оставил. А когда Филипп Рябов снова встал с нею рядом, Настасье оставалось только руку протянуть, чтобы вытащить мобильный телефон у него из кармана.

Как она и рассчитывала, её отец пропажи не заметил: привычки проверять содержимое своих карманов за ним никогда не водилось. Невзирая даже на его прошлое секретного агента.

Настасья отъехала от Храма на еще одном «Рено-Альянсе», на сей раз — белого цвета. А когда убедилась, что не ошиблась и телефон её отца фиксирует перемещения некоего отслеживающего устройства, то просто попросила водителя остановить машину.

— Я выйду на одну минуту! — сказала она.

Шофер остановил электрокар с крайней неохотой и предупредил:

— Если через минуту вы, барышня, не вернетесь, я должен буду позвонить господину Молодцову!

— Хорошо! — мгновенно согласилась Настасья.

И потом, когда она отслеживала перемещения Ольги при помощи отцовского мобильника, гаджет раз десять принимался вибрировать у неё в руках.

По счастью — удача и тут оказалась на стороне дочери Филиппа Рябова — Пречистенка была тем районом Москвы, который девушка успела неплохо изучить. Именно здесь — в бывшем *Чертолье* — располагался квартал, выкупленный корпорацией «Перерождение» под архитектурно-исторический заповедник. Корпорация обустроила там всё в стиле, более всего соответствовавшем эпохе царствования императора Александра Первого. Горожанам открыли в заповедник свободный доступ, а Макс и его отец несколько раз водили туда Настасью на экскурсии.

И попутно Алексей Федорович объяснил ей, как можно проникнуть в любое здание заповедника без ключа. Замки на дверях только выглядели старинными — такими ржавыми амбарными громадинами. На самом деле внутри каждого из них пряталось электронное устройство с крохотной клавиатурой. Код для этих устройств был длинным и сложным, но зато — универсальным: отпирал все замки. И отец Макса сообщил его Настасье — на всякий случай. Он-то его, уж конечно, знал: все эти замки были продукцией «Законов Ньютона».

— Вы и есть господин Ф., — сказал Ньютон; это не был вопрос.

Человек, недавно освободивший его от пластиковых наручников, взметнул брови.

— Что же навело вас на такую мысль? — воскликнул он.

И тут же — словно только этого момента они и ждали — из-за сдвинутых столиков поднялись все до одного сотрудники полиции. Ровным шагом — чуть ли не шеренгой — они стали подходить к господину Ф., чье инкогнито было раскрыто. А когда подошли все, вперед выступил высокий полицейский в форме майора.

— Мы получили указание исполнять ваши приказы, — сказал он. — Однако желали бы получить разъяснения. Формально полковника Хрусталева никто от руководства операцией не отстранял.

— Половник Хрусталев, — сказал человек, только что изумившийся заявлению Ньютона, — ловко водил всех за нос. Но, если бы ни господин Ф., никто, быть может, ни о чем таком и не догадался бы.

— Что это вы, милостивый государь, о себе в третьем лице говорите? — Ньютон изобразил усмешку. — Может, хватит уже наводить тень на плетень.

И тут раздался голос — юношеский, звонкий и свежий:

— Вы, господа, все не по адресу обращаетесь. Позвольте отрекомендоваться: господин Ф. — перед вами.

Все разом повернулись к молодому человеку, который закинул автоматическую винтовку Мосина за плечо и держал теперь в правой руке, на уровне пояса, золотой значок, на котором выступали рельефом щит и меч. Ньютон изумился было, но тут же сам себя мысленно поднял на смех. Ведь и его Максимка выглядел сейчас как восемнадцатилетний юноша!

А подлинный господин Ф. тем временем пристегнул значок к поясу полицейской формы и проговорил — словно продолжая прерванную беседу:

— Я, конечно же, всё вам разъясню — однако позже. А сейчас мы с господином Берестовым должны подняться на крышу. Я знаю, кто на самом деле тот человек с плакатом. И знаю, чего он хочет.

* Отвратительная личность (нем.)

Подворотня, в которую задувала поземка, вывела Настасью, Ирму и Ольгу в Лопухинский переулок, где был припаркован ярко-красный «Руссо-Балт». А всего в нескольких метрах позади него стоял — развернутый в противоположную сторону — черный «Рено-Альянс». Возле него, однако, не было видно двух мужчин в одинаковых зимних кепках. И Настасья рассчитывала, что эти двое теперь нескоро вернуться к своему электрокару. Когда она вместе с Ирмой и Ольгой Андреевной покидала жарко натопленную квартиру в старинном доме, на полу остался лежать раздавленный Настасьей крохотный радиомаячок. Его Настасья обнаружила в маленьком внутреннем кармашке Ольгиной сумки: такие кармашки прежде предназначались для мобильных телефонов.

Ирма отперла машину — ключ-брелок был у неё. Однако села она не на место водителя, а не переднее пассажирское сиденье. Потом глянула на Ольгу и выговорила чуть насмешливо — со своим едва заметным немецким акцентом:

— Прошу вас за руль, сударыня! Вы знаете город куда лучше, чем я и моя подруга. А нам нужно поскорее убраться отсюда.

Медленно, будто нехотя, Ольга опустилась на водительское сиденье «Руссо-Балта».

— Может быть, — госпожа Булгакова глянула на Настасью, — лучше вы поведете? Всё-таки это ваша машина! А я, признаться, давно не садилась за руль.

Но Настасья только мотнула головой. Она ощущала себя настолько взвинченной, что не решалась сама вести «Руссо-Балт» — хоть это и был её электрокар: подарок Макса. Но в Максе-то и было всё дело! Настасья не могла перестать думать о том, в какой степени именно она была повинна в том, что происходило сейчас с её женихом. «Бывшим женихом», — поправила она себя мысленно. Но тут же наотрез отказалась эту поправку — с не меньшей категоричностью, чем только что отказалась сесть за руль.

Так что — хотела того Ольга Булгакова или нет, а вести красный «Руссо-Балт» пришлось ей. Она вырулила с Остоженки на Пречистенку и направила электрокар в сторону Зубовского бульвара. А Настасья Рябова расположилась за её спиной на заднем сиденье.

— Пожалуйста, поезжайте на Комсомольскую площадь, — попросила она Ольгу Андреевну. — Я должна забрать из «Ленинградской» Гастона — своего пса. Ну, то есть — он пёс моего жениха, хотя и мой тоже. А потом мы все вместе поедem к штаб-квартире ЕНК.

Вот только — никуда они не поехали. Не зря Ольга Булгакова их предостерегала: предупреждала о своих утраченных водительских навыках. Да и начавшаяся метель, наверное, сыграла свою роль в том, что произошло далее. Но — Настасья чуть позже решила: это была расплата за её малодушие. Целиком и полностью её, Настасьи Рябовой, вина.

Макс понимал: если он не решит свою проблему прямо сейчас, немедленно, то потом ему уже не представится шанса её решить. А если и представится, он непоправимо опоздает. Сейчас был тот самый момент, который он просто не имел права упустить.

Ангар, куда его привели, выглядел так, будто им никто не пользовался те пять с лишним

лет, что прошли с момента, как директор зоопарка и его поделница приволокли сюда целый класс приготовленных на заклятие детей. Кое-где Макс видел даже обрывки ленты, которой огораживают место преступления. Их так и не убрали с осени 2081 года. Что было и понятно: ангар не принадлежал зоопарку, у него имелся сторонний собственник. И этот человек явно не жаждал производить генеральную уборку в помещении, которое совершили *такое*.

«Как же его звали — того, кому этот ангар принадлежал?» — попытался вспомнить Макс. Ему отчего-то представилось, что это чрезвычайно важно. И ведь главное — когда-то он, доктор Берестов, знал фамилию того человека! Он читал отчет следователей о событиях, в результате которых перестал существовать класс Сашки Герасимова. Причем читал его дважды. В первый раз — вскоре после всего случившегося, в ноябре 2081 года. И второй раз — совсем недавно: перед тем, как он приступил к беседам с Сашкой. А теперь Макса, который всегда гордился своей памятью, будто переключило. Всё, что он мог припомнить — так это то, что фамилия владельца ангара была какая-то *стеклянная*. И еще: что она каким-то боком связывала его не с кем-нибудь, а с генералиссимусом Сталиным.

«Хватит, прекрати! — велел себе Макс. — Еще Фрейд описывал феномен — что чаще всего забываются имена собственные. Вот и ты — забыл. Чем ты лучше остальных? Думай лучше о том, как тебе отсюда свалить — да поскорее, пока не стало совсем поздно!»

Но в том-то и состояла проблема: никаких путей к бегству Макс не видел, хоть убей.

Да, его сейчас де-факто никто не охранял. Никто из соратников герра Асса даже особого внимания на него не обращал. Все были поглощены собственными делами, о конечной цели которых Макс даже думать не хотел. А пациент Макса — этот самый Асс — наконец-то уснул под воздействием седативных препаратов. Причем спал он на койке, которая находилась в самом настоящем медицинском боксе: кто-то (*человеко стеклянной фамилией?*) ухитрился оборудовать такой в этом трижды проклятом ангаре. Поначалу, пока здесь не зажгли свет, Макс счел это помещение чем-то вроде кладовки, насквозь пропахшей антисептиками. И лишь тогда, когда по периметру потолка засияли галогенные лампы, понял свою ошибку.

Дезинфицированный медицинский бокс представлял собой куб из пуленепробиваемого стекла с ребром примерно в четыре метра. Установили его ближе к торцевой части ангара — той, в которой находилась входная дверь. Но — это ровным счетом ничего Макс не давало. Если бы дверь располагалась где-нибудь в параллельной вселенной — это было бы то же самое.

Люди, оставившие доктора Берестова следить за состоянием своего босса, не просто заперли кубическую мини-тюрьму снаружи на электронный замок. Этого им явно показалось недостаточно. Они еще и защелкнули на правой лодыжке своего пленника широкий браслет. И не для отслеживания его передвижений.

— Если вы, доктор, попытаетесь выйти за пределы бокса, — с безукоризненной вежливостью предупредил Макса тот, кто одарил его этим украшением, — в браслете сработает датчик. И приведет в действие устройство, благодаря которому у вас станет на одну ступню меньше.

— А вы не боитесь, — спросил Макс — сам удивляясь тому, насколько ровно звучит его голос, — что от взрыва и ваш командир может пострадать?

— А кто говорил про взрыв? — собеседник Макса вздернул брови. — В ваш браслет вмонтирована хирургическая лазерная пила. Она всё сделает моментально: чик — и нет

ноги. Вы даже кровью не истечете: рана будет сразу же прижжена. Хотя — что я вам-то об этом рассказываю? Вы же доктор, сами всё знаете. А ваши врачебные обязанности вы вполне сможете исполнять и с одной ступней.

С тем он и ушел — и дверь вентилируемого медицинского бокса с шипением захлопнулась за ним.

Макс понятия не имел, блефовал этот негодяй или нет — когда говорил про лазерную пилу в ножном браслете. Зато кое-что другое не вызывало у него, доктора Берестова, никаких сомнений. Герр Асс отдал совершенно определенное приказание — прежде чем отключился, усыпленный обезболивающими препаратами. Причем до момента, когда это приказание должно было быть исполнено, оставалось чуть больше двух часов. И Макс никак не мог допустить, чтобы этот момент застал его здесь — пленником. Независимо от того, солгал подручный пресловутого Асса или сказал правду.

3

Ольга Булгакова заметила человека, выскочившего на проезжую часть перед красным «Руссо-Балтом», не в самый последний момент. И успела даже ударить по тормозам. Но — всё-таки заметила она его слишком поздно, чтобы не допустить столкновения. Тормоза завизжали, покрышки электрокара юзом заскребли по мостовой, а за спиной у Ольги кто-то издал возглас ужаса — то ли Ирма, то ли Настасья. А в следующую секунду бампер «Руссо-Балта» ударил по ногам высокого красивого мужчины в кашемировом пальто. И тот повалился на капот машины — широко раскинув руки. Однако на капоте не удержался и скатился наземь раньше, чем на устах одной из Ольгиных спутниц успел стихнуть крик.

— Ох, нет! — Теперь Ольга точно идентифицировала голос Настасьи. — Только не это! Зачем, ну, зачем?..

И юная брюнетка распахнула заднюю дверцу электрокара.

Если бы она сразу выскочила из машины, то прямо тут для неё всё и закончилось бы — раз и навсегда. Однако Настасья чуть замешкалась — чтобы освободиться от ремня безопасности. И это спасло ей жизнь: не позволило угодить под колеса «Рено-Алтыанса», который вылетел прямо из-за «Руссо-Балта». Снег успел облепить его черный корпус — как если бы на него опрокинули емкость со сладкой ватой.

— Да как же они нашли нас так быстро? — изумилась Ирма, которая тоже заметила преследователей и успела схватить Настасью за плечо — удержать её в салоне машины. — Ведь мы же...

Не слушая Ирму, Настасья крутанула плечом, освобождаясь от её хватки. И тут же выскочила на проезжую часть бульвара.

«Повезло!» — успела подумать Ольга Булгакова. Да и вправду: Настасья не угодила под колеса «рено», который секундой ранее проскочил мимо их красного электрокара. А человек, которого Ольга сбила, скатился с капота на противоположную сторону: упал на пешеходный тротуар. Иначе пострадавшего, в дополнение ко всему прочему, еще переехала бы машина их преследователей.

Но уже в следующий миг Ольга уразумела: со своими мыслями о везении она сильно поспешила.

— Папа! — прокричала Настасья Рябова, бросаясь к сбитому мужчине. — Папочка, ты цел?..

И тут же Ольге сделалось ясно, каким образом люди в темных полупальто одинаково покроя настигли их так быстро. Черный «Рено-Альянс» замер у тротуарного бордюра, и эти клоуны, мгновенно выскочив из машины, устремились к лежащему человеку.

— Денис Михайлович! — на бегу прокричал один из них. — Мы приняли сигнал вашей тревожной кнопки! Только вот дозвониться вам не смогли...

Тон его был извиняющимся и даже заискивающим. Этот человек вел себя так, словно тот, к кому он обращался, просто прилег на тротуар отдохнуть.

Впрочем, эта парочка мгновенно будто на стеклянную стену налетела: они увидели, как к их шефу подскочила Настасья и опустилась рядом с ним на колени. А Ирма фон Берг тронула Ольгу за плечо и произнесла вполголоса:

— Сидите в машине, не выходите ни в коем случае. Здесь тонированные стекла — эти двое не смогут вас разглядеть. — И сама она при этих словах выбралась из салона «Руссо-Балта» и поспешила к Настасье.

Фары «Руссо-Балта» горели, да и бульвар сиял огнями рождественской иллюминации. Так что Ольга превосходно разглядела всё, что произошло дальше. А главное, «Руссо-Балт» снабдили внешними микрофонами, и сейчас они были включены. Так что Ольга Андреевна в дополнение к картинке получила и звуковое сопровождение.

Настасья Рябова склонилась над мужчиной, который бросился под колеса их машины, и попыталась взять его за запястье — явно намереваясь нащупать пульс. Ирме оставалось до неё еще шага два, а вот клоуны в зимних кепках и полупальто уже подошли к девушке вплотную.

И не похоже было, что всё, произошедшее далее, хоть сколько-нибудь их удивило или обескуражило.

Высокий мужчина в кашемировом пальто, который только что лежал на тротуаре, не проявляя признаков жизни, от Настасьиного прикосновения вскинулся так резко, словно егошибануло током. В руке у него что-то блеснуло стальным блеском — а в следующий миг мощные внешние микрофоны «Руссо-Балта» позволили Ольге расслышать короткий металлический щелчок. И почти синхронно с этим прозвучал приказной выкрик внезапно ожившего мужчины:

— Хватайте блондинку! Живо!

Только тут Ольга поняла, что случилось: этот самый Денис Михайлович наручниками пристегнул к своему левому запястью правую руку Настасьи.

— Ольга, уезжай! — крикнула Ирма и попыталась ударить ногой — каблуком-шпилькой на сапоге — по берцовой кости человека в кепке, который подскочил к ней первым.

Но — тот увернулся на удивление ловко. А его сотоварищ мгновенно заломил Ирме правую руку за спину.

Ольга успела еще услышать крик Настасьи:

— Прекратите сейчас же! Отпустите её!

А в следующий миг она уже рванула с места — задним ходом.

Макс в десятый раз оглядывал помещение, где его заперли. И ничего, кроме самых тривиальных предметов, не видел. Оснащенная диагностической аппаратурой койка, на

которой спал Герр Асс; маленький санитарный блок в углу; шкафчики с лекарствами и медицинским инструментарием; сумка-холодильник, какие используют для транспортировки донорских органов; большой телеэкран на одной из стен; стальной столик и два кресла на колесиках — вот и всё, что имелось здесь. И одному Богу было известно, каким образом это можно было использовать для побега.

Макс глянул на часы: до события, которое должно было произойти в штаб-квартире ЕНК, оставалось ровно два часа. Телевизор в медицинском боксе сейчас работал — с выключенным звуком. И на экране мелькали кадры ночного выпуска новостей — который транслировал этот самый ЕНК. Он вещал круглосуточно: новостные блоки выходили в эфир каждый час.

Макс краем глаза следил за субтитрами: «Единый новостной канал Евразийской конфедерации, в штаб-квартире которого продолжают работать эксперты ОСБ, полчаса назад посетил с визитом крупнейший представитель мировой бизнес-элиты. Его заявление наш канал эксклюзивно передаст в ближайшие минуты». Румяная телеведущая с кукольным личиком, явно взбодрившая себя парой литров черного кофе, бойко тараторила в прямом эфире. А потом взмахнула рукой, после чего на экране возникли кадры, при виде которых Макс вначале оторопел, и лишь пару секунд спустя заледенел от ужаса.

Камера запечатлела, как в здание ЕНК заходили пятеро визитеров. Впереди шел мужчина, которого Макс привык именовать профессором. И — как маленькую девочку — он держал за руку Настасью Рябову. Девушка с тревожной настойчивостью то и дело оглядывалась через плечо — и не без причин. Следом за ней и её отцом — шагах в трех-четырёх позади них — следовали двое субъектов, почти одинаково одетых. А между ними, с двух сторон удерживаемая ими под руки, вышагивала на высоких каблуках Ирма фон Берг. Её показывали отнюдь не крупным планом, и всё равно — Макс без труда прочел на её лице выражение ярости и недоумения. Красавица-блондинка что-то говорила — возможно, даже кричала. Но по артикуляции Макс сумел разобрать лишь одно немецкое слово: *der Hochstapler* *.

Максим Берестов отвел взгляд от телеэкрана — и посмотрел на сумку-холодильник. А потом опустился в одно из кресел на колесиках и проверил, сможет ли он катить его, используя только одну — левую — ногу. Оказалось — сможет. И у него, доктора Берестова, сделалось так муторно на душе, как не было уже много лет. Пожалуй что — с того самого момента, когда он в октябре 2081 года узнал о *недобровольной экстракции* полнокомплектного класса московских школьников.

Макс затейливо выматерился: сперва мысленно, потом — полупшепотом. После чего подвернул брючину на правой ноге и снял носок — чтобы он под надетый браслет не попадал. И, не утерпев, прибавил — по примеру барышни фон Берг — еще и немецкое ругательство:

— Der Blödser... **

Имел он в виду, конечно же, самого себя.

Ньютон уже поднялся с места — идти на крышу вместе с новоявленным господином Ф. и его клеветами. Однако их остановил возглас полковника Хрусталева — который услышал, как господин Ф. говорит о том, что знает, каковы цели трансмутанта с плакатом.

— О чем это вы? — изумился новоиспеченный арестант — вроде как самым искренним образом. — У этого бедолаги не было никакой цели. Он должен был просто отвлекать внимание.

И Ньютон решил: Хрусталева, может быть, и не лжет. Но вот у главы ОСБ явно было не сей счет иное мнение.

— Да вот об этом я говорю! — Господин Ф. вытащил из кармана и бросил на стол пачку фотографий.

Они тотчас рассыпались веером, и Ньютон подумал: глава ОСБ нарочно метнул их на стол с силой, чтобы добиться именно такого эффекта. На снимках запечатлен был подернутый ржавчиной ангар со скругленной крышей; Ньютон мгновенно узнал его — так и впился в него взглядом. А возле полузаброшенного строения стояли, явно — беседуя, двое мужчин.

— Этот герр Асс — он вам кто? — обратился господин Ф. к полковнику Хрусталева. — Сват, брат? С какой стати вы предоставили ему в распоряжение свою недвижимое имущество?

Глаза у полицейского полковника широко раскрылись.

— Так вы всё знали с самого начала... — произнес он ошарашено.

Это был тот самый человек, чью *стеклянную* фамилию Максим Берестов всё никак не мог вспомнить. А ведь субъект, которому полковник полиции приходился однофамильцем — Иван Васильевич Хрусталева — был и вовсе легендарная личность! *Прикрепленный* Хрусталева — охранник Сталина, якобы отравивший его по поручению Лаврентия Берии, — мог бы даже приходиться полицейскому полковнику дальним родственником. Но того это вряд ли сейчас волновало. Он поглядел на фотографии, потом перевел взгляд на господина Ф.:

— Этот человек мне никто! Если хотите, можете это проверить.

— Проверим! — пообещал ему юноша с автоматической винтовкой Мосина, оказавшийся руководителем ОСБ. — В любом случае, ваш не-родственник сейчас выбыл из игры.

— Но что же за цель была у того — с плакатом? — спросил Ньютон. — И кто он такой?

Ему хотелось спросить совсем о другом. Но он знал наверняка: в этой истории все ответы — части одного паззла.

Господин Ф. хмыкнул:

— Вопрос даже не в том, кто *он*. Интереснее всего — кто обеспечил ему новую внешность и доставил сюда. Ну, а если уж вам так интересно, Алексей Федорович, то имя этого *одиночного пикетчика* с плакатом вам хорошо известно. Да и не вам одному.

Господин Ф. поглядел Хрусталева длинным взглядом, и тот переменялся в лице — его явно посетила некая догадка. Заподозрил правду и Ньютон. Даже воздуху уже в грудь набрал, чтобы высказать свои подозрения вслух. Но тут раздалось характерное прерывистое гудение, сопровождаемое вибрацией: во внутреннем кармане полицейской формы господина Ф. стал подавать сигнал вызова мобильный телефон.

Мнимый юноша недовольно поморщился, однако тут же выхватил мобильник, коротко бросил:

— Говорите!

И целую минуту после этого он слушал, не перебивая, своего собеседника. Лишь в самом конце уточнил:

— Он хочет сделать свое заявление немедленно? Вы не предложили ему дожидаться, пока разрешится ситуация с трансмутантом на крыше? Что, простите? Наотрез?

Он слушал еще с полминуты, потом произнес одноединственное слово: «Ждите!», и повернулся к Ньютону.

— Похоже, Алексей Федорович, — сказал мнимый юноша, — нам предстоит встреча с вашими будущими родственниками.

— Настасья здесь? — изумился Берестов-старший.

— И не одна. Только, уж пожалуйста, не трудитесь изображать изумление. — Господин Ф. кисло улыбнулся. — Той организации, которую я представляю, доподлинно известно, кто такой на самом деле Денис Михайлович Молодцов.

«А вот в этом я сомневаюсь, — подумал Ньютон. — Если даже вы, умники, знаете, что он — это Филипп Рябов, то черта с два вам известно, кто он *на самом деле*».

Но вслух он сказал другое — задал резонный вопрос:

— Вы и в самом деле считаете, что встреча с господином Молодцовым сейчас — главный приоритет? А как же тот человек на крыше? Вы что-то говорили о том, что вам известны его намерения. И как я понял, они отнюдь не безобидны.

Господин Ф. глянул на часы и снова поморщился.

— Вы правы, — проговорил он. — Время уходит. У нас — меньше двух часов в запасе. Однако если мы прямо сейчас не решим все наши вопросы с «Перерождением», предотвратить катастрофу нам не удастся.

У Ньютона даже в боку заняло от дурных предчувствий.

— И где же эта катастрофа произойдет? Прямо здесь? — Он шагнул к господину Ф. и с трудом подавил желание схватить его за отвороты формы и хорошенько встряхнуть. — Тогда почему вы не начинаете эвакуацию людей отсюда? И почему вы не пошлете людей в тот ангар? Уверен: Максим сейчас там. Как и этот герр Асс — вышел он из игры или нет, мне плевать с высокой колокольни. Вы ведь обязаны его задержать, разве нет? И обязаны обеспечить безопасность моего сына, раз уж вы оказались главой службы *безопасности*!

Улыбка мнимого юноши перестала быть кислой и сделалась бесконечно печальной.

— Я не эвакуирую людей потому, — сказал он, — что здесь всё только *начнется*. А что касается ангара, то не будьте столь низкого мнения о моем ведомстве, Алексей Федорович. Ангар *уже* оцеплен сотрудниками ОСБ. И они получили приказ: открывать огонь на поражение по любому лицу, которое попытается выйти. А поскольку ваш сын — пленник, и покинуть помещение не может, его безопасность я вам гарантирую.

* Аферист, мошенник (нем.).

** Дурак, болван (нем.).

Глава 16. «Дворника ужокошили зря...»

7 января 2087 года

1

Марья Петровна Рябова (Маша — для мужа, отца и для дочери) узнала о том, что её муж и дочь вошли в здание ЕНК таким же способом, каким об этом узнал Максим Берестов. То есть — увидела на телеэкране своего мужа Фила, который пережил две трансмутации, входящего рука об руку с Настасьей в помпезную башню: здание Единого новостного канала. Но — Марья Петровна смотрела на экран куда пристальнее, чем Макс. Мысли с необходимости побега не отвлекали её и не сбивали с толку, как доктора Берестова. А потому она сумела разглядеть важнейшую деталь, доктором не замеченную.

И, разглядев её, она впала в ослепляющую ярость. Марье Петровне будто черным дымом глаза застило. Ей даже пришлось зажмуриться на несколько секунд, чтобы этот дымный полог отбросить. А ведь после реградации состояние ярости стало для дочери профессора Королева отнюдь не чем-то диковинным! Собственно, в этом состоянии она пребывала с того самого момента, как вернулась к человеческому существованию — приобретя лицо своей бывшей соседки по дому, Карины.

Но поначалу, сразу после пресловутой реградации, Марья Петровна эту свою ярость весьма успешно прятала. И даже честно пыталась побороть её. «Ну, подумаешь — дело какое! — говорила она себе с мысленной усмешечкой. — Тебе всего лишь придется до конца дней смотреть на чужую физиономию в зеркале. Разве ж это повод, чтобы изображать из себя фурию?»

Однако она с самого начала понимала, что дурит голову самой себе. Вовсе не новое лицо приводило её в бешенство. И даже не тот факт, что лицо это и вполнину не было так красиво, как её собственное — прежнее, утраченное навсегда. Со своей новой внешностью она могла бы смириться, и даже без особого труда. С чем она смириться не могла, так это с тем, что из её жизни пропали — не много, не мало: девять лет. У неё украли годы, когда подрастала её Настасья — и эта кража приводила Марию Рябову в бешенство. Но всё же, всё же...

Не могла она врать самой себе: хуже всего была даже не сама эта потеря. Хуже всего было то, что она испытала в самом конце потерянных девяти лет. В те бесконечные недели, когда она, выйдя из комы, с непреложной ясностью осознала, что стала безликой. А главное — она мгновенно припомнила, как и при каких обстоятельствах произошла её *недобровольная экстракция*. И какую роль во всем произошедшем сыграли её отец и её муж Фил.

А теперь он, её муж — даже *не* бывший! — приволок в штаб-квартиру ЕНК Настасью Приволок, словно собачонку — пристегнув её к себе наручниками. Их-то Марья Петровна и углядела на телеэкране. И еще — она увидела ту балтийскую барышню, Ирму фон Берг. Мария Рябова помнила её по прошлогодним процессам «Добрых пастырей». Как помнила и то, что Настасья говорила тогда: «Ирма — моя хорошая подруга». И эту Настасьину подругу какие-то амбалы тоже приволокли в штаб-квартиру медиа-гиганта.

Но черная пелена гнева и ярости, застлавшая Марье Петровне глаза, схлынула уже через

минуту. А еще раньше, чем это произошло, Настасьина мать принялась торопливо шарить руками по столу, за которым она сидела. Ей было точно известно: с краю на столе лежит толстенный том ин-фолио. Сброшюрованный еще в эпоху, когда компьютеры считались почти что экзотикой. И содержащий в себе подробнейшие планы всех подземных коммуникаций Москвы.

2

Александр Герасимов понятия не имел о том, какие визитеры решили наведаться посреди ночи в штаб-квартиру ЕНК. Но сам он шел пешком по заносимым снегом улицам в том же направлении, в каком незадолго до этого проехал черный «Рено-Альянс». Вьюга швыряла ему в лицо пригоршни мелкого, как толченое стекло, снега. И ветер пробивал насквозь и зимнюю куртку с капюшоном, и вязаную шерстяную шапку, так что Сашке казалось: он шагает по ледяному городу в одной только фланелевой рубашке, поверх которой он даже джемпер надеть не догадался. Хотя — в оправдание себе он мог бы сказать: когда утром он одевался перед выходом из дому, то совсем не планировал шастать по Москве в метель. У него такого и в мыслях не было.

А сейчас мысли у него в голове отчаянно путались и как бы наползали одна на другую. После реградации подобное происходило с ним часто. Он думал одновременно и о своей бывшей однокласснице Наташке, и об её отце, и о своих собственных родителях, которые, похоже, так и не признали его полностью, и о единственном по-настоящему близком ему человеке — сестре Надежде.

Но — самая неотвязная мысль была о негодяе, который обманул его, Сашку, самым невыносимым образом: о Максиме Берестове. Сашка до сих пор не мог принять как данность, что тот доктор — молодой человек с добрыми карими глазами — и есть виновник глобальной катастрофы, из-за которой погиб весь Сашкин класс. Да что там — его класс! Из-за которой погибла чуть ли не половина человечества. Но сейчас он, Александр Герасимов, не мог, хоть убей, заставить себя ненавидеть того молодого доктора. Не складывался у него в мозгу образ монстра — ну, что тут будешь делать?

Так что Сашка почти что обрадовался, когда мысль о докторе Берестове перебила другая, вернувшаяся по кругу: мысль о Петре Ивановиче Зуеве, который диковинным образом сумел улизнуть чуть ли не из самого охраняемого спецучреждения Москвы. Вот уж его-то Сашка и вправду ненавидел. Тут ему не требовалось накручивать себя и подогревать эту ненависть в себе, как с Максимом Берестовым. Собственно, именно желание добиться для Зуева справедливого воздаяния и подтолкнула Сашку к тому, чтобы идти сейчас сквозь метель.

Впрочем, изначально-то он ехал на метро. До того момента, как стал замечать на себе полные ужаса и неприязни взгляды других пассажиров. Поначалу Сашка никак не мог уразуметь, в чем причина этого. А когда до него дошло, наконец, в чем было дело, его успело уже узнать слишком много народу. И то, что он поспешно из метро выбрался и пошел пешком, вполне могло стать запоздалой мерой, которая уже ровным счетом ничего не решала. Однако после реградации приступы мнительности у Сашки порой случались буквально на пустом месте, а сейчас — он это ощущал ясно — основания для беспокойства имелись вполне всамделишные, не надуманные.

И всё-таки, когда Сашка, шагая по улице, услышал вдруг позади себя возглас: «Эй,

Седой! Тут люди поговорить с тобой хотят!», он не сразу сообразил, что обращаются именно к нему. Лишь когда раздалось: «Седой, я к тебе обращаюсь!», Сашку осенило: прежнего обладателя его внешности звали Сергеем Седовым! И его лицо знало невесть сколько народу — уж наверняка попытку ограбить склад «Перерождения» освещал не один только ЕНК!

Александр Герасимов оглянулся через плечо — не замедляя, впрочем, шага.

Его нагоняли двое мужиков. Возрастом они были примерно ровесниками Сергею Седову — и, стало быть, они были примерно вдвое старше, чем Сашка сейчас на самом деле. А если принимать во внимание, что пять лет своей жизни Сашка потерял — то и втрое старше. Их лица показались ему смутно знакомыми, хотя он никак не мог припомнить, где он видел этих людей прежде. И еще — Сашка был почему-то убежден, что их было не двое, а четверо.

Он ускорил шаг, убеждая себя, что при ночном освещении, даже — при праздничной иллюминации, он мог и обознаться. Про свою мнительность реграданта он хорошо помнил.

То, что он не обознался ни в малейшей степени, Сашка удостоверился, когда дорогу ему заступили еще двое крепких мужчин возрастом за тридцать. Их и вправду оказалось четверо. И Александр Герасимов вспомнил внезапно, откуда недобро лыбившиеся хари этой четверки ему знакомы.

3

Марья Петровна Рябова почти мгновенно раскрыла том ин-фолио именно на тех страницах, которые были ей нужны. Она и прежде изучала именно их — так что ей почти и не требовалось сверяться со старинными планами. Два месяца назад, когда Настасьина мать только разрабатывала свой нынешний *комплот* (она любила неоархаизмы), её эмиссару с удивительной легкостью удалось эти планы раздобыть. Том ин-фолио зарастал пылью в одном почти заброшенном библиотечном архиве. Да и кому, спрашивается, могли бы пригодиться столетней давности сведения о подземных коммуникациях Москвы?

Но — комплот Марии Рябовой как раз и был основан на том, чтобы захватить и использовать допотопную подземную инфраструктуру Первопрестольного града, которая еще сто лет назад считалась «законсервированной».

— Может быть, — осторожно осведомился эмиссар Марьи Петровны, когда узнал, что ему придется из архива выкрасть, — нам лучше поискать в Корпнете что-нибудь более актуальное?

Марья Петровна едва сдержала себя тогда, чтобы не вмазать умнику по физиономии. И не объяснить ему доходчиво, куда он может пойти со своими советами. После реградации приступы раздражительности накатывали на неё даже не ежедневно, а чуть ли не ежечасно. Но — услуги, которые оказывал «эмиссар», были для Марьи Петровны слишком уж ценны. И она сказала — почти без раздражения, вроде бы даже с иронией:

— Вы, сударь мой, поменьше умничайте — доверьтесь мне.

И он, этот её эмиссар, вынужден был признать впоследствии её, Марии Рябовой, правоту. Если бы они не знали наверняка, какие канализационные трубы остаются сухими уже более века, вряд ли они смогли бы перемещаться под городом с такой скоростью — и, можно даже сказать, с комфортом! Да, в старом коллекторе *попахивало* — но не более того. Разве это можно было сравнивать с чудовищной, вышибающей слезы из глаз, вонью, какую источали действующие системы канализации?

Вот в этом-то старом, пересохшем русле зловонных подземных рек Мария Рябова и устроила свой штаб — в который давеча её эмиссар и доставил Петра Ивановича Зуева. И где теперь сама она, склонившись над столом, в пятый или шестой раз старые планы проглядывала.

Благодаря этим планам она и её эмиссар и сумели прошлым вечером проникнуть в здание ЕНК. Где оставили — на крыше — своего *временно обезличенного* посланца с плакатом. Марья Петровна любила не только неоархаизмы — она еще и с юных лет питала склонность к театральным эффектам. И после реградации она этой склонности отнюдь не утратила. Так что она не поленилась: провела вначале недобровольную экстракцию для бывшего директора зоопарка, а потом устроила ему *отложенную* реградацию.

Последнее оказалось не так уж сложно сделать. Её *настоящий* отец, Петр Сергеевич Королев, экспериментировал когда-то с мозговыми экстрактами приматов, стремясь за счет дополнительных присадок замедлить процесс трансмутации. Но оказалось, что получить временной лаг между моментом введения экстракта в мозг реципиента и началом трансмутации — проще простого. Для этого достаточно было заморозить капсулу Берестова и держать её при температуре минус 18 градусов в течение суток. Широкого распространения этот *лайфхак* не получил — хотя профессор Королев даже опубликовал на эту тему статью в каком-то научном журнале. Но уж Марья-то Петровна об открытии своего отца прекрасно знала. Так что, исходя из целей своего комплота, она решила это открытие испытать на Зуеве. И, судя по репортажам телевизионщиков, пролонгированная реградация вполне удалась.

Как она и планировала, а появление безликого на крыше ЕНК отвлекло всеобщее внимание. Так что Мария Рябова и её помощник без препон покинули штаб-квартиру Единого новостного канала тем же путем, каким проникли туда.

А сейчас Марья Петровна проклинала себя за то, что не додумалась отыскать для себя укрытие — любое! — внутри здания-башни. И не дождалась там полной реализации своего комплота. Не сообразила даже оставить там своего эмиссара — дала ему другое задание. Как видно, реградация далеко не лучшим образом повлияла на её интеллект.

— Я идиотка! — Она с такой силой треснула кулаком по тому ин-фолио, что несколько калек с планами порвалось. — Я точно туда не успею! Только не под землей!. Да и поверху — не успею...

Она знала: выход у неё оставался только один. И ей срочно надо было позвонить — то есть, прямо сейчас покинуть свое подземное убежище, где мобильная связь — якобы не существующая — не работала.

4

Сашка закрутился на месте — заозирался. Но — ночная улица была пуста. Если не считать, конечно, самого Сашки и той четверки. Звать на помощь было некого. Хотя (Сашка сам удивился этой мысли) он и не стал бы никого звать, если б даже увидел поблизости припозднившихся прохожих.

Во-первых, вряд ли они стали бы помогать незнакомцу. Почти наверняка поспешили бы пройти мимо.

Во-вторых, Сашка не считал, что он вправе подвергать опасности людей, которые его даже не знают. И он понятия не имел, что задумали эти четверо, которые преследовали его

— явно еще от станции метро.

Ну, и в-третьих (*в-главных*, как мысленно уточнил для себя Сашка): он больше не был ребенком, который, чуть что, готов кинуться за помощью к взрослым. По крайней мере, внешне — не был. Да и внутри него после реградации что-то необратимо переменялось. И порой ему хотелось... Даже не так: порой он прямо-таки жаждал...

— Эй, ты! — снова крикнули ему. — Не прикидывайся, что нас не помнишь! Мы-то уж точно тебя не забыли.

И Сашка был уверен: тот не врет. Эти люди — все четверо — выступали в качестве потерпевшей стороны на процессе по делу Седова Сергея Сергеевича, чью внешность Сашка носил сейчас на себе, словно накрепко прилипший к его телу костюм. Родственники всех четверых являлись наемными работниками корпорации «Перерождение», при нападении на склад которой Седов и был пойман с поличным — вместе со своими поделщиками. И все четверо *перерожденцев* при том нападении погибли.

— Я — не *он*, — выговорил Сашка. — Вы и сами должны это понимать.

Однако собственный голос сыграл с ним недобрую шутку. После прогулки на ледяном ветру у Сашки буквально зуб на зуб не попадал. И даже для его собственного уха эти слова, произнесенные с жалкой дрожью, прозвучали фальшиво, как нота, извлеченная смычком из провисшей скрипичной струны.

Он успел еще прибавить:

— Вы же наверняка все были на его казни!.. — Выговорить политкорректное «на принудительной экстракции» Сашка со своими стучащими зубами не сумел бы.

И тут сзади на него обрушился чудовищной силы удар. Сашке показалось, что ему на голову вся упала занесенная снегом крыша соседнего пятиэтажного дома. Но бандитский череп снова не подкачал. Сашка упал на одно колено, и голову его наполнил адский гул, однако он даже не потерял сознания.

Он повернулся всем корпусом — посмотреть, кто именно напал на него. И едва успел увернуться от нового страшного удара: повалился набок, откатился в сторону. Его мощное, взрослое тело сделало это словно бы само — без всякой команды со стороны Сашки. А тот, кто хотел вторично ударить, сам не удержал равновесия. Его повело вперед, и он упал бы рядом Сашкой, если бы не выставил вперед предмет, который перед тем использовал как дубину.

Импровизированная дубина (один конец — тонкий, другой — утолщенный, как у бейсбольной биты) переломилась пополам при столкновении с тротуаром. И даже в своем полуобморочном состоянии Сашка испытал прилив удивления, когда понял, чем именно ударили его сзади: нападавший сжимал в руках обломок гигантской сосульки. Во времена Сашкиного детства такие срезали из-под московских крыш при помощи лазера. Но тогда их ледяные обломки сразу вывозили куда-то. А теперь, как видно, стали бросать прямо под стенами домов.

Всё это промелькнуло у Сашки в голове за доли секунды. Вот — он откатился в сторону, сумев избежать нового сокрушительного удара ледяной биты. А в следующий миг его уже саданул ножицей в незащищенный бок тот мужик, который давеча говорил, что его (в смысле — Сергея Седова) не забыли.

— Зря ты и твои дружки уколошили дворника на автостоянке «Перерождения», — выговорил он почти насмешливо. — Дворник-то был — мой дед!

И он снова взмахнул ногой — явно целя Сашке в висок.

Вот только — нанести удар он успел. В Сашкиной голове словно бы что-то перещелкнуло. И щелчка этого хватило. Да и немудрено: Сашка исподволь жаждал именно такого щелчка.

Он схватил обеими руками и рванул на себя ножищу в зимнем ботинке. Внук злосчастного дворника с размаху грянулся спиной на тротуар, затейливо выматерился и попытался вывернуться из Сашкиного захвата. И — да: Сашка его ногу выпустил. После чего с размаху двинул внуку дворника локтем в переносицу. Сашкина куртка отчасти смягчила удар — но всё равно послышался мерзкий хруст, а из носу нападавшего двумя густыми струями хлынула кровь.

Трое друзей, вместе с которыми внук дворника преследовал Сашку, при виде случившегося опешили — застыли на месте. И — бывший школьник Александр Герасимов вполне мог бы этот момент использовать, чтобы дать деру. Однако школьником-то он больше не был — и не только внешне.

Он резко, одним махом, вскочил на ноги — проигнорировав полыхнувшую в голове боль. А затем выхватил обломок ледяной биты у того мужика, который врезал ему по затылку. И ткнул его под дых этой битой-сосулькой — той частью, где находился слом.

Мужик охнул, согнулся, прижал к животу обе руки. А Сашка снова взмахнул тем же ледяным обломком — описал им горизонтальный полукруг, будто косой. Из двух мужиков, что застыли в поле Сашкиной видимости, один успел податься назад. Но зато другому острая ледышка вспорола куртку на груди. Мужик издал хриплый крик боли, а бионейлон, из которого куртка была пошита, окрасился в алый цвет.

Сашка тоже издал возглас — торжествующий. Но в этот самый момент внук дворника, о котором он успел позабыть, ударил его сзади подсечкой по ногам. И бывший школьник снова оказался на тротуаре, тут же получил новый сильнейший удар ногой по ребрам. И услышал прямо над собой гнусавый голос:

— Зря ты, Седой, деда моего ужокошил! Я ведь знаю: это он впустил тебя и твоих дружков в «Перерождение»! Но ты передавай ему от меня привет — скоро ты с ним увидишься!

Сашка попытался было встать. Но его мгновенно принялись лупить ногами уже с двух сторон — так что он успел только подтянуть колени к груди и закрыть сведенными предплечьями лицо. И еще — он успел пожалеть о том, что не сумел убить никого из этой четверки. Ясно было: сейчас в мерзлый тротуар его примутся втаптывать все четверо.

И тут возле тротуарного бордюра затормозил невесть откуда взявшийся ярко-красный «Руссо-Балт».

Глава 17. Не дамское оружие

1

Филипп Рябов оглядывал с крыши штаб-квартиры ЕНК ночную Москву: сияющую огнями рождественской иллюминации, но почти лишённую какого-либо движения. Фил видел с высоты, что по улицам катят одинокие — словно странники в пустыне — электромобили, а пешеходов он и вовсе не мог углядеть. И только мельтешение снежинок в воздухе нарушало статичность картины — позволяло понять, что смотрит он не на фотоснимок, а на реальный город.

Фил изо всех сил старался не думать обо всем, что он делал в течение минувшего часа. Наверное, в прежней своей жизни — той, какая у него была до 2077 года — он рассмеялся бы в лицо тому, кто хотя бы намекнул ему, что он вообще способен на *такое*. Но — за минувшие десять лет много чего изменилось. Сам он — так изменился аж два раза! В первый раз — когда трансмутировал в своего тестя, профессора Королева. А вторично — менее года назад, когда превратился в президента всемогущей корпорации «Перерождение», Дениса Молодцова.

— Так что же, Денис Михайлович, — обратился к нему один из двух охранников, которые стояли теперь справа и слева от него на завьюженной верхотуре, — может быть, нам всё-таки стоит запросить подкрепление?

— Зачем нам это? — Филипп Рябов изобразил усмешку. — У нас здесь и так сопровождающих — *выше крыши*.

И он был прав. Мало того, что на крышу с ними вместе поднялся господин Ф. с полудюжиной своих подчиненных и десятком полицейских, так здесь еще и толпилось теперь человек двадцать тележурналистов, операторов и технических работников ЕНК. Все они готовились транслировать событие, на освещение коего Единый новостной канал получил эксклюзивные права: показать всей Евразийской конфедерации обращение Дениса Молодцова. Обращение, в котором тот собирался не только от своего имени, но и от лица возглавляемого им «Перерождения» сообщить информацию, которая коснется всех без исключения. Не только граждан Конфедерации — всех, кто был потребителем продукции и технологий его корпорации на глобальном рынке.

Поразительно, но журналистская братия почти не обращала теперь внимание на того, кто появился на крыше первым — на мужчину с плакатом, хотя совсем недавно все телеобъективы смотрели именно на него.

Бывший безликий — у которого теперь лицо имелось! — по-прежнему держал в руках свой плакат, надпись на котором гласила: «Во всем повинен отец. Покарайте его!» По-над крышей гулял ветер, швырял человеку с плакатом пригоршни мелкого снега в его новообретенное лицо. Однако тот и бровью не вел — в буквальном смысле. Черты его словно были вырезаны из дерева, как и его широко раскинутые руки, из которых ветер пытался, однако никак не мог выдернуть странный плакат.

Сотрудники ОСБ тоже пытались разжать пальцы бывшему безликому — чтобы отобрать плакат. И тоже — безуспешно. Медленный трансмутант намертво вцепился в развернутый лист биопластика, на котором надпись была начертана. Держался за него даже не как утопающий за соломинку — как скупец за последнюю золотую монету.

Впрочем, насчет одеревенелости мышц и черт человека с плакатом Филипп Рябов никаких иллюзий не питал. Понимал, что вовсе не стоицизм заставляет регранта сохранять каменное выражение лица. Причина была куда проще: сразу после реградации бывшие безликие с очень большим трудом могли владеть своими лицевыми мышцами. Да и всем своим телом — тоже. Так что — тот (*та*), кто поместил плакатчика на крышу, всё рассчитал верно. Этот *плакатчик* не сумел бы сдвинуться с места в ближайшие час или два. А большего его хозяевам и не требовалось.

Впрочем, Фил понимал, что обманывает себя: не хозяин имелся у этого человека, а хозяйка. Причем он, Филипп Рябов, отлично знал, кто она такая.

— Всё должно было быть не так, — пробормотал Фил — так тихо, что даже и сам себя не услышал. — Да и сейчас еще не поздно всё исправить...

И как бы он этого хотел! Как хотел бы развернуться сейчас и уйти отсюда. Спуститься на лифте в импровизированный кризисный центр, где он оставил Настасью и её подругу Ирму. Упросить их обеих простить его. Сказать: бес попутал.

Но — эта его последняя мысль у самого Фила вызвала недобрую усмешку. Да, бес и впрямь попутал его. Однако не сегодня — гораздо раньше. И сейчас он не имеет права отступить именно потому, что обязан спасти то, что еще подлежит спасению.

Обязан — хотя бы попытаться это сделать.

— Как думаете, тот отец, которого призывают покарать — это вы или я? — Голос прозвучал прямо за спиной у Фила, и от неожиданности тот едва не подпрыгнул на месте.

Он обернулся: позади него стоял — и тоже усмехался — Алексей Федорович Берестов. Бывший байкер Ньютон.

— Извините, Денис Михайлович! — Один из охранников Фила шагнул вперед. — Мы не подпустили бы его к вам, но ведь он — с сопровождающими! — Охранник кивнул на маленький отряд, который возглавлял юноша, на вид — не старше двадцати лет.

И Фил подумал: еще полтора десятилетия назад никто не поверил бы, что такое возможно. А сейчас — вот-вот люди с внешностью школьников начнут становиться министрами.

— Всё в порядке! — Фил кивнул охраннику. — А сейчас — оставьте нас!

И оба его секьюрити мгновенно отступили в сторону. Хотя, конечно, даже иллюзии уединения это не создавало: на продуваемой зимним ветром крыше было сейчас так многолюдно, словно здесь готовились к какому-нибудь рок-фестивалю. Которые, впрочем, не проводились нигде уже лет пять — самое меньшее.

— Я думаю, — обратился Фил к Алексею Берестову — отвечая на его вопрос, — это и вы, и я, и господин Зуев — отец Натальи Зуевой.

— Собираемый образ? — Ньютон снова усмехнулся.

— Да нет! — Фил качнул головой. — Я практически уверен: этот, с плакатом — господин Зуев и есть. Но, конечно, не он сам себя призывает покарать. Этим лозунгом его кое-кто снабдил...

— Ваша жена?

Фил вздрогнул вторично — а потом так и впился в Алексея Берестова взглядом.

— Вы догадались или как-то узнали об этом?

— Понял — сложил два и два. А еще я понял: ваше заявление будет касаться хорошо известной вам дамы: Марьи Петровны Рябовой. Так вот, я пришел, чтобы вас попросить: не надо ничего такого заявлять. По крайней мере — прямо сейчас.

Настасья и Ирма сидели вдвоем на короткой банкетке — рядышком, бок о бок. Настасьин отец отстегнул наручники, которыми давеча приковал к себе дочь, а его амбалы-охранники больше не удерживали барышню фон Берг. Но что в этом было проку? Бежать у них обеих не существовало ни малейшей возможности. И не только потому, что здесь, в штаб-квартире Единого новостного канала, их окружали со всех сторон люди в полицейской форме и мужчины в штатском, у каждого из которых будто на лбу была напечатана аббревиатура *ОСБ*. Нет, этим людям была совершенно не интересна судьба двух девушек, сидевших возле стены на банкетке.

Ну, то есть — поглядывали-то они на них с большим интересом! Настасья не раз и не два ловила на себе любопытствующие и восхищенные взгляды. После того, как бывший Настасьин жених, Максим Берестов, сделал свое гениальное открытие, увидеть красивые лица воочию — не на телеэкране, не на постере и не на обложке журнала — стало почти что невозможно. Обладатели (а паче того — обладательницы) таких вот лиц предпочитали без крайней необходимости свои жилища не покидать. И немудрено, что они с Ирмой произвели здесь чуть ли не фурор.

Но — как на пленниц или на потенциальных преступниц на них с Ирмой тут не глядел никто. Вздумай они вскочить со своих мест и пуститься бежать к лифтам — эти люди в форме и в штатском вряд ли стали бы им препятствовать. А Настасьин отец и его охранники еще четверть часа назад покинули это помещение, выделенное руководством ЕНК под временный кризисный центр. Они тоже отлично понимали: сбежать девушки не смогут. Куда им было бежать? Если Настасьин отец не соврал — а уж в таком-то он врать не стал бы! — на ночных улицах вот-вот должен был развернуться ад. Ну, разве что — её отец всё-таки сумеет это остановить.

Однако особенно рассчитывать на благоприятный исход приходилось — с учетом того, какие отчаянные шаги Филипп Рябов уже предпринял. И как мало толку они дали.

— Патовая ситуация, — сказала Ирма — она словно бы прочитала Настасьины мысли.

— Это точно! — Ответила ей вовсе не Настасья: ей ответил невесть как очутившийся рядом с их банкеткой мужчина в форме полицейского полковника; запястья его стягивали пластиковые наручники. — Лучше и не скажешь, фройляйн фон Берг.

— Мы с вами знакомы? — Ирма глянула на него с крайней неприязнью; она, впрочем, глядела с неприязнью почти на всех — после того, как и с Настасьей приволокли полчаса назад сюда, в штаб-квартиру ЕНК. — Я что-то не припомню, чтобы нас друг другу представляли.

Настасья подумала: зря она втянула Ирму в эту историю. Не стоило ей звонить — просить о помощи. У Ирмы была своя жизнь — там, в Риге, где был её жених Алекс, и где только-только начинала раскручиваться открытая Ирмой юридическая фирма. А она, Настасья, решила воспользоваться тем, что её подруга приехала в Москву: присватала ей это дельце, к которому Ирма в действительности никакого отношения не имела.

— Разрешите откомендоваться! — Мужчину в наручниках отповедь Ирмы ничуть не смутила: он сделал еще один шаг вперед и только что не щелкнул каблуками форменных ботинок. — Полковник Хрусталеv! Арестованный полковник — как вы можете заметить! — И он простер к ним с Ирмой свои скованные руки — словно подаяния просил.

— Что-то вы больно свободно передвигаетесь тут! Немного странно для арестанта, вы не находите? — Теперь уже в разговор вступила Настасья.

— Так ведь и вы, — он подбородком указал на Настасью и на Ирму, — тоже не вполне свободны — не в обиду вам будь сказано. Однако я не вижу, чтобы кто-то вас особенно сторожил. Полагаю, мы всё знаем — почему так. Меня лишь удивляет, почему вас-то, глубокоуважаемая Настасья Филипповна, никто не привлек к разрешению этого кризиса? Как по мне, если уж кто и мог бы весь этот бардак исправить, так это — именно вы.

3

Марья Петровна Рябова не была лично знакома с Ольгой Булгаковой. Да что уж там: она даже и не подозревала о её существовании вплоть до той рождественской ночи. Однако Настасья сообщила своей матери — на всякий случай — номер того телефона, который имелся в её красном «Руссо-Балте». Том самом, который ей подарил её жених Макс. И — Марья Петровна набрала этот номер, не чень-то и рассчитывая, что кто-то ей ответит.

Каково же было её удивление, когда в трубке она услышала незнакомый женский голос — не принадлежавший ни Настасье, ни даже её подруге Ирме фон Берг! Однако — выбирать не приходилось. Настасьяина мать должна была срочно попасть в штаб-квартиру ЕНК — иначе катастрофы было не избежать. Так что — Марья Петровна поведала незнакомке полную правду о том, что должно было произойти. И незнакомка, назвавшаяся Ольгой Сергеевной, заставила Настасьяину мать удивиться вторично.

— Хорошо, — сказала она, — я вас отвезу. — А потом прибавила: — Всё равно мне нужно именно туда.

Дороги ночью были почти пустынными, так что Ольга Булгакова, завлит Художественного театра, сумела забрать Марью Петровну от дверей её убежища даже быстрее, чем та рассчитывала. И Настасьяина мать подумала: они успеют вовремя. Обязаны успеть.

По крайней мере, так она думала до тех пор, пока в их поездке не произошла непредвиденная заминка.

Впрочем, произошло это из-за самой Марьи Петровны. Именно она увидела человека на тротуаре, которого четверо негодяев, разбившись на пары, попеременно лупили по ребрам ножищами в тяжелых ботинках. Ольга — та смотрела только на дорогу. И цепко сжимала руль, держа руки на два часа и на десять часов. Только малоопытные водители делают так. И Настасьяина мать, быть может, предпочла бы сесть за руль сама — если бы знала Москву хоть чуточку лучше.

— Притормозите! — бросила Мария Рябова.

Ольга Андреевна кинула на неё удивленный взгляд, но потом и сама заметила, что происходит снаружи. И остановила «Руссо-Балт», едва не наехав на бордюр передним и задним правыми колесами. А Марья Петровна выскочила из машины — почти с радостью ощущая, как её накрывает очередная волна ярости. В прежней своей жизни — до трансмутации, до реградации, — она даже не предполагала, что ярость бывает настолько похожа на эйфорию. И теперь дело было отнюдь не в ощущении подлой несправедливости происходящего: четверо избивали одного, да еще — лежащего на земле. Для ярости Марьи Петровне требовалась не причина, а просто повод.

Она даже не подбежала — подскочила к компании негодяев, явно вознамерившихся

забить до смерти свою жертву. И еще на бегу выхватила из кармана своей парки руку с оружием: не пресловутым «Ван Винклем», а массивным кастетом. Впрочем, кастет этот был не простой — модифицированный. И, по сути, представлял собой гибрид обычной «свинчатки» и «Рипа ванн Винкля».

Двое из этой шпаны — те, кто в данный момент не принимал активного участия в избиении — появление Марьи Петровны заметили. И даже повернулись к ней — без всякого, впрочем, беспокойства. Разве могла им чем-то угрожать эта хрупкая темноволосая женщина в распахнутой парке, со свалившимся с головы капюшоном?

Первому из них Марья Петровна нанесла страшный разящий удар: рукой с кастетом — с разворота в левую скулу. Раздался хруст, лицевая кость мужчины как бы продавилась внутрь, а сам он даже не закричал: издал то ли всхлип, то ли хрюканье. И, прижав к лицу обе ладони, рухнул на колени. Между пальцев у него заструилась кровь, и крупные её капли яркими горошинами стали оседать на тротуаре, заносимом снегом.

Всё это Марья Петровна уловила краем глаза — периферийным зрением. Она уже поворачивалась ко второму противнику — который, надо отдать ему должное, продемонстрировал неплохие рефлексы. Он подался назад, отпрянул за долю секунды до того, как получил бы кастетом в висок. И свинчатка Марии Рябовой задела его голову лишь по касательной.

Но и у Настасьиной матери с рефлексами был полный порядок. Прошло уже больше полугода с момента её реградации, и за это время она не просто прошла полный курс реабилитации. Сначала с ней поработали физиотерапевты, потом — тренеры по фитнесу, и благодаря их усилиям Марья Петровна обрела такую физическую форму, какой она не обладала даже до своей *недобровольной экстракции*.

Она уловила движение своего противника. И, хоть уже не могла изменить траекторию удара, сумела предпринять кое-что еще. Её модифицированный кастет был оснащен крохотной обоймой, которая содержала ампулы с тем самым седативным препаратом, что использовался для «Ван Винклей». В обойме имелось всего три заряда, и дистанция поражения должна была составлять не более тридцати сантиметров — то есть, годились они только для ближнего боя. Но — в сложившейся ситуации это было как раз то, что нужно.

Один из этих зарядов Марья Петровна тут же пустила в ход. Для этого ей пришлось сильнее сжать пальцы в кулак при нанесении удара, и она даже не была уверена, сработает ли этот прием. Но — всё вышло как нельзя лучше. Заряд транквилизатора угодил мужчине в левую щеку, и он отключился почти моментально. Из-за того, что он отклонился назад в момент удара, мужчина повалился навзничь — не успев издать ни звука. И так и остался лежать — с широко раскинутыми руками, словно князь Андрей Болконский на поле под Аустерлицем.

Всё это случилось так быстро, что двое мордovorотов всё еще продолжали избивать ногами свою жертву, когда их подельники уже бесповоротно вышли из строя. Очевидно, оба впали в такой раж, что даже и не заметили, что произошло прямо за их спинами.

Зато человек, скорчившийся на заснеженном тротуаре, каким-то образом ухитрился заметить всё. И — он явно понял, что настал тот момент, когда у него возник шанс переломить ситуацию в свою пользу.

Он перекатился вбок, уклоняясь от удара, нацеленного ему в грудь, а потом схватил своего противника за ногу и резко рванул вниз. Тот грянулся спиной и затылком оземь, как только что — его сотоварищ. Но, в отличие от него, не остался лежать безмолвно — начал

злобно и затейливо материться. Причем, как заметила Марья Петровна, в голосе его проступало еще и явное удивление.

Однако отвлекаться на это Мария Рябова не стала. Она выбросила вперед и вверх руку с кастетом — ударила того из четверки нападавших, который еще оставался на ногах, в основание черепа. Точнехонько — между воротом его куртки и краем зимней шапки. Мужчина упал мгновенно — как будто ему подрубили ноги. Причем упал носом в тротуар, и Марья Петровна отлично знала, *кто* обычно так падает. Но — ни раскаяния, ни даже легчайшего огорчения она не ощутила.

Матерившийся амбал в ужасе замолчал: явно тоже всё понял. И Марья Петровна не пожелала выяснять, что он станет делать дальше. Бить кастетом она его не стала — не из милосердия, а просто из-за неудобства: пришлось бы слишком низко наклоняться. И она, нагнувшись в полуприседе, использовала предпоследний заряд седативного вещества — выстрелила амбалу в шею под подбородком.

А потом другую руку — левую — протянула тому, кого она только что спасла.

— Ну, Александр Герасимов, хватит лежать — поднимайся! — сказала Марья Петровна. — У нас очень мало времени, а нам придется еще заехать за доктором Берестовым.

Ольгу Булгакову уже ничто не удивило бы в эту ночь. По крайней мере, сама она именно так считала. И почти как должное восприняла то, что теперь в красном «Руссо-Балте» с ними ехал еще один пассажир.

На вид это был совершенный громила. И могло бы показаться странным, что он не сумел дать нападавшим достойный отпор без посторонней помощи. Вот только — Ольга знала, кто он такой на самом деле. Поняла это, когда услышала его имя, произнесенное первой пассажиркой. Которая, надо думать, владела самой полной информацией о процессе по делу Петра Ивановича Зуева — благодаря корпорации «Перерождение», юристы которой снабжали сведениями её мужа. Если, конечно, правдой было всё то, что эта женщина поведала о себе Ольге.

Новый пассажир полулежал на заднем сиденье, куда пересела и женщина, назвавшаяся Марией Рябовой. Вид у него был довольно-таки измочаленный: куртка порвана в нескольких местах, волосы всклокочены, руки — без перчаток — в грязи и кровоподтеках. Однако серьезных увечий он явно не получил. И Ольга не думала, что они едут сейчас за доктором Берестовым ради того, чтобы тот оказал первую помощь этому молодому человеку. Интересно, как отреагировал бы Алексей Федорович, новый Ольгин знакомый, если бы узнал, что она вольно или невольно помогает сейчас вовлечь его сына в какую-то непонятную авантюру? Но, впрочем, Ольга тут же оборвала эти мысли. Какое, собственно, ей дело до того, что станет думать о её действиях Алексей Берестов, о существовании которого она не знала всего несколько часов назад? И в какую и авантюру этот человек втянул её саму?

— Марья Петровна! — Ольга быстро глянула на свою новую знакомую в зеркало — не повернула к ней головы. — Вашему другу ничего не нужно?

— Нет!

— Не думаю, что мы друзья.

Они одновременно ответили Ольге. И та настолько была сосредоточена на вождении, что не поняла даже: какие слова кто произнес? Но — в данном случае это особой роли не играло.

— И вы, Марья Петровна, только что убили человека и рисковали своей жизнью ради того, кто вам даже и не друг? — спросила Ольга; на пассажиров она по-прежнему глядела через зеркало.

Черноволосая женщина как-то странно усмехнулась — а, может быть, просто искривила губы. А вот мужчина, которого она назвала Александром Герасимовым, произнес сухо:

— Думаю, это была просто солидарность регрантов.

Мария Рябова быстро глянула на него — явно довольная его ответом.

— Я не ошиблась, — сказала она. — Именно такой помощник мне и нужен сегодня.

И Марья Петровна объяснила, чего именно она хочет от Александра Герасимова. Ольга слышала каждое слово. И несколько раз порывалась сказать, что она думает по поводу услышанного. Но — всякий раз она ловила в зеркале предостерегающий взгляд Марии Рябовой, которая каким-то образом улавливала её намерения. И в итоге — смолчала.

Дверь стеклянного бокса могла открыться в любой момент — Максим Берестов принял для этого меры. Мониторы, к которым был подсоединено тело герра Асса, вот-вот должны были поднять тревогу. Макс уже сидел в кресле на колесиках — с потом на лбу, с холодильной сумкой на коленях. В этот-то момент он и услышал голос у себя за спиной:

— Куда-то собрались, доктор?

Голос был таким сиплым и слабым, что Макс сперва даже и не понял: это заговорил его пациент! Но ответить ему он не успел: мониторы, которыми был оснащен медицинский бокс, взвыли и замигали. Оставалось только выяснить, как быстро заметят это подельники герра Асса, суетившиеся в ангаре. Как быстро они разблокируют входную дверь. И главное — сколько времени потребуется медицинскому лазеру в ножном браслете, чтобы оттяпать ему, Максу, ступню.

Короткую боль он сумел бы выдержать — а потом вкатил бы себе заготовленную дозу кортикостероида. Вколоть её себе заранее он не решился — из опасения, что препарат затуманит ему разум. А он должен был быть в ясном рассудке — чтобы положить ампутированную свою ступню в холодильную сумку. А потом в кресле-каталке выбраться из ангара.

Но — если ампутация продлится дольше, чем он рассчитывал, если окажется неполной, если не все кровеносные сосуды будут прижжены лазером, а главное: если его всё-таки накроет болевой шок... Макс не позволял себе думать о таких вариантах. И не позволил себе повернуться к герру Ассу — который явно пришел в себя из-за того, что Макс извлек из его вены иглу капельницы.

Точнее — не позволил *бы* себе оборачиваться. Но потом даже сквозь завывания мониторов он уловил еще один звук: надрывной хрип задыхающегося человека. И — Макс не думал, что его пациент симулирует удушье.

Между тем люди снаружи уже начали проявлять беспокойство: некоторые поворачивали головы к плексигласовому боксу, а один из бандитов даже указал на него пальцем. «Минута — и они все будут здесь!» — подумал Макс. Возможно, у него даже и этой минуты не было. И всё же — он вскочил со своего кресла, бросил сумку-холодильник на его сиденье и в два шага подскочил к герру Ассу.

Тот не просто задыхался — его тело била такая дрожь, словно сквозь него пропускали электрический ток. «Как на старинном электрическом стуле! — посетила Макса почти ехидная мысль. — Там ему было бы самое место!» Но ведь он, доктор Берестов, давал когда-то клятву Гиппократу. Так что он схватил иглу капельницы и ввел её в вену подстреленного бандита. А потом вернул в прежнее положение вентиль на капельнице.

Ничего не произошло. Здоровяка продолжала бить дрожь — под ним даже кровать сотрясалась. Нормальное дыхание не восстановилось. И, в довершение ко всему прочему, на его повязке выступило пятно крови: похоже, из-за сотрясений начали расходиться наложенные швы.

Краем глаза Макс видел: к медицинскому боксу уже спешат пять или шесть человек. Подельники герра Асса явно смекнули, что с их раненым предводителем не всё ладно. И это означало одно: план Макса требовал срочных изменений.

Электронный замок бокса со щелчком открылся, дверь отъехала в сторону, и внутрь

свалились посетители. Макс услышал топот вбегающих людей. И был уверен, что у всех них имелось оружие в руках. Причем — отнюдь не какие-нибудь *ван Винкли*. Однако он даже не повернул головы в их сторону.

— А ну, отойди от него! — проорал тот, кто давеча разъяснил пленнику невозможность его бегства — Макс опознал его по голосу. — Что ты делаешь с ним?

— Я делаю всё, что могу, — сказал Макс, по-прежнему не оборачиваясь. — Если мы срочно не доставим его в госпиталь, его не спасти. Я знаю, где ему могут помочь — и не станут задавать лишних вопросов. Но ехать нужно прямо сейчас.

3

Ангар, к которому подкатил красный «Руссо-Балт», освещал только один-единственный фонарь возле самого входа. Однако даже Ольга Булгакова — не самый опытный водитель — не побоялась ошибиться. Она приехала туда, куда было нужно. Серая громада этого заброшенного на вид строения темнела прямо за оградой московского зоопарка — тоже почти не освещенного в этот час. А главное — закрытого для посетителей с 2081 года.

Ольга Андреевна даже не сразу поняла, о чем речь, когда пассажир, расположившийся на заднем сиденье, вдруг закричал:

— Проезжайте мимо, не останавливайтесь! — И даже слегка толкнул её в спину — прямо через спинку водительского кресла.

Марья Петровна в первый момент тоже удивилась. Но потом явно разглядела за окнами электрокара то же самое, что до это увидел Александр Герасимов: шевеление занесенных снегом кустов в одном месте, кратчайшее мелькание зелёной светодиодной лампочки — в другом, мельтешение теней — чуть поодаль.

— Поверните за угол и заглушите мотор! — Черноволосая женщина даже не глядела на Ольгу Булгакову, когда отдавала это распоряжение.

Но Ольга, несомненно, послушалась бы её. Она была не робкого десятка и всегда этим гордилась, но черноволосая пассажирка словно бы её гипнотизировала. Когда-то в детстве родители водили маленькую Олю в кинотеатр: на показ старинных мультфильмов, созданных столетие назад, а теперь восстановленных и оцифрованных. И одним из таких образчиков отечественной мультипликации была история о Маугли — мальчике, воспитанном волками. Там в одной из серий она увидела кадры, напугавшие маленькую Олю до такой степени, что она постыдно расплакалась. И родителям пришлось увести её из кинозала. Это был эпизод, в котором огромный многоцветный удав по имени Каа завораживал извивами своих колец несчастных глупых мартышек. Заманивал их себе в пасть, явно намереваясь всех их проглотить. Вот такой же мартышкой Ольга ощущала себя перед Марьей Петровной Рядовой.

Однако распоряжение Марьи Петровны тотчас оспорил Александр Герасимов.

— Нет, — он резко мотнул головой — Ольга увидела это в зеркале, — здание окружено. Остановимся — нас тут же схватят. Нужно таранить дверь!

Вот тут Ольга наконец-то позволила себе возмутиться.

— Да вы ополоумели, что ли? Я только разобью машину! Да и кто окружил это здание? Если полиция, они арестуют нас и внутри ангара.

За Александра ответила Марья Петровна:

— Уверена: это не полиция. Это клеветы господина Ф. И, будь у них приказание войти

в ангар, они уже вошли бы. Но Александр неправ: идти на таран мы никак не можем. Электрокар нам нужен в целостности и сохранности. Здесь — отнюдь не конечный пункт нашей поездки.

Ольга перевела дух: она уже представляла себе, как врезается на «Руссо-Балте» в стальные двери ангара. И она точно знала: воспротивиться воле этой женщины, прикажи она такое, ей не удалось бы. При всем желании.

Однако то, что Марья Петровна Рябова сказала дальше, Ольгу уж точно не успокоило.

— Объезжайте ангар кругом, а потом возвращайтесь к его дверям, — сказала черноволосая пассажирка. — За это время я решу, что делать дальше.

4

Филипп Рябов почти не замечал нацеленных на него телекамер. Как пытался не замечать и того, каким взглядом безотрывно глядел на него Алексей Берестов, его несостоявшийся родственник. Бывший байкер Ньютон смотрелне со злобой или раздражением — как Фил опасался, с учетом того, что он отказал Ньютону в его просьбе повременить с телеобращением. Нет, тот глядел на него с сочувствием. Даже — с некоторым подобием жалости. Как будто понимал, *что* именно он, Филипп Рябов, сейчас ощущает. Хотя — может быть, и вправду понимал. Учитывая обстоятельства собственной жизни Алексея Федоровича. Трудно было поверить, что несколько минут назад человек этот осыпал Филя такими бранными словами, каких тот прежде и не слыхивал. А ведь то ведомство, где Фил начинал свою карьеру — это был не институт благородных девиц. Правда, бранился Алексей Федорович шепотом — чтобы никто, кроме Филиппа Рябова, не мог его услышать. И лишь тогда, когда понял, что это бессмысленно, умолк. Однако — такого сочувствующего взгляда Филипп Рябов от него всё-таки не ожидал.

— Сегодня, — громко произнес Фил, — я вынужден сделать заявление, которое наверняка получит неоднозначную оценку. Не буду лукавить: решение, которого я принял, будучи президентом корпорации «Перерождение», кто-то, возможно, назовет одиозным. А потому я считаю своим долгом разъяснить, что именно вынудило меня его принять. Вы все знаете о том, что моя корпорация анонсировала новую биотехнологию, которая...

И тут вдруг раздался голос — к новому, взрослому звучанию которого Фил пока что так и не привык. Зато упрямая интонация, с какой были произнесены слова, была ему привычна, как собственное отражение в зеркале:

— Твоя корпорация? — произнесла где-то совсем рядом молодая женщина. — А ты уверен в том, что она *твоя*, папа?

На голос этот разом повернулись все: и тележурналисты, и сотрудники ОСБ, и полицейские, и Алексей Берестов. Позже всех голову повернул сам Филипп Рябов — он и так хорошо себе представлял, что сейчас увидит. Хотя разум его и отказывался верить, что дело всё-таки дошло до такого. А главное — он не мог понять, как вышло, что предвидеть подобного пассажа он не сумел? И это — после всех событий нынешней, беспредельно долгой ночи!

Неподалёку от выхода на крышу, рядом с посадочной площадкой для электрокоптеров, стояли три человека. Один был — полковник Хрусталева: ухмыляющийся, уже без наручников. Справа от него упирала руки в бока белокурая красавица с непокрытой головой: Ирма фон Берг. А чуть впереди от этих двоих застыла девушка необыкновенной красоты: в

распахнутой норковой шубке, в шапочке из такого же меха, из-под которой волной ниспадали роскошные черные волосы. И Филипп Рябов подумал: уже завтра на его дочь откроют охоту все колберы Евразийской конфедерации. Разве только — его жена Маша всё-таки совершит то, что обещала.

Господин Ф. шагнул вперед. Попытался — следовало отдать ему должное — загородить Настасью от телекамер. Но — журналисты уже обтекали его справа и слева. Отпихивали друг друга. Пробовали задавать какие-то вопросы. И снимали, снимали, снимали.

А Настасья, его прекрасная, обожаемая и такая глупая дочь, сделала между тем ещё несколько шагов вперед. Потом остановилась — явно дожидаясь, когда тележурналисты обступят её кольцом. После чего снова заговорила. Голос её звучал так громко, что не могло быть сомнений: она прикрепила микрофон, скажем, к ворота губки. Может быть, Ирма надоумила её поступить так.

— Меня зовут Настасья Рябова, — проговорила девушка. — Мой биогенетический паспорт при мне. — И она жестом фокусника извлекла его из кармана шубки. — А этот человек — мой отец, Филипп Рябов. — Она свободной рукой указала на Фила. — И в смысле отцовства он не самозванец. Иное дело — его президентство в корпорации «Перерождение». У него нет никакого права этой корпорацией руководить. А саботировать внедрение реградации он хочет по сугубо личным причинам. Опасается, что поведение реградантов его скомпрометирует. Что все сложат два и два и поймут: сам он нелегально применил эту технологию еще полгода назад.

Полковник Хрусталев нехорошо ухмыльнулся при этих словах Настасьи. Ирма фон Берг нахмурилась — почти что с выражением отвращения на красивом личике. А вот Алексей Берестов глянул на Фила уже даже не с сочувствием — с состраданием.

— Он скажет вам, — продолжала между тем говорить его красавица-дочь, которую слышала и видела сейчас вся Евразийская конфедерация, — что реграданты склонны проявлять неконтролируемую агрессию. Возможно, даже покажет вам видеозаписи, на которых возвращенные переходят черту — убивают людей. Но задайте моему отцу вопрос: принял ли в расчет возможность подобных эксцессов, когда *возвращал* мою мать?

И это был уж чересчур! Таких вещей его Настасья не должна была говорить. Ни при каком раскладе.

— Неконтролируемая агрессия тут ни при чем, — вполголоса выговорил Фил.

Однако на нем тоже был микрофон. И его голос, усиленный телевизионными динамиками, разнесся по всей крыше штаб-квартиры ЕНК. Да что там! Ясно было гигантские тарелки спутниковых антенн разнесли голос Филиппа Рябова по всей Евразийской конфедерации.

— Ах, ну да, — кивнула Настасья; она будто этих слов и ожидала. — Сейчас мой отец скажет вам, что этот несчастный, — она указала подбородком на реграданта с плакатом, — взорвет бомбу по распоряжению моей матери, если его не остановить.

У Фила сдавило сердце. И не столько даже из-за обвинений, выдвигаемых его дочерью, сколько из-за того, что она почти всё время говорила о нем в третьем лице. Как будто он и не стоял в паре десятков шагов от неё. А Настасья продолжала:

— Вот только эта бомба — такое же вранье, как и та, которую будто бы заложили в санатории «Перерождения».

И Фил понял: полковник Хрусталев поделился с его дочерью всей информацией, какой владел.

— А вот в этом, — выговорил Филипп Рябов в полный голос, — ты ошибаешься, дочка. У твоей матери и вправду имеется бомба. Только совсем не такая, как все думают. Полагаю, даже его, — он перевел взгляд на господина Ф., — ожидает сюрприз.

5

Максим Берестов ждал — понятия не имел, какой будет реакция на его заявление. Тот соратник герра Асса, который давеча пугал Макса ампутацией ступни, глядел на него теперь так, словно обдумывал идею: а не оттяпать ли ему ногу прямо сейчас? Чтобы он уж точно не сбежал. Да и остальные — кто прибежал в застекленный бокс — никаких признаков дружелюбия не выказывали.

— Ладно, — кивнул, наконец, тот, кто угрожал оставить Макса без ноги. — Сделаем вот что. — Он сунул руку в карман джинсов и вытащил маленькое приспособление, похожее на ключ-брелок для электрокара. — Сейчас я перепрограммирую устройство на вашей лодыжке, доктор. Когда мы выйдем отсюда, ваша нога не отвалится. Но одно ваше неверное движение — и я приведу в действие лазерную пилу. Немедленно. И с большим удовольствием.

И в этот момент снаружи раздался гудок электрокара. Громкий, но не оглушительный. И содержащий даже оттенки мелодичности. Так звучал клаксон только одной машины, известной Максиму Берестову: «Руссо-Балта», собранного на конвейере возрожденного АЗЛК.

Глава 19. Мнимый брат, мнимая сестра

1

Сашка Герасимов не одобрял план своей спасительницы с самого начала. И решил участвовать в его исполнении вовсе не из солидарности реградантов, о которой давеча сам же и говорил. Согласился он пойти на поводу у Марьи Петровны Рябовой по одной-единственной причине: из благодарности. Причём — даже не за спасение собственной жизни. Хотя он знал наверняка: не приди она тогда к нему на помощь со своим кастетом, и та четверка мордovorотов забила бы его насмерть прямо на заснеженном тротуаре. Но — нет: по-настоящему он был благодарен Марье Петровне за другое. Благодарен до слезного комка в горле. Он, быть может, разрыдался бы даже по-настоящему, когда услышал то, что она сказала ему. Однако понимал, как смешно и постыдно он будет выглядеть со стороны: здоровенный мужик, утирающий слёзы, словно дитя.

Это жгучее, захлестнувшее его чувство благодарности Александр Герасимов испытал, когда Марья Петровна сказала ему:

— Твой старый знакомец, Петр Иванович Зуев, тоже сейчас там, куда мы едем: в штаб-квартире Единого новостного канала. Совершил восхождение на самую верхотуру. И, полагаю, этим восхождением всего его похождения завершатся. Да и будет уже с него! Я устроила так, что он со вчерашнего дня и безликим успел побыть, и реградантом. Но вот покойным директором зоопарка — ещё не успел. Однако ждать ему осталось недолго. Ты ведь хочешь увидеть, как всё произойдёт?

Сашка и сам не знал, хочет он этого или нет. Но вот за то, что Наташкин отец прошел трансмутацию без наркоза, он готов был исполнить для Марьи Петровны всё. Даже за одно это! А если она сдержит слово и устроит бывшему директору зоопарка настоящую, всамделишную казнь — тогда никаким участием в сумасбродных планах этой женщины Сашка не расплатился бы с ней сполна. Так имел ли он право теперь кочевряжиться и отказывать ей в помощи?

«Руссо-Балт» остановился возле самых дверей ангара — почти вплотную к ним. Женщина-водитель, назвавшаяся Ольгой Андреевной, вдавила кнопку гудка. А Сашка Герасимов распахнул дверцу электрокара, выскочил наружу и высоко вскинул руки, демонстрируя широкие пустыеладони.

И тут же смутные тени, которые они наблюдали несколько минут назад, начали одна за другой обретать материальность. Пространство перед ангаром, помимо фонаря над входом, освещали только фары «Руссо-Балта», однако у элитного электрокара ближний свет был — как дальний. И света этого вполне доставало, чтобы Сашка Герасимов разглядел: его окружил десяток мужчин в зимней камуфляжной форме белого цвета. Все они направляли на Сашку одинаковые пистолеты, марка которых была ему не известна. Метель наконец-то утихла, и только отдельные снежинки ещё мельтешили в воздухе — вспыхивали в свете фар крохотными заполошными искрами.

— Стоять на месте! — отдал приказ один из *белых людей*.

— Не стреляйте! — Сашка попытался придать своему грубому голосу взрослого мужчины жалкую и подобострастную интонацию — неплохая тренировка перед тем делом, которое предстояло ему вскоре с подачи Марьи Петровны Рябовой. — Я не вооружен! Не

представляю угрозы. Не целитесь в меня, если можно!

2

Ольга Булгакова была ошарашена до такой степени, что на несколько мгновений даже перестала вдавливать кнопку клаксона. И уставилась на то, что происходило снаружи. Марию Рябову она видеть уже не могла: та успела сделать то, что задумала. Зато Ольга Андреевна отлично разглядела, как вооруженные люди в белом, которые только что направляли пистолеты на Александра Герасимова, начали один за другим своё оружие опускать. Причём — почти синхронно, как по мановению невидимого дирижера.

Александр Герасимов стоял так, что Ольга могла видеть его лицо в зеркале. И на лице этом она разглядела такое же удивление, какое, вероятно, отображалось сейчас и на её собственном лице. Александр уж точно не ожидал, что его просьбу не целиться в него эти люди исполнят незамедлительно. Ольга встряхнула головой — как если бы хотела отогнать наваждение. А потом снова вдавила кнопку гудка.

И тут же один из *людей в белом* распахнул переднюю дверцу «Руссо-Балта».

— Прекратить сигналить! — рявкнул он. — И выйти из машины! Живо!

Ольга убрала палец с кнопки клаксона. И в наступившей тишине её собственный голос показался ей чуть ли не оглушительным, когда она произнесла:

— А не могли бы вы, милостивый государь, представиться? Я должна знать, имеете ли вы право отдавать подобные распоряжения.

Она, пожалуй, приняла бы как должное, если бы человек в белом и её просьбу исполнил. От рекомендовался бы ей по всей форме. Однако тот лишь нехорошо усмехнулся, когда услышал её слова.

— Я представляюсь вам, уж будьте благонадежны, — пообещал он. — И даже документы вам предъявлю. А сейчас — вон из машины! И руки держите так, чтобы я мог их видеть.

Снаружи Александр Герасимов стоял, уже опустив руки. Но люди в белом будто и не замечали этого — они вообще словно бы перестали замечать нового Ольгиного знакомца. Ольга бросила быстрый взгляд на него, но он лишь едва заметно пожал широченными плечами. Дескать, ну что тут поделаешь? И Ольга Андреевна Булгакова, завлит Художественного театра и родственница великого писателя, имя которого этот театр теперь носил, сделала, как ей велели. Выйдя из машины, она подняла руки и шагнула было к Александру. Но человек в белом тотчас её остановил: схватил за локоть рукой в белой вязаной перчатке. Деликатности в этой руке было не больше, чем в гаечном ключе.

Другой мужчина в белом нырнул тем временем в кабину «Руссо-Балта». И через минуту уже притягивал первому человеку в белом (явно — руководителю операции захвата) Ольгину сумочку, которую она оставила на переднем сиденье. А ещё — он подал ему картонную папку, в которой лежал машинописный экземпляр пьесы Михаила Афанасьевича Булгакова «Адам и Ева».

3

Максим Берестов отметил про себя: никто из тех, кто оказался с ним вместе в плексигласовом боксе, не выказал признаков удивления, когда снаружи долетели звуки клаксона «Руссо-Балта». Более того: от внимания Макса не укрылось, что его тюремщики

начали при этих звуках с понимающим видом переглядываться.

На пару секунд «Руссо-Балт» перестал сигналить, потом принялся вновь; однако длилось это недолго. Очень скоро гудок смолк. И в наступившей тишине стало слышно только попискивание медицинской аппаратуры, к которой был подсоединен герр Асс.

— Выдвигаемся! — распорядился кто-то.

И Макс даже не уловил, кто именно это произнес — на подельников герра Асса он в тот момент не глядел. Равно как не следил за дверьми ангара. Он даже и за дверьми плексигласового бокса не особенно внимательно наблюдал. Все его внимание поглотил миниатюрный прибор, походивший на ключ-брелок от электрокара. Макс боялся хотя бы на миг выпустить его из виду. И перевёл дух только тогда, когда брелок вернулся в карман джинсов того субъекта, который пообещал оттяпать ему, доктору Берестову, ногу. Что Макса уж никак устроить не могло — особенно с учётом того, что и кресло на колесиках, и сумка-холодильник остались внутри, когда его самого из медицинского бокса вывели.

Его держали под локти справа и слева бандиты из славной когорты герра Асса. А их раненного шефа, так и не пришедшего в сознание, везли впереди на кровати-каталке двое других специалистов по захвату заложников. Макс припомнил, как один из них посоветовал женщине-заложнице в санатории «Перерождения» делать свои дела в штаны, когда она попросилась в туалет. И подумал: даже хорошо, что его сопровождает сейчас такая отъявленная мразь. Тем проще будет ему, доктору Берестову, сделать то, что он задумал.

Макс опустил руку в карман зимней куртки, которая снова была на нем. И нащупал лежавшую там пластиковую карточку с прищепкой — его бейджик. По мнению Макса, те, кто его этой карточкой снабдил, давно уже должны были бы вмешаться в ход событий. Однако они по каким-то своим соображениям не спешили это делать. И Макс уповал только на то, что не среагировать на эскападу, которую он замыслил, им будет невозможно.

Кровать герра Асса скрипела и грохотала — не столько из-за веса пациента, сколько из-за подсоединенной к ней аппаратуры. И за этим грохотом тюремщики Макса не уловили, как приоткрылась, а затем снова захлопнулась дверь ангара. Макс и сам не уловил этого — догадался о том, что дверь открывали, только по короткому дуновению морозного воздуха с улицы. Так что всё, произошедшее далее, стало сюрпризом не только для сопровождавших Макса амбалов, но и для него самого. Для него — явно в большей степени.

— Я рада, — вдруг услышали они все хриловатый женский голос, — что вы уже подготовились к отъезду. Это весьма кстати!

Макс даже не понял, откуда она вышла — эта женщина с распущенными черными волосами, на которые она небрежно набросила капюшон расстегнутой черной парки. Но зато лицо её было ему прекрасно знакомо.

«Интересно, — подумал он, — эти черные волосы — единственная её общая черта с Настасьей?». Впрочем, он хорошо знал, что и эта общая черта возникла по чистой случайности. Тот человек, которого Макс привык именовать *профессором*, использовал для реградации своей жены мозговой экстракт Карины — сестры Ивара Озолса — только потому, что ничего более подходящего у него под рукой не оказалось. А теперь — вот ведь какая ирония! — они оказались лицом к лицу. Она, выглядевшая как сестра Ивара, и сам Макс, выглядевший, как тот несчастный мальчик — несостоявшийся Настасьин жених. Прямо-таки воссоединение семьи!

Но тут же Макс решил: ирония-то была двойной! Ведь и он сам сделался несостоявшимся Настасьиным женихом. И от этой мысли — а вовсе не из-за неожиданного

появления Марьи Петровны Рябовой — Макс запнулся на ровном месте. И, если бы за локти его не держали два амбала, наверняка упал бы.

Настасьина мать, прошедшая реградацию, заметила, как он среагировал на её появление — чуть приподняла в насмешливой гримасе одну бровь. А человек с брелоком, кативший на пару с другим клеветом герра Асса его кровать, почтительно вымолвил:

— Мы не ожидали увидеть вас так скоро, сударыня. Но мы держали дверь незапертой, как вы и распорядились. И мы рады вашему прибытию!

Макс подумал: он сам ни за что не купился бы на почтительный тон этой мрази. А вот Настасьина мать кивнула при этих словах вроде как с благосклонностью.

— Моё скорое прибытие вызвано экстренными обстоятельствами. Я полагаю, вы и сами это понимаете, — сказала она, глядя при этом не своего собеседника, а почему-то на Макса. — Но, я вижу, и у вас тут возникли проблемы. — Она указала взглядом на кровать-каталку, где лежал, прикрытый термическим одеялом, герр Асс.

«Да ведь это она их всех наняла, — с отрешенной ясностью подумал Макс. — Бог весть, для чего ей это понадобилось, но только именно она задумала операцию с захватом санатория. А этот самый герр Асс был просто её марионеткой. Они все тут — просто её марионетки».

А ещё доктора Берестова посетила мысль, изумившая его самого. Впервые ему подумалось: быть может, профессор был не так уж и неправ, когда желал запретить внедрение реградации? Может быть, он раньше всех понял то, что начало доходить до Макса только теперь?

Впрочем, последнюю — чудовищную — мысль Макс тут же и отринул. И устыдился самого себя за то, что она пришла ему в голову. Мысль эта до такой степени выбила его из колеи и отвлекла от действительности, что он даже вздрогнул, когда услышал ответ мужчины с брелоком на слова Марьи Петровны:

— Наш босс получил пулевое ранение, сударыня. И доктор Берестов, которого вы приказали доставить сюда, нам сказал: раненого нужно срочно перевезти в госпиталь. Иначе его не спасти.

— В госпиталь? — Теперь Марья Петровна вскинула уже обе брови. — Да вы шутите, наверное? Хотите, чтобы вашего товарища и командира арестовали, а потом отправили на принудительную экстракцию?

— Но, — её собеседник смешался так, словно был маленьким мальчиком, а Марья Петровна — строгой учительницей, которая делала ему выговор, — доктор сказал, что знает госпиталь, где не станут задавать лишних вопросов! — Должно быть, соратник герра Асса и сам тут же понял, насколько несуразно это прозвучало, потому как прибавил: — И он знает, что его ожидает, если он солгал.

— Да? И что же? — Марья Петровна по-прежнему глядела на Макса, но кроме нег самого никто, похоже, этого не замечал; она, к тому же, сделала несколько шагов вперёд и встала в головах каталки герра Асса.

У Макса от дурных предчувствий закололо, будто мелкими иголками, тыльные стороны обеих ладоней. Настасьина мать держала правую руку так, чтобы на неё не падал свет, но Макс все равно разглядел, что за приспособление поблескивает на пальцах этой руки.

— Ну, — мужчина с брелоком издал каркающий смешок, — он лишится некой части тела, если решит нас кинуть.

Макс успел удивиться тому, что его тюремщик употребил это словечко — *кинуть* — в

таким необычным контексте. Так почти никто не говорил в подобных случаях уже лет пятьдесят. Скорее уж — употребляли неоархаизмы, например, говорили «обмишулить» или «оплести». Другие тюремщики Макса при словах своего сотоварища неприлично заржали — явно подумали о том, какой именно части тела доктора Берестова следовало бы лишить. Но вот они-то кое-чего не успели: не успели досмеяться. Настасьина мать вскинула правую руку, крепко стиснув её кулак, раздались короткое характерное шипение, а в следующий миг говоривший рухнул на пол — навзничь, как полкошенный, прямо рядом с каталкой своего босса.

— На доктора Берестова, — сказала Марья Петровна, — у меня совершенно иные планы. Как и на этого господина.

И при последних словах она сделала короткий замах правой рукой, на которой в свете галогенных потолочных ламп блеснул никелированный кастет.

4

Максим Берестов среагировал быстрее, чем сам от себя ожидал. Да что уж там: он вообще не ожидал от самого себя, что ему взбредет в голову спасти этого человека! Но вот, поди ж ты: когда он увидел, как Настасьина мать замахнулась, чтобы врезать кастетом по виску бесчувственного герра Асса, он, доктор Берестов, сделал именно то, что планировал изначально — до появления Марии Рябовой. И сделал это быстрее, чем начали действовать сопровождавшие его охранники. Когда Мария Рябова подстрелила их босса из портативного «Ван Винкля», явно имевшегося в её кастете, они застыли на месте. И всё ещё держали Макса под локти, когда он завопил, как оглашенный:

— Стойте! Куда вы его везете? Вы хотите убить нас обоих?!

Выкрик этот отразился от высокого потолка ангара и получился даже громче, чем рассчитывал сам Макс. Он всегда был везучим: что бы он ни делал, эффект от его действий сплошь и рядом превосходил его собственные ожидания. Вот и теперь при его выкрике к нему повернули головы почти все, кто находился в ангаре: и бандиты, и примкнувшие к ним пациенты санатория корпорации «Перерождение». Марья Петровна Рябова на долю секунды задержала руку в воздухе — когда рядом кто-то орет «Стойте!», почти всякий непроизвольно прекращает движение. А двое амбалов, что держали Макса, чуть ослабили свою хватку.

И всё-таки этого оказалось недостаточно, чтобы предотвратить неизбежное. Макс рванулся из рук своих тюремщиков, которые от неожиданности разжали свои пальцы на его локтях — даже не попытались его удержать. И сделал отчаянный бросок вперёд: к кровати-каталке, на которой под термическим одеялом лежал его злополучный пациент. Возможно, Макс даже удалось бы сделать то, что он собирался: отпихнуть каталку в сторону раньше, чем Настасьина мать нанесет удар. В конце концов, после своей второй трансмутации он, доктор Берестов, физически стал восемнадцатилетним юношей. И двигался он очень быстро. Но, увы, в самый последний миг он запнулся о ноги *человека с брелком*, которого Марья Петровна так ловко спровадила в царство Морфея. И — каталку Макс толкнул, уже падая на пол. Она отъехала в сторону, да. Но Мария Рябова успела нанести удар прежде, чем это случилось.

Макс видел, как дернулась голова герра Асса. Как брызнула кровь на белую наволочку, натянутую на подушку у него в изголовье. Как при этом ударе судорожно дернулось под одеялом всё тело здоровяка. Мария Рябова замахнулась было во второй раз — словно одного

разящего удара ей показалось недостаточно. Но ударить повторно не успела, поскольку в эту самую секунду всё помещение с галогенными лампами под потолком погрузилось в хаос.

Макс ожидал, что какая-то реакция на его выкрики воспоследует: про микрофон в прищепке своего бейджика он ни на минуту не забывал. Чего он не ожидал — так это того, что вмешательство извне окажется практически мгновенным. И порушит все его планы.

Дверь в ангар распахнулась — и теперь уже не на короткое мгновение, как до этого. Ледяной воздух, яркий жёлтый свет, словно от мощных прожекторов, угрожающие выкрики, лязганье металла, топот тяжёлых ботинок — все это ворвалось внутрь в одно мгновение. И могло показаться: ворвалось отдельно от множества людей в белых одеяниях, которые не принесли всё это с собой, а пустили вперед. Организовали нечто вроде молниеносной артподготовки перед боем.

Марья Петровна, так и не опустив руку с кастетом, сделала резкий разворот к распахнувшимся дверям. И что-то коротко пробормотала. Макс показалось — она произнесла: «Слишком рано». Однако уверен он не был. Ему стало не до того, чтобы вслушиваться или всматриваться во что-либо — нашлись дела поважнее. У него в запасе оставалось секунд пять или шесть — и это ещё в лучшем случае.

Он больше не глядел на Марию Рябову. Забыл про герра Асса с его разбитой головой. Почти не видел людей в камуфляжной форме, которые белым потоком втекали внутрь. И не обращал внимания на вскинутые штурмовые винтовки «Севастополь» у этих людей в руках. Всё свое внимание доктор Берестов сосредоточил на том человеке, о чьи ноги он споткнулся только что.

Макс перекатился на живот и, работая коленями и локтями, в один миг заполз под каталку герра Асса, возле которой лежал человек с брелоком. Который, пожалуй, оказался самым удачливым из тех, кто находился сейчас в ангаре. Его расслабленная поза и мерное дыхание не оставляли сомнений: он спит себе, как легендарный Рип ван Винкль, в честь которого дали название самому популярному в мире не летальному оружию. И всё, что происходит с ним рядом, этого субъекта не тревожит ни в малейшей степени.

На долю секунды у Макса промелькнула мысль: интересно, почему Мария Рябова всего лишь усыпила этого бесславного ублюдка, тогда как герру Ассу решила проломить голову? Однако он моментально отодвинул эту мысль в сторону. Сосредоточил всё свое внимание на одной-единственной вещи: кармане джинсов спящего амбала.

Этот мнимый Рип ван Винкль был господином весьма упитанным. И штанины джинсов туго облегли его жирные ляжки. Макс попробовал запустить пальцы в карман его джинсов, но сумел протиснуть их всего на пару сантиметров. До брелока, который выпирал сквозь джинсовую ткань, оставалось расстояние шириной примерно в ладонь. А когда Макс попытался дотянуться до заветного устройства, в его ножном браслете что коротко завибрировало. И Макса ударил короткий, но вполне ощутимый разряд тока. Это явно был предупредительный сигнал для того, на кого такой браслет надели: ещё чуть-чуть — и лазерная пила начнёт свою работу.

Макс на долю секунды замер. И его спина под зимней курткой покрылась испариной — вовсе не от жары. Задержав дыхание, он стал переворачивать спящего амбала на бок — противоположный тому, со стороны которого в его кармане лежал брелок.

— Всем оставаться на местах! — будто из другой вселенной донесся до Макса крик одного из людей в белом. — Здание окружено! Соппротивление бесполезно! Сложите оружие, и никто не пострадает!

Все эти формулы звучали так тривиально, что Макс чуть было не рассмеялся. А ведь он всеми силами изыскивал способ, как ему предупредить ОСБ о том, что должно было произойти вот-вот! Считал, что те, кто вмонтировал микрофон в его бейдж, чего-то не поняли из сказанного поделщиками герра Асса. Готов был лишиться ноги, лишь бы предупредить об опасности (*Настасью*) тех, кто находился в башне ЕНК. А всё это время люди, организовавшие прослушку, находились рядом с ним. Вероятно, оцепили ангар ещё час назад, если не раньше. Однако почему-то предпочитали ни во что не вмешиваться.

А теперь появление *людей в белом* не только не устранило для Макса перспективу остаться одноногим, но и сделало её более ощутимой. Причем ощутимой — в буквальном смысле. Когда он вновь потянулся за брелоком в кармане амбала, его еще раз ударило током. Но теперь уже с такой силой, что Макс едва не взвыл от боли и досады.

Время будто притормозило свой ход. И Макс показалось, что теплая капля, которая упала ему на тыльную сторону ладони, успела до этого прочертить в воздухе зримый алый след. Макс поднял глаза: кровь текла с кровати-каталки, из размозженной головы герра Асса. «Я должен ему помочь», — подумал тот Макс, который в первую очередь считал себя доктором Берестовым. Но тут же отозвался другой Макс — человек, устроивший в прошлом году утечку данных о технологии реградации: «Сначала самому себе помоги! Много от тебя будет проку, если у тебя прямо сейчас отвалится нога?»

Макс не стал вставать с пола. Предупредительные выкрики людей в белом только-только отзвучали, хотя сам Макс дал бы на отсечение если уж не голову, то ногу, что должно было пройти уже минут десять как минимум. Однако он ясно понимал при этом: поднимись он сейчас в полный рост — и штурмовые винтовки на него направит сразу десяток «людей в белом». Никто не станет вникать, что он тут — главный заложник, ради спасения которого *белый отряд* и ворвался сюда. Так что Макс только чуть приподнялся, вытянул руку и выдвинул маленький ящик для медицинского инструментария, которым снабжена была каталка.

Вначале его пальцы нащупали похожий формой на авторучку лазерный скальпель. Потом упруго промялось несколько упаковок со шприцами. Но, наконец, доктор Берестов нашарил что, что ему было нужно: медицинские ножницы.

2

Ольга Андреевна почти ожидала, что на неё саму и на Александра Герасимова наденут наручники. Однако *людям в белом* явно стало не до таких пустяков. Они не успели даже отогнать красный «Руссо-Балт» от дверей ангара до того, как получили приказание начинать штурм.

Ну, то есть: Ольга предположила, что они его получили. Сама-то она этого не слышала. Она только собиралась протестовать: требовать, чтобы ей вернули если уж не сумочку, то хотя бы папку с бесценной рукописью. И тут человек, которому её вещи передали, плотно прижал к уху левую руку: под капюшоном белой камуфляжной формы у него явно имелась гарнитура — наушник и микрофон.

— Слушаю! — произнес он резко, потом секунд десять слушал то, что ему говорили, а затем разом как-то весь подобрался и произнес: — Есть приступить немедленно!

Он зашвырнул обратно на переднее сиденье «Руссо-Балта» Ольгину сумочку и картонную папку с машинописными страницами. А потом приказал двоим своим людям:

— Этих — за линию оцепления! — И он указал кивком головы на Ольгу Андреевну и Александра Герасимова.

После чего Ольгу и её спутника подхватили под руки и даже не перевели, а почти что перенесли метров на десять от ангара прочь. Туда, где за неухоженным разросшимся кустарником было припарковано полтора десятка черных внедорожников. Но, хоть перемещали их чуть ли бегом, Ольга всё-таки успела по пути оглянуться.

Их красный электрокар, который так и стоял с включенными фарами, сейчас обтекали справа и слева два потока людей в белой камуфляжной форме. Откуда они только возникли в таком количестве! И в руках у них всех были уже не пистолеты, а винтовки с короткими стволами. Этим людям даже не пришлось выбивать дверь ангара — она так и осталась незапертой после того, как внутрь проскользнула Мария Рябова.

«Она с самого начала знала, что дверь не на замке, — подумала Ольга. — Потому и не велела таранить её электрокаром, как предлагал Александр. Понимала, что в этом нет никакой необходимости. А уехать отсюда на «Руссо-Балте» нам в любом случае не светит — даже если мы сумеем ускользнуть от господ в камуфляже. К «Руссо-Балту» теперь и комар не подлетит незамеченным».

Однако это всё-таки были мысли вторичные, несущественные. Куда больше Ольгу волновало другое: не подстрелят ли эти господа из своих короткоствольных винтовок и саму Марию Рябову, и того человека, за которым они приехали: Максима Алексеевича Берестова?

Они с Александром не могли видеть, что происходит возле ангара: их заставили встать спинами к нему. И Ольга Андреевна изо всех сил прислушивалась — не раздадутся ли звуки выстрелов? А потому чуть не подпрыгнула от неожиданности, когда Александр Герасимов произнес ей в самое ухо:

— У меня была когда-то такая машина.

Александр даже не пришлось шептать — его слов и так никто не расслышал бы за то топотней множества ног, обутых в тяжёлые ботинки, бряцанием оружия и резкими выкриками, которые долетали со стороны ангара. Да и те двое людей в белом, которых оставили стеречь Ольгу Булгакову и Александра Герасимова, стояли от них в паре шагов. И куда больше внимания уделяли звукам начавшегося штурма, чем двоим задержанным.

При словах своего спутника Ольгу изумленно вскинула взгляд — не поняла, с какой стати Александр заговорил про машину? А тот истолковал её удивление по-своему.

— Ну, не совсем у меня, — быстро прибавил он и тут же смешался, решив, очевидно, что сморозил глупость. — То есть, я хочу сказать, такую же машину водил тот, кто...

Он говорил уже слишком долго. Их охранники вполне могли вспомнить о своем задании и обратить на них с Александром внимание. Да и Ольга вполне уразумела, что Александр хочет ей сказать.

— Я поняла, — оборвала она его. — Вы имеете в виду, что знаете, как завести такой внедорожник без ключа?

Александр издал такой отчётливый вздох облегчения, что Ольга была уверена: теперь их конвоиры уж точно что-то заподозрят. И — да: один из этих двоих повернул к ним с Александром голову. Однако Ольгин спутник вновь сотворил нечто невообразимое.

— Не могли бы вы нам помочь, господин офицер? — произнёс он самым обыденным тоном. — Моя знакомая и я — мы очень сильно замерзли. Может быть, вы пустоте нас в кабину какой-нибудь вашей машины — немного погреться?

Их охранник в первый миг явно удивился — нахмурился, собрался что-то спросить.

Даже губы сложил в подобие буквы «О». Но почти тотчас черты его лица расслабились, на устах вместо вопроса возникла полуулыбка, и он сделал шаг к одному из черных внедорожников.

Только тут Ольга сообразила, наконец, в чем было дело. И, крепко ухватив Александра за рукав, прошептала ему в самое ухо — пусть даже никто из посторонних не мог слышать её слов:

— Нет! Сделайте так, чтобы они пустили нас в *нашу* машину!

Во-первых, Ольга не верила, что они сумеют далеко уехать на угнанном внедорожнике с эмблемой ОСБ на номерном знаке. Во-вторых, на данный момент они с Александром сохраняли свое инкогнито для «белого отряда»: их документы так никто и не проверил. И они формально оставались чисты перед законом — что мгновенно изменилось бы, задержи их с поличным: на угнанном транспортном средстве правоохранительных органов. Но, главное, в красном «Руссо-Балте» находился единственный легальный экземпляр пьесы, написанной полтора века тем человеком, которому Ольга приходилась правнучатой племянницей. Пьесы, где одного несимпатичного персонажа звали герром Ассом.

3

Макс вытащил из ящика ножницы — медицинские, со скруглёнными концами. И одним движением взрезал карман спящего амбала. Ножницы оказались заточены просто превосходно. На лету Макс подхватил приспособление в виде брелока, которое чуть было не вывалилось на пол. И, переведя дух, поднес брелок вплотную к своему ножному браслету — намереваясь разблокировать его и наконец-то избавиться от этого *украшения для устрашения*. Но — допустил ошибку: не отложил ножницы, прежде чем делать это. Так и держал их в одной руке.

И тут кто-то проорал прямо у него над головой:

— Немедленно бросить оружие! Открываю огонь на поражение!

Макс даже не понял сперва, что обращаются к нему. Во-первых, в словах этих ему опять послышалась какая-то нелепая театральщина. А, во-вторых, не мог же хоть кто-то и вправду счесть оружием ножницы с круглыми концами, которые он держал чуть выше пола — даже и не пробовал поднять их или, паче того, ими размахивать? Но, когда он повернул голову на голос, то чуть ли не возле своего носа увидел дуло «Севастополя». И тот, кто штурмовую винтовку держал, имел такое выражение лица, что ясно было: для него во всем происходящем даже и намека на театральщину не было.

Макс моментально разжал пальцы, и ножницы с лязгающим звуком упали на пол.

— И второй предмет — тоже! — приказал человек с винтовкой.

И Макс чуть было не произнес вслух: «Да вали ты на...!»

Неизвестно, как среагировал бы на столь явное неповиновение человек в камуфляжной форме. Макс не считал, что тот и в самом деле выстрелил бы ему в голову — даже если бы услышал, как его обматерили. Но вот схлопотать за такое по макушке прикладом короткоствольной винтовки он, доктор Берестов, мог запросто.

Однако до этого дело не дошло.

— Этот господин не вооружен, — услышал Макс чуть хриловатый женский голос, ему знакомый. — Нет никаких причин направлять на него оружие. Опустите вашу винтовку!

Когда эти слова прозвучали, человек в белом повел стволом штурмовой винтовки вверх. Явно направил её дуло на женщину, что стояла позади Макса, сразу за каталкой. И в первый момент Макс решил: сейчас прогремит выстрел. Однако затем с обладателем винтовки начало происходить нечто странное. Взгляд его внезапно расфокусировался, поплыл и стал неосмысленным, чуть ли не как у новорожденного младенца. Он явно перестал замечать и самого Макса, и женщину у того за спиной. А потом — бывают же чудеса! — человек в белом опустил штурмовую винтовку, обратил её ствол вертикально вниз. И прямо так — держа оружие не на изголовку, как положено, а в не боевом положении — развернулся и побежал прочь. Вглубь ангара, где, судя по всему, сейчас и разворачивались главные события.

«Если его командир заметит, как он держит оружие при штурме, парня непременно попрут из ОСБ», — с нервным смешком подумал Макс. И только после этого перевел взгляд на Марию Петровну.

4

Макс и самому себе не сумел бы ответить, пошел он с Настасьиной матерью по своей воле, или же с ним произошло то же самое, что и с человеком, сжимавшим в руках «Севастополь»? Да, он, доктор Берестов, знал об абберациях, которые возникали порой у регрантов. Но ни с чем подобным ему не только не доводилось сталкиваться — он даже не слышал ни об одном случае, когда *возвращенные* проявляли бы такие способности к гипнотическому внушению. А в том, что это было именно оно, Макс не усомнился ни на секунду. В специализированных учреждениях корпорации «Перерождение» имелись, среди прочих врачей, и квалифицированные психотерапевты. И доктору Берестову случалось за их сеансами наблюдать. Но — даже им не удавалось добиться столь высокой эффективности воздействия на своих подопечных.

Вот только — обманывать себя Макс не желал: он пошёл бы с этой женщиной при любом раскладе. Не мог не пойти — после того, как она сообщила ему, куда именно они поедут.

Правда, он попробовал было протестовать, когда понял: Мария Петровна Рябова не позволит ему оказать помощь герру Ассу. Хотя и странно было бы ожидать чего-то иного, с учётом того, что она сама же и размозжила здоровяку голову. Однако Макс решил: в *белом отряде* наверняка найдётся собственный врач. И, если герра Асса ещё можно будет спасти — в чем Макс отнюдь не был уверен, — то его, вероятнее всего, спасут. Главное же — Мария Петровна всё-таки не ударила его кастетом во второй раз.

— Вот уж нет, судпрыня! — Макс, который к тому моменту уже поднялся на ноги и стоял рядом с Марией Рябовой, крепко схватил её за правую руку, когда она занесла кастет над окровавленной головой здоровяка. — Даже и не думайте добивать его! Если у вас и вправду есть на меня какие-то планы — не смейте! Иначе я вам в ваших планах не помощник.

Мария Рябова в очередной раз подняла брови в насмешливой гримасе, но — кивнула Максусу:

— Ладно, уходим отсюда!

Она с удивительной легкостью высвободила руку из его пальцев и первой пошагала к распахнутым дверям ангара. С момента, как начался штурм, наверняка прошло менее двух

минут: топот и грозные голоса людей в белом еще не успели перекрыть гвалт и восклицания тех, кого они застали тут врасплох. Но, по крайней мере, пока еще не прозвучало ни одного выстрела. И это внушало осторожную надежду, что никакого побоища сегодня, в праздник Рождества, здесь не произойдет.

Однако мешкать они с Марьей Петровной никак не могли. Макс даже не стал тратить время на то, чтобы снять со своей щиколотки браслет-пилу. Просто опустил в карман зимней куртки брелок, принадлежавший усыпленному Настасьиной матерью амбалу. Но сперва вытащил из кармана и бросил на пол свой бейджик с прищепкой — от которого ему, доктору Берестову, оказалось так мало проку.

Нельзя сказать, что на пути к выходу их не пытались остановить. Раза три или четыре люди в белом обращались к Марье Петровне. Хватали её за рукава парки. И один раз на женщину даже наставили винтовку. Однако со всеми этими людьми Настасьяина мать решила все проблемы быстро и легко. И времени у неё ушло на это не больше, чем только что — на обработку человека с винтовкой, которого она заставила не только отвести оружие от Макса, но и вообще позабыть про него.

А потому — Макс вполне ожидал, что они с Марьей Петровной покинут ангар без особых препон. Однако кое-чего он уж точно не предполагал. Когда они выскочили в морозную ночь, Макс увидел, что прямо у входа в ангар их поджидает красный «Руссо-Балт», который он купил в подарок Настасье, своей невесте. Это была та самая машина — Макс отлично помнил её номер.

Он заозирался по сторонам — в странной уверенности, что и *(его бывшая невеста)* сама Настасья окажется рядом. Но Марья Петровна уже подталкивала его к распахнутой задней дверце электрокара:

— Не медлите! — почти прокричала она. — Неизвестно, сколько еще я смогу их всех удерживать! Мои возможности не безграничны! По крайней мере, сейчас.

Шуба и шапка помогали плохо: Настасья Рябова ощущала, что ночной январский холод вот-вот обратит её в ту самую Снежную Королеву, сказку о которой ей когда-то читал дедушка. Её настоящий дедушка — а не её отец, который трансмутировал в своего тестя Петра Сергеевича Королёва, а потом девять лет морочил голову собственной дочери. Уверял Настасью, что оба её родителя погибли в тот страшный летний день, на Рижском взморье. И Настасья вполне отдавала себе отчёт: то, что она сделала сегодня, в куда большей степени было её мщением за те девять лет обмана, чем попыткой восстановить справедливость. Да что уж там: на справедливость ей вообще было плевать. Как всем, похоже, стало плевать и на саму Настасью — после того, как господин Ф. под страхом ареста запретил журналистам снимать девушку или просить у неё интервью. А для верности еще и поручил свои сотрудникам отгонять от неё потенциальных интервьюеров. И сейчас, когда вокруг суетилось столько народу, про саму Настасью все словно бы позабыли. Она чувствовала себя так, как если бы на неё надели плащ-невидимку из книжек о Гарри Поттере.

Настасья поежилась в своей норковой шубке и начала оглядываться по сторонам, ища взглядом Ирму. Но той нигде не было видно. Она как будто сквозь землю — точнее, сквозь крышу, — провалилась. Исчез куда-то и полковник Хрусталев. Хотя в его случае всё как раз могло объясняться просто: на проштрафившегося полицейского снова надели наручники. И увели куда-нибудь подальше от журналистов. Но ведь на Ирму-то уж точно здесь наручники не надели бы — попробовал бы кто-то проделать подобное с красавицей-адвокатессой! И как Ирма могла бросить свою подругу в такой момент? Исчезнуть невесть куда?

И, чтобы хоть как-то отвлечься — перестать отчаянно жалеть саму себя — Настасья перестала оглядывать крышу башни со спутниковыми антеннами, каждая — размером с великанскую тарелку. И стала смотреть на гигантский город, простиравшийся внизу.

Ночь катилась к исходу. И Настасье Рябовой показалось: она видит далеко на востоке, возле самого горизонта, полосу постепенно светлеющего неба. Впрочем, это вполне могло быть не подступающим рассветом, а отражением огней бессонного мегаполиса, где ярко освещена была отнюдь не одна только башня ЕНК.

Со своего места на крыше девушка видела: по широкой улице, что вела к штаб-квартире Единого новостного канала, движется целый поток машин. И, судя по тому, что огни фар она видела исключительно жёлтые — не красные, — все эти электрокара ехали в одну сторону: к башне небоскрёба со спутниковыми антеннами.

Отсюда, с этой высоты, Настасья также сумела разглядеть здание гостиницы «Ленинградская», где сейчас Гастон наверняка места себе не находил от одиночества и беспокойства. И еще — Настасья увидела очертания Большой Никитской улицы, где они с Максом так недолго прожили в квартире его отца. Который так хотел, чтобы у них всё сложилось!

И Алексей Федорович Берестов, будто уловил, что Настасья подумала о нем: шагнул к ней откуда-то из-за спин серьезных людей в штатском, что обступили её сейчас со всех сторон. Девушка ожидала, что отец Макса будет выглядеть расстроенным, разозленным, возможно — станет глядеть на неё с осуждением. Однако Алексей Федорович смотрел на

Настасью так, словно она по-прежнему была невестой его сына. Взгляд Берестова-старшего выражал нечто вроде скрытого одобрения, но ещё больше в нем содержалось хмурой сосредоточенности.

— Прости, Настасьюшка, — сказал он, — что я не подошёл к тебе раньше. И что я всё это допустил. Но, видно, такова уж моя планида — не выходит у меня защитить тех, кто мне дорог. И этот субъект, — он кивнул на человека с плакатом, так и стоявшего на парапете крыши, — явно меня имеет в виду. Ну, то есть — меня имел в виду тот, кто его этим плакатом снабдил. *Во всем виноват отец.*

Настасья решила: Алексей Фёдорович ничего не знает о том, что произошло вчера.

— Я бросила Макса, — сказала она. — Причем *бросила по телефону*, можете себе такое представить? — Она издала смешок, хотя больше всего ей в тот момент хотелось разрыдаться.

— Я всё знаю, — кивнул Алексей Фёдорович с таким спокойным выражением на лице, словно речь шла о какой-то малозначительной глупости. — Твой отец признался мне: это он убедил тебя поступить так.

— Мой отец тут не при чем! — Настасья прямо-таки взвилась; она даже сама не ожидала от себя такой бурной реакции. — Это я пошла у него на поводу! Я! И не надо и это сваливать на него! Вы ещё скажите, что надпись на том плакате — и о моём отце тоже!

— Я так не думаю. — На сей раз Алексей Фёдорович отрицательно покачал головой. — Если он во всем этом бардаке и виноват, то всего лишь косвенно. А ты, Настасьюшка, и подавно не должна ни в чем себя винить!

— Да с чего вы взяли, что я себя виню? — возмутились Настасья.

Однако Алексей Берестов будто и не слышал её слов.

— Максимка, — проговорил он, — очень тебя любит. Сильнее любит, чем хочет самому себе признаться. Но он слишком поглощен в последнее время... *другими делами*. Это его стремление реабилитироваться в собственных глазах — оно его прямо-таки ослепило его. Он должен был понять, что твой отец попытается манипулировать им через тебя. И что ты попадешь под удар независимо от того, станешь ты слушать своего отца или нет. Погоди, не перебивай! Но Максимка предпочел думать, что он этого не понимает. Наверное, иначе ему было бы слишком страшно стоять на своём — добиваться внедрения реградации любой ценой.

— Макс уж точно ни в чем не виноват, — произнесла Настасья тусклым голосом, а потом — больше для того, чтобы сменить тему разговора, спросила: — И, кстати, а вы не видели Ирму фон Берг? Она запропала куда-то...

Настасья хотела сказать: *сразу после моего заявления*, но Алексей Фёдорович и так её понял.

— Я заметил, как она уходила с крыши вместе с тем полицейским полковником — Хрустальевым, — сказал он. — Это было с четверть часа назад.

— С кем, с кем? — изумилась Настасья. — С Хрустальевым? Но как же его отсюда выпустили? Ведь он...

Договорить она не успела. Будто из воздуха перед ними возник господин Ф. — который, как и Макс, выглядел несообразно молодым.

— Мне только что сообщили, — сказал он. — Они все едут сюда.

Красный «Руссо-Балт» летел по ночной Москве, явно превышая все скоростные лимиты. Хорошо ещё, что улицы в этот предрассветный час были почти что пустынные. И Макс не мог взять в толк, для чего им нужно так гнать сейчас? Их явно никто не преследовал. А подчиненные герра Асса теперь при всем желании не смогли бы выполнить указания своего босса.

Впрочем, Макса беспокоила отнюдь не перспектива того, что дорожная полиция остановит их за превышение скорости. На такие вещи в Москве давно перестали обращать внимание — слишком уж невысокой стала теперь интенсивность движения в Первопрестольном граде. Нет, стыдясь самого себя, Макс должен был признать, что он слишком опасается скорой встречи с Настасьей. И рад был бы оттянуть эту встречу хотя бы ненадолго.

При этом он, Максим Берестов, почти не удивился, когда увидел на переднем сиденье «Руссо-Балта» своего знакомого Александра Герасимова, который то и дело оглядывался, чтобы бросил на Макса преисполненный презрения взгляд. Тот поначалу хотел заговорить с Сашкой: извиниться за своё вранье. Но потом решил: этому молодому человеку его извинения даром не нужны. А потому вместо этого Макс предпочел по-быстрому разобраться со своим ножным браслетом. Марья Петровна Рябова явно заметила, как он снял и куда положил это свое украшение, но ничего по этому поводу не сказала.

Она вообще почти ничего не говорила с того момента, как «Руссо-Балт» отъехал от окруженного ангара. И даже не удосужилась представить друг другу тех, кто катил сейчас по Москве в красном электрокаре.

Максим Берестов, пожалуй, не испытал бы удивления, если бы в машине с ними оказалась еще и фокусница Наташа Зуева. Однако женщину, что вела сейчас электрокар по ночным московским улицам, он, Максим Берестов, никогда прежде не видел. Хотя черты лица незнакомки упорно казались ему знакомыми. И вот это, пожалуй, удивляло его по-настоящему.

Марья Петровна наконец-то заметила, как пристально Макс разглядывает отраженное в зеркале лицо этой женщины. И решила всё-таки этикетом не пренебрегать.

— Разрешите представить вас друг другу, — проговорила она. — Ольга Андреевна, как вы, вероятно, уже поняли, наш новый пассажир — это Максим Алексеевич Берестов. А вам доктор Берестов, я рада представить Ольгу Андреевну Булгакову, которая любезно согласилась довезти всех нас до пункта назначения. В обычное время — когда Ольга Андреевна не участвует в подобных приключениях, — она заведует литчастью Художественного театра. Который, между прочим, носит имя одного из её родственников.

«Так вот оно что! — подумал Макс. — Вот почему это лицо мне показалось смутно знакомым! Семейное сходство даже через столько поколений заметно».

А вслух сказал:

— Да, колода и вправду тасуется причудливо...

Даже в зеркале было видно, как лицо Ольги Булгаковой озарило приятное удивление.

— Так вы тоже поклонник творчества Михаила Афанасьевича — как и ваша матушка? — спросила она.

— А откуда вы знаете, каковы были литературные пристрастия моей матушки? — изумился Макс.

И по выражению лица Ольги Булгаковой он тотчас понял, что этот вопрос отчего-то

смутил молодую женщину.

— Видите ли, — выговорила она, наконец, — несколько часов назад ко мне в театр приехал ваш отец. Собственно, из-за этого я и оказалась в итоге за рулём этой машины. Она ведь принадлежит Настасье, вашей невесте, не так ли?

— Да, машина принадлежит Настасье, *дочери Марьи Петровны*. — Он вдруг страшно разозлился и ощутил адскую, непереносимую усталость.

3

Когда господин Ф. назвал имена всех четверых, что ехали сейчас к башне ЕНК на Настасьином «Руссо-Балте», у Алексея Фёдоровича Берестова вырвался отчётливый вздох облегчения. А вот сама Настасья ощутила такой страх, какой испытывала всего лишь пару раз в жизни — в прошлом году. Один раз — когда она и её тогдашний жених Ивар Озолс едва не попали в лапы к колберам. И ещё — чуть позже, когда ныне покойный Мартин Розен, лидер пресловутых «Добрых пастырей», пытался изнасиловать её на площадке для выгула собак за мотелем «Сириус».

Однако тогда её страх имел под собой вполне реальную почву. Кто не испугался бы на её месте? Теперь же Настасья не могла бы и самой себе объяснить, от чего именно сердце в её груди начало кувыркаться, словно какой-нибудь цирковой акробат. Впрочем, быть может, и не как акробат, а как коверный клоун. В последний раз Настасья была в цирке десять лет назад. Тогда она ещё ходила в гимназию вместе со своим другом Иваром. Тогда её родители ещё носили свои собственные лица — не краденые. И тогда она еще понятия не имела, что означает слово «трансмутация».

А теперь между двумя кувирками своего сердца Настасья попробовала понять, что именно привело её в такой ужас. Мысль о том, что ей придётся рассказать Максиму всю правду? Что он её не простит, даже если эту правду узнает? Или — самое худшее: что ей всё-таки придётся выдвинуть Максиму то требование, о котором говорил её отец. Потому что — её отец, которого она предала, как предала до этого (*обоих своих женихов*) своего жениха, мог быть в чем-то прав.

И — да: пожалуй что именно мысль о возможной папиной правоте и ужасала Настасью больше всего. Но обдумать это, оценить, так ли это на самом деле, она не успела. Потому как господин Ф., который неотрывно на неё глядел и явно догадывался о каких-то её мыслях, сказал:

— Но, пока они не приехали, вы, Настасья Филипповна, должны переговорить с вашим отцом. Его сейчас отвели в кризисный центр — до выяснения обстоятельств. И я готов немедленно проводить вас туда.

Алексей Фёдорович открыл было рот — явно хотел предложить пойти с ними вместе. Однако потом перехватил взгляд Настасьи и предпочёл промолчать.

— В чем его обвинят — моего папу? — Сердце Настасьи снова сделало кувырок, и эти слова у неё вышли сдавленно — как бывает при сильной нехватке воздуха.

— Пока что он подозревается в присвоении чужой личности и мошенническом захвате руководства корпорацией «Перерождение». Но... — Господин Ф. на миг запнулся, однако потом все же продолжил: — Есть обвинения даже более неприятные. Потому-то корпорация «Перерождение» и попала в поле зрения ОСБ — ещё даже до нынешнего кризиса. Ваш отец несколько месяцев экспериментировал с геномом животных. Ставил, скажем так, не вполне

этичные и не вполне законные эксперименты.

— Вы имеете в виду, — спросила Настасья, — что он испытывал на макаках биотехнологию, над которой он работал?

Она чуть было не сказала: *технология регрессии*. Однако — скажи она это, и пути назад уж точно не было бы. Тогда бы ей точно пришлось выдвинуть Максиму то чудовищное требование. И её отец все-таки получил бы то, чего добивался — даже не сделав своё нынешнее заявление. И для чего тогда, скажите на милость, она, Настасья, помешала ему?

— Про эксперименты с макаками нам ничего не известно. — Господин Ф. глянул на девушку с острым интересом. — Но об этом, пожалуй, мы сможем побеседовать позже. Если вы сами этого захотите. Говоря о животных, я имел в виду эксперименты с другими млекопитающими. Например, ОСБ владеет достоверной информацией о том, что при вашем отце в корпорации «Перерождение» было создано несколько кибер-генетических копий вашей с Максимом Берестовым собаки — чёрного ньюфаундленда по кличке Гастон. Причем копии эти были модифицированы — с целью... Ну, впрочем, о цели вы сами сможете спросить своего отца.

Вот тут Настасья и вправду опешила.

— Я не понимаю, — она тряхнула головой, так что шапочка её немного съехала набок, — что это значит: *кибер-генетических копия*?

Но, к её удивлению, ответил ей не руководитель ОСБ, а отец Макса.

— Думаю, я знаю, что это значит, — сказал Алексей Фёдорович. — В прошлом веке вышел роман замечательного писателя-фантаста Клиффорда Саймака — «Заповедник гоблинов». И там в некий момент будущего люди научились создавать биомеханических животных, часто — на основе генетического материала давно вымерших представителей фауны. Такие *биомехи* внешне были неотличимы от обычных биологических существ, только — не росли, не старились и могли жить практически вечно.

— Ваша аналогия просто великолепна! — Господин Ф. даже тихонько рассмеялся от удовольствия. — Да, биомехи Клиффорда Саймака! Я ведь и сам когда-то читал «Заповедник гоблинов», но вот, поди ж ты, не вспомнил!

— То есть, — решила уточнить Настасья, которая так разозлилась, что даже сердце её перестало кувыркаться — стучало теперь сильно и яростно, — мой отец решил заняться выведением киборгов-собак? И где-то в «Перерождении» сейчас находится несколько искусственно созданных Гастонов? Несколько его дубликатов?

— В том-то и проблема. — Господин Ф. поморщился. — Дубликат сейчас остался только один. Все остальные кибер-собаки не выжили. Погибли в мучениях. Буквально распались на фрагменты. Технология-то пока несовершенна... Ну, вы сами это понимаете. Но последний опыт вашего отца оказался удачным: Гастон Девятый пока что жив и здоров.

Настасью замутило: она представила, как разваливались на части все предыдущие версии Гастона — которые наверняка не понимали, что с ними происходит. И знать не знали о том, что они не собаки, а какие-то биомехи, которых даже не считают живыми существами.

И снова подал голос Алексей Берестов:

— Но я не понимаю, зачем профессору — в смысле, отцу Настасьи, — всё это понадобилась? Он что — решил продавать миллионерами за бешеные деньги вечных собак?

— О том, что именно он планировал с ними делать, Настасья Филипповна тоже сможет у него спросить. Если пожелает, конечно. У ОСБ есть соображения на этот счет, но лучше

как говорится, получить информацию из первоисточника. А сейчас, — господин Ф. мягко взял Настасью за локоть, — нам пора идти!

— А он? — Настасья указала на человека с плакатом. — Сколько ещё он будет здесь стоять?

Господин Ф. снова поморщился.

— Полагаю, — сказал он, — до того момента, пока крышу не покинут все операторы с телекамерами. Если мы сейчас принудительно выведем его отсюда — эти кадры увидит вся Конфедерация. И вы сами понимаете, как это скажется на имидже той организации, которую я представляю.

4

Макс понимал: эта женщина, что вела сейчас «Руссо-Балт», недавно виделась с Настасьей. И что-то знает о ней. Однако расспрашивать её в присутствии Марии Рябовой и, главное, Александра Герасимова — совершенно постороннего человека, — Макс не мог. Язык не поворачивался. И вместо этого он сказал:

— Ну, по крайней мере, Настасье ничего не грозит теперь — когда всех подельников герра Асса арестовали. Теперь уж точно им не пробраться в башню ЕНК.

Правда, Макс тут же подумал: только ведь они действовали по наущению самой Марии Рябовой там, в санатории «Перерождения»! И, стало быть, та акция, которая была запланирована в башне ЕНК, тоже могла быть частью её замысла.

Настасьиная мать медлила не меньше минуты, прежде чем ответить хоть что-то. Но потом всё-таки выговорила:

— Боюсь, всё не так просто, Максим Алексеевич. В штаб-квартире ЕНК очень скоро произойдет кое-что. И предотвратить это не в моей власти. Потому-то я и попросила Ольгу Андреевну поспешить.

У Макса даже в глазах потемнело, и он чуть было не выматерился вслух — прямо в присутствии правнучатой племянницы Михаила Афанасьевича Булгакова. И он впервые пожалел о том, что выбросил в ангаре свой бейджик с микрофоном.

— Вы хотите вывести оттуда Настасью, прежде чем всё случится. — Это не был вопрос. — Но ведь там и других людей немало. Вы обязаны прямо сейчас позвонить в штаб-квартиру ЕНК. Не хотите светить свой нелегальный мобильник — так я подскажу вам другой способ.

— Никаким способом дозвониться сейчас в штаб-квартиру ЕНК мы не сумеем, — сказала Марья Петровна Рябова; в речи её проступил легчайший прибалтийский акцент — наследие Карины, сестры Ивара Озолса. — На Едином новостном канале еще не поняли этого, но туда уже больше часа не проходят входящие вызовы из Москвы и с территории Московской губернии. А когда выяснится, что произошло, все следы саботажа будут вести к фирме вашего, Максим Алексеевич, отца — к «Законам Ньютона».

— Вы сумасшедшая. — Это произнес даже не Макс — это выговорила Ольга Булгакова. — Но зачем, зачем вам это понадобилось?

— Ну, — Мария Рябова чуть пожала плечами, — во-первых, я не хотела, чтобы моим планам помешали. Откуда ж мне было знать, что мой муж притащит туда Настасью? А, во-вторых, должна же я была подстраховаться на случай, если никто не заподозрит Алексея Федоровича Берестова в том, что это он выбрал тот псевдоним для руководителя бандгруппы

— *gerp Ass?* И, стало быть, Берестов-старший и руководил его действиями.

Тут уж не выдержал Сашка Герасимов — который до этой минуты только с потрясенным видом слушал Марью Петровну, вывернув шею.

— Да что же вы молчите, доктор? — воскликнул он. — Почему не спросите у этой, — он еще сильнее выкрутил шею, чтобы кивком указать на Марью Петровну, — какого лешего она решила подставить вашего отца?

Но Макс не пожелал ни о чем спрашивать — для него ответ и так был очевиден. А, главное, он, доктор Берестов, моментально понял, как можно обойти то препятствие, о котором говорила Марья Петровна. Она явно получила от Карины не только прибалтийский акцент. Как и сестра бедного Ивара, Настасьяина мать при всей своей изощренной хитрости обладала прямо-таки редкостной негибкостью ума. И это давало шанс — им всем. Нужно было только не сплеховать — сделать всё правильно.

1

Фил не понял сперва, что имеет в виду его дочь, когда та задала свой вопрос. Все мысли его сейчас были даже не о Настасье, которая опять решила показать характер в самый неподходящий момент. Он мог думать только лишь о Маше. О том, на что она окажется способна теперь, когда он, её муж-неудачник, больше не может никоим образом ей помешать.

— Так всё-таки, папа, — повторила свой вопрос Настасья, — для чего ты решил клонировать Гастона? Ну, то есть — создать его кибер-клонов? Или как это у вас там, в «Перерождении», называется?

— Я создавал кибер-генетический копии твоего ньюфаундленда, это правда, — сказал Фил, а потом, решив, что бессмысленно теперь наводить тень на плетень, пояснил: — Я делал это потому, что не мог позволить себе ставить подобные эксперименты на людях.

Он увидел, как прекрасные зелёные глаза его Настасьи расширились от гадливого ужаса.

— То есть, — уточнила она, — ты издевался над собаками, потому что не имел возможности издеваться над людьми?

И эта её фраза расстроила Фила даже больше, чем давешняя эскапада на крыше.

— Я получил бы возможность использовать людей в качестве объектов, если бы захотел, — сказал он. — Только я хотел совсем другого.

— И чего же?

— Я хотел создать прототип существа, которое не будет поддаваться воздействию таких людей, как твоя мама. Существа, которым невозможно будет манипулировать.

Настасью его слова привели в такую ярость, что она, казалось, и не услышала, что он сказал сейчас про её мать. Не придавала этому ровно никакого значения.

— Ну конечно, — сказала она таким ровным тоном, какой у неё появлялся только при экстраординарных попытках скрыть свой гнев, — право манипулировать другими ты оставляешь за одним собой! И у тебя здорово получается! Ты даже и меня сумел убедить, что я должна буду добиться от Макса признания его *неполного авторства* в технологии реградации в обмен на наше с ним воссоединение! Чтобы тяжба об авторских правах тянулась потом годами. И суд наложил бы запрет на официальное применении этой технологии твоим «Перерождением».

— Во-первых, оно уже больше не мое. Благодаря тебе, дочка. А, во-вторых, у мен, уж точно получилось все крайне неловко. Будь я таким уж ловкачом — уж точно не сидел бы сейчас здесь.

Он повёл рукой, обводя помещение кризисного центра, сейчас наполовину опустевшего. И тут на одном из столов — шагах в десяти от Фила и его дочери — зазвонил телефон.

2

Ирма фон Берг точно знала: она еще пожалеет о том, что ввязалась в это дело. Однако

сейчас она испытывала ощущение, которому самое подходящее название было — охотничий азарт. И справиться с этим азартом, пренебречь им, она никак не могла. А главное — она никак не могла совладать с удивлением и любопытством, которые ею овладели, когда она увидела, как полковник Хрусталев преспокойно уходит с крыши штаб-квартиры ЕНК. И никто ему в этом не препятствует.

Конечно, первой мыслью Ирмы было: они тут все заодно. И до этого пресловутый господин Ф. приказывал надеть на Хрусталева наручники просто для виду, для отвода глаз. Но потом она поняла: нет, тут что-то другое.

Полковник Хрусталев проходил сквозь весьма плотную толпу сотрудников правоохранительных органов — и никто полковника слово бы и не замечал. И барышня фон Берг не утерпела — двинулась за ним следом.

Преследовать полковника оказалось совсем не так просто. Его-то вроде бы не замечал никто, а вот на саму Ирму пялились поголовно все мужчины, что встречались ей по пути. Такие красотки, как она, явно не попадались им на каждом шагу.

Между тем полковник Хрусталев спустился с крыши на верхний этаж башни ЕНК и деловито пошагал к лифтам. Шёл он, ни на кого не глядя и не озираясь по сторонам — хотя бы это оказалось на руку барышне фон Берг. Она сумела подойти к нему со спины чуть ли не вплотную, а полковник остался в неведении относительно её присутствия. Уж конечно, садиться с ним в одну кабину лифта Ирма не планировала, зато она сумела увидеть, какую кнопку Хрусталев нажал на панели. Дверцы лифта плавно сошлись, и кабина, в которой не было никого, кроме самого Хрусталева, поехала вниз.

Ирма тут же устремилась к соседнему лифту, но уехать в нем одной, без попутчиков, ей не удалось. И все они следовали совсем не туда, куда нужно было Ирме: кабина останавливалась четыре раза, прежде чем поехала безостановочно вниз. Так что, когда барышня фон Берг, догоняя Хрусталева, выскочила из лифта на самом нижнем ярусе автостоянки, полковника нигде видно не было.

Ирма завертела головой, шепотом ругаясь по-немецки. И даже собралась обежать обширную автостоянку по периметру — благо, машин здесь было немного и обзор почти ничего не перекрывало. Однако и саму барышню фон Берг при этом было бы отлично видно. Так что она чуть замешкалась — и это неожиданно ей помогло.

Шагах в пяти от лифта в полу имелась решётчатая дверка — явно ведущая в какое-то техническое помещение. И сквозь эту дверку наружу сейчас пробивался неяркий голубоватый свет.

Ирма колебалась ровно одну секунду. А потом шагнула к дверке, наклонилась и просунула пальцы в широкие прорезы. Беззвучно и удивительно легко дверка эта распахнулась, и барышня фон Берг увидела стальную лесенку, ведущую вниз. Там, в этом подвале под автостоянкой, раздавались тяжёлые, явно мужские, шаги.

И на сей раз Ирма даже раздумывать не стала — сразу же начала спускаться.

Как Макс и рассчитывал, им даже не пришлось останавливать машину, чтобы сделать телефонный звонок. Настасьин «Руссо-Балт» был оборудован радиотелефоном — которые нынче, в эпоху информационной инволюции, не попали под официальный запрет в отличие от мобильных.

— Один звонок, — сказала Марья Петровна, которая явно удивилась, что ей самой не пришёл в голову такой простой способ обезопасить Настасью. — И уж будьте добры — без фокусов, доктор. Будете говорить только то, о чем мы с вами условились.

Для Максима Берестова наконец-то воссоединились детали безобразного паззла, которые так долго и старательно разбрасывала Марья Петровна Рябова. Да ещё и её муж ей помогал — искренне считая, по-видимому, что он пытается её остановить. И, даже если отдельные фрагменты этого паззла и не желали пока что вставать на место, общая картина вырисовывалась перед Максом уже совершенно ясно.

План, который составила Настасьяина мать, предполагал, что он, доктор Берестов, должен публично раскрыть своё инкогнито. Для этого и был затеян весь трагифарс с захватом подмосковного санатория корпорации «Перерождение». Именно Мария Рябова, отлично знавшая, как выглядит сейчас жених её дочери, и сообщила журналистам его приметы. И понапрасну он, Макс, заподозрил в этом профессора. Тот много чем ему подгадил, но в этом не был повинен ни сном, ни духом. А вот его жена разыгралась всё как по нотам: её несостоявшийся зять вынужден был признать свою истинную личность — думая, что спасает заложников. И после этого обратной дороги — в спокойное безвестное существование — для него быть уже не могло.

Для чего именно это потребовалось Марье Петровне, Макс пока что у неё не выяснил. Однако общую линию он видел так ясно, как если бы Настасьяина мать сама изложила ему всё в деталях. Этой женщине нужно было, чтобы он, Берестов Максим Алексеевич официально встал во главе корпорации «Перерождение», сместив с этого поста её мужа. А потом, уже как президент корпорации, превратился бы в марионетку Марьи Петровны. Иначе для чего бы ей понадобилась вся эта многоходовка с компрометацией его отца? Макс ощутил нечто вроде дежавю, когда понял всё это: почти так же действовал когда-то и его единокровный брат, настоящий Денис Молодцов. Хотя — тот всё-таки был поумнее. Видел картину целиком — не только ту её часть, которую открывало Марье Петровне её туннельное зрение.

Но, по крайней мере, эта зашоренность её внутреннего взора позволяла Максиму сделать то, что он собирался. Обойти блокировку звонков на ЕНК из Москвы и Московской губернии было, конечно же, проще простого. Достаточно было связаться с любым абонентом, что находился за пределами заблокированного региона. И попросить его сделать звонок на Единый Новостной Канал. Причем Макс точно знал, кому именно следует позвонить. Алекс, жених Ирмы фон Берг, находился сейчас в Риге и почти наверняка спал. Но — он состоял на службе в полиции Балтийского союза. Так что телефон на ночь уж точно не отключал. И — Алекс должен был правильно всё сделать. По крайней мере, Макс очень рассчитывал на это.

Трубку взяли уже после второго гудка, и голос молодого полицейского даже не казался заспанным.

— Алекс, это ваш прошлогодний доктор, — сказал ему Макс

И тот мгновенно понял, кто ему звонит — сказал почти что весело:

— Я помню и вас, и вашего чёрного пса. Как, кстати, он поживает?

— Гастон в порядке, — сказал Макс, отнюдь не уверенный, что это и в самом деле так; он даже не знал, где именно Настасья оставила его ньюфаундленда. — Но я звоню вам по делу — из Москвы.

Алекс тотчас напрягся — знал, что в Москве сейчас находится его невеста.

— С Ирмой всё хорошо? — быстро спросил он.

— Потому-то я и связался с вами. — Макс пару секунд помолчал, презирая себя за эту попытку театрального эффекта; однако ему нужно было, чтобы следующие его слова жених Ирмы выслушал с предельным вниманием. — Мне нужно, чтобы вы прямо сейчас позвонили в Москву и передали кое-что от моего имени руководству Единого Новостного Канала. Сам я этот звонок сделать не могу. Не спрашивайте, почему.

4

Фил понятия не имел, кто именно звонил. Уж конечно, к телефону не подошли ни он сам, ни его дочь. Это сделал человек в штатском, который незадолго перед тем сопровождал сюда Настасью. Он безмолвно слушал говорившего целую минуту, потом быстро задал два каких-то вопроса — Фил находился слишком далеко, чтобы их расслышать. А потом положил трубку и перевёл взгляд на Настасью. Та и сама глядела на сотрудника ОСБ — вопросительного, но явно без удивления. Она как будто догадывалась, что это был за звонок — в отличие от самого Фила. Человек в штатском быстро сам позвонил кому-то, а когда положил трубку, тут же направился к Филу и Настасье. Лицо его выражало при этом сосредоточенность и, как ни странно, подобие мрачного удовлетворения.

— Филипп Андреевич, мы только что получили информацию, переданную по просьбе вашей жены, — сказал сотрудник ОСБ, едва подойдя; и Фил поневоле вздрогнул, причём даже не из-за упоминания о жене — он позабыл, когда к нему в последний раз обращались по его настоящим имени и отчеству. — Мария Петровна Рябова сообщила, что в штаб-квартире ЕНК готовится диверсия, последствия которой примут глобальный характер. А за подтверждением её слов посоветовала обратиться именно к вам.

— Ко мне? — Фил сам подивился тому, какое недоумение — прямо как у маленького ребенка — прозвучало в его голосе.

— Именно так. Причем Мария Петровна Рябова через свое доверенное лицо передала нам дословно следующее: штаб-квартиру ЕНК должна немедленно покинуть её дочь Настасья вместе со своим отцом и своей подругой Ирмой фон Берг. Если это будет исполнено, Мария Рябова обязуется нивелировать последствия готовящейся диверсии. Если же это условие соблюдено не будет, то за грядущие последствия она, Мария Рябова, не отвечает. А в том случае, если у кого-то возникнут сомнения в правдивости её слов, то пусть этот кто-то обратится за подтверждением к отцу Настасьи. Потому что, — сотрудник ОСБ выдержал короткую паузу и отчётливо выделил голосом свои следующие слова, — *во всем виноват отец.*

— Это послание почти наверняка правдиво, — сказал Фил. — Но я готов поклясться: составляла его не она. У моей жены, видите ли, возникли когнитивные проблемы из-за её теперешнего состояния. А то, что вы мне сейчас сообщили — это слова человека изворотливого и ловкого. Он ведь ни разу даже не назвал меня по имени, только — отец Настасьи. Так что одна лишь моя дочь могла бы раскрыть моё инкогнито — если бы этого ещё не сделала. А главное — те слова про отца. Слова-то эти — с того плаката. То есть, моя жена де-факто признаётся в том, что про человека на крыше ей всё известно.

Сотрудник ОСБ хмыкнул. Ему явно и самому всё то же самое приходило в голову.

— Я согласен с выводами господина Рябова, — раздался вдруг голос господина Ф., который умудрился так подойти к ним, что все трое заметили его появление только тогда, когда он заговорил. — Полагаю, истинным составителем этого сообщения был Максим

Алексеевич Берестов. Хотя я не представляю, почему он не позвонил сюда лично.

— Думаете, он — пленник? — вскинулась Настасья. — Моя мать везёт его сюда против его воли?

— Не думаю, — господин Ф. качнул головой. — Но в любом случае мы скоро все узнаем. А пока — нельзя терять время. Мы должны исполнить условия вашей, Настасья Филипповна, матушки. Что бы она там ни задумала в действительности. Где сейчас находится ваша подруга — фройляйн фон Берг?

5

Ирма увидела полковника Хрусталева, как только отошла от лестницы под люком и свернула в единственный коридор, который и имел форму кириллической буквы Г с очень короткой верхней перекладной. Или — латинской L с короткой нижней частью. Однако Ирма — как и большинство тех, кто проживал сейчас на территории бывшей Российской империи, — давно уже привыкла думать по-русски. Рослый полковник размашисто и самоуверенно вышагивал метра в десяти впереди Ирмы. Даже не считал нужным оглянуться и проверить, не идёт ли кто за ним следом.

Впрочем, коридор освещали только аварийные лампы красного цвета, в свете которых Ирма, быть может, показалась бы полковнику Хрусталеву просто ещё одной тенью среди других теней. Подземный коридор был нешироким — метра в полтора самое большее. Здесь пахло карбидом и старым железом, а пол поблескивал влажным налетом. Башня ЕНК была довольно-таки старым зданием, наверняка под ней имелись не катакомбы всякого рода, и не похоже было, что именно этим коридором пользуются часто.

Ирма порадовалась, что на ногах у неё были не сапоги на каблуках, стук которых мог бы запросто её выдать, а практичные зимние ботинки на подошве из микропоры. В них барышня фон Берг ступала бесшумно и быстро, так что легко могла бы Хрусталева догнать. Но, уж конечно, предпочла не делать этого — держалась шагах в десяти позади него. Ирме казалось, что коридор идёт слегка под уклон — углубляясь куда-то в сторону московского метро и городских подземных коммуникаций.

Впрочем, шли они недолго — всего-то минут пять или семь. Коридор закончился: в торце его оказалась узкая дверь — как ни странно, слегка приоткрытая. В просвет между нею и притолокой лился свет — яркий, чуть желтоватый, как от электрических ламп в стиле ретро. Ирма машинально отпрянула к стене — припала к ней спиной, как если бы опасалась, что на затылке у полковника Хрусталева возникнут глаза, и он сумеет разглядеть её в этом свете. Однако полицейский, по-прежнему не оглядываясь, толкнул эту дверь и шагнул через порог. Дверь он за собой не закрыл — оставил широко распахнутой. То ли поджидал кого-то, то в впал в совершенную беспечность от ощущения собственной безопасности и безнаказанности. Так что барышня фон Берг сумела отлично разглядеть внутренность этого подземного помещения.

— Да это прямо «Сибирь» — старинный квест, — прошептала Ирма беззвучно.

Открывшееся зрелище изумило барышню фон Берг, но не слишком. Она даже издала едва слышный смешок — но тут же задала себе рот ладошкой, хотя полковник Хрусталев уж никак не мог её услышать.

Там, за распахнутой дверью, гудели и скворчали какие-то огромные машины, каждая — размером чуть ли с электровоз. Отчётливо хлопали лопасти вентиляторов. И словно бы даже

доносился шум струящейся воды. Ирме показалось, что все эти машины чавкают чем-то и даже подмигивают ей издали — как если бы они были хтоническими чудищами, которые, в отличие от полковника Хрусталева, были прекрасно осведомлены о её присутствии.

Однако отступать — возвращаться тем же путем, каким она сюда пришла, — Ирма фон Берг не собиралась. Не желала, и всё тут. И, ступая всё так же бесшумно, она двинулась к двери, за которой в ярчайшем электрическом свете виднелась спина полковника. Тот склонился над длинной консолью — которая тоже будто переместилась сюда из какой-нибудь компьютерной игры начала века. Хрусталев колдовал над бесчисленными разноцветными кнопками на передней панели консоли. И отчего-то зрелище это показалось Ирме настолько противоестественным и жутким, что у неё даже тошнота подступила к горлу. Барышня фон Берг на пару секунд прикрыла глаза, переживая этот приступ отвращения и дурноты. А потом сделала ещё три шага вперёд, встала сбоку от дверного косяка и стала наблюдать.

Для чего она там стоит, что она станет делать с результатами своих наблюдений — Ирма и сама не смогла бы себе объяснить. Ни по-немецки, ни по-русски. У неё даже не было при себе мобильного телефона — позвонить хотя бы тому же господину Ф., сообщить о деяниях полковника. Пожалуй что, ей следовало бы немедленно бежать обратно, в кризисный центр — привести сюда людей, которые во всем разобрались бы. Но вместо этого Ирма просто стояла и смотрела.

Впрочем, и полковник Хрусталев дело своё тоже до конца не довёл — каким бы это дело ни было. Он понажимал ещё несколько кнопок, дождался, когда все индикаторные лампочки на старинной консоли загорятся зелёным огнём, а потом быстро глянул на свои наручные часы. И сделал короткий шаг назад.

Ирма на миг впала в панику: решила, что полицейский сейчас обернётся — увидит её. Однако тот вместо этого опустился на вращающийся стул, стоявший прямо перед консолью. И стал чего-то ждать.

Глава 23. Предпоследняя ступень

7 января 2087 года

1

Господин Ф., как и его знакомец Максим Берестов, успел за свою жизнь пройти две трансмутации. Причём оба раза он делал это вынужденно. В первый раз — после полученных тяжёлых ранений, которые без трансмутации превратили бы его в инвалида. А во второй раз ему пришлось трансмутировать, чтобы сбить со следа подосланных к нему убийц, когда он по самонадеянности угодил в расставленную ему ловушку. И, когда бы у него не оказалось при себе резервной капсулы Берестова с мозговым экстрактом юноши, недавно погибшего в автокатастрофе, у Объединённой службы безопасности был бы теперь другой руководитель.

Во главе ОСБ господин Ф. стоял уже без малого десять лет. Но, если брать его реальный возраст, на свете он жил не столь долго: лишь через год ему должно было исполниться сорок. И всё же — сейчас он ощущал себя глубоким стариком. Ещё никогда не испытывал он такой беспомощности и чувства бессилия.

Эта операция, на подготовку к которой он ухлопал столько времени — она была теперь уже совсем *не его*. Это была операция Марьи Петровны Рябовой. А, может, и полковника Хрусталева. Ведь господину Ф. до сего момента так и не сделалось ясно, каким образом проштрафившийся полицейский избавился от наручников, пробрался на крышу штаб-квартиры ЕНК, а потом с этой же крыши исчез. Ну, то есть, бесчисленные телевизионные камеры запечатлели и появление Хрусталева на крыше, и его уход с неё, и даже то, как за полковником последовала барышня фон Берг, которую добрый десяток сотрудников ОСБ сейчас безуспешно разыскивал.

— Только эти записи ровным счётом ничего не объясняют, — произнес господин Ф. в полный голос — благо, рядом с ни не было сейчас никого, кто мог бы его слова услышать.

Да, видеозаписи можно было обработать, усилив звук — чтобы услышать слова, с которыми Хрусталев обращался к тем подчиненным господина Ф., которые пытались полковника остановить. Самим-то этим подчиненным каким-то диковинным образом отшибло память. И, когда их шеф в жёсткой форме спрашивал их, как именно Хрусталев убедил их пренебречь служебным долгом, эти бедолаги только краснели, бледнели и мямлили что-то невразумительное. Так, словно они были первоклашками, которых злая училка спрашивает, сколько будет шестью девять.

Однако на обработку видеозаписей требовалось время, а потратить его сейчас именно на это господин Ф. никак не мог себе позволить. Поиски Ирмы фон Берг — только это и было по-настоящему важно в данный конкретный момент. Ибо без своей подруги Настасья Рябова наотрез отказывалась покидать башню ЕНК.

Конечно, были ещё бесчисленные записи камер видеонаблюдения, там и сям понатыканных в самом здании ЕНК. Наверняка они запечатлели, куда направилась барышня фон Берг — следуя за полковником Хрусталевым или сама по себе. Но, чтобы все имеющиеся видеофайлы отсмотреть, потребовалось бы ещё больше людей и времени. А почти все подчиненные господина Ф. заняты были сейчас тем, что организовывали

экстренную эвакуацию из башни Единого новостного канала. Притом что многие сотрудники медийного гиганта не хотели уходить. Журналисты то ли не верили в серьезность угрозы, то ли жар сенсации очень уж сильно их привлекал — брал верх даже над инстинктом самосохранения.

Вот тут-то в импровизированном кризисном центре и появился Алексей Фёдорович Берестов который, как было известно господину Ф., до этого говорил о чем-то с Настасьей, отведя её в сторону от отца.

— Я пообещал ей, что самолично найду Ирму, — сказал Берестов-старшиф склонившись к самому уху господина Ф., который сидел за компьютерным столом — безрезультатно просматривая записи с видеокамер. — И она согласилась уйти из здания вместе со своим отцом.

Господин Ф. поначалу даже не воспринял это предложение всерьёз. Он мало того, что не хотел, но и не имел права отправлять на поиски барышни фон Берг гражданское лицо. Но тут у него зазвонил его мобильник: один из сотрудников ОСБ, дежуривших возле башни ЕНК сообщил коротко:

— Они подъезжают.

И господин Ф. понял: помощь Алексея Фёдоровича Берестова ему, хочешь не хочешь, придётся принять.

2

Макс ощущал, как беспокойство всё сильнее сдавливает ему сердце по мере того, как их электрокар приближался к зданию ЕНК. Поначалу-то он решил — когда сделал тот звонок: всё ещё может обойтись, завершиться без потерь. Но, следя за выражением лица Марьи Петровны Рябовой, сидевшей с ним рядом на заднем сиденье электрокара, Максим Берестов уверялся в том, о чем, вероятно, с самого начала догадывался профессор — отец Настасьи: эта женщина безумна. Не в фигуральном, а в самом прямом, клиническом смысле. И — реградация подарила ей, в дополнение к этому безумию, способность — дар или проклятие — внушать людям идеи, порождаемые её повредившимся мозгом.

Едва красный "Руссо-Балт" подкатил к башне ЕНК, как его тут же плотно облепили люди в полицейской форме и в штатском. В это скопление попробовали было затесаться те, у кого при себе имелась телевизионная аппаратура, но их быстро оттерли от электрокара. И Макс понадеялся: зафиксировать его собственное лицо и лица его спутников сквозь тонированные стекла электрокара телевизионщикам не удалось. Стать героем ещё одного сенсационного репортажа он категорически не желал.

— Вы ничего не хотите мне сообщить — прямо сейчас, пока ещё не поздно? — быстро спросил Макс, повернувшись к Марье Петровне; однако она сделала вид, что его вопроса не услышала.

Зато неожиданно подала голос Ольга Булгакова:

— Максим Алексеевич прав. Мы должны знать, что именно вы затеваете.

И вновь Мария Рябова предпочла изобразить из себя глухую. Однако Макс, поискавший взглядом Ольгино отражение в зеркале, увидел вместо этого кое-что другое. Заметил, как изменилось выражение отразившегося в зеркале лица Сашки Герасимова. Физиономия здорового амбала, в которого обратился, теперь бывший ученик средней школы, возникла в зеркале всего на миг. Но и этого мига Макс ухватило, чтобы понять: его недавний пациент

знает что-то. Может быть, знает *всё* о том, что планирует Настасьяина мать. Причем он готов этой информацией поделиться.

И Сашка уже даже рот приоткрыл — явно намереваясь ответить Макс и Ольге. Однако ничего произнести не успел. Марья Петровна распахнула дверцу электрокара и, поскольку они подкатили к самому входу в башню медийной корпорации, тут же шагнула на ступени крыльца. Женщину мгновенно окружили люди в штатском, с напряжёнными лицами, почти наверняка — сотрудники ОСБ. И Александр Герасимов, так и не произнеся ни слова, тут же вышел из машины следом за Настасьиной матерью.

Сашка не закрыл за собой дверцу "Руссо-Балта", и Макс услышал, как Марья Петровна громко вопрошает:

— Где моя дочь? Я надеюсь, вы уже успели её из здания вывести?

Макс не услышал, что ей ответили. И всё равно у него сжалось сердце: он увидел свою невесту. (*Бывшую невесту, бывшую...*)

Настасья крутила головой — наверняка хотела разглядеть тех, кто приехал в её машине, подаренной ей Максом. Но из-за тонированных стекол "Руссо-Балта" сделать это явно не сумела. А Макс, презирая себя, остался сидеть в машине — не вышел к Настасье. Согнувшись в три погибели, чтобы его бывшая невеста даже случайно не смогла его увидеть, он выбрался из электрокара через противоположную от неё дверцу. А потом встал так, чтобы от Настасьиного взора его гарантировано укрыли широкие спины сотрудников спецслужб. И даже перестал на Настасью глядеть: сосредоточил всё своё внимание на лице Марии Рябовой.

3

Настасья считала, что успела уже привыкнуть к тому, как её мать сейчас выглядит. Но, похоже, ошиблась. Эта женщина куда больше напоминала ей сейчас сестру Ивара, Карину — *девушку с золотым сердцем*, которая готова была произвести *недобровольную экстракцию* и своего собственного брата, и самой Настасьи. И это обстоятельство — внутренний отказ признавать мать в её новом облике — ужаснуло Настасью даже больше, чем то, что именно её мать спланирована и организовала все те события, которые происходили вчера и сегодня вокруг Макса. И которые прямо сейчас продолжали происходить здесь, в самом центре Москвы, в присутствии журналистов, полиции и сотрудников ОСБ. Притом что их присутствие Марью Петровну Рябову явно не волновало и не смущало ни в малейшей степени.

— Ни о чем не беспокойся, дорогая, — говорила между тем (*женщина с лицом Карины*) мать Настасьи. — Я устрою всё так, что ничего плохого не случится ни с тобой, ни с Максимом Берестовым. Да, да, — она взмахнула рукой, словно бы отменяя протесты своей дочери, которая и не думала протестовать, — я знаю, что он по-прежнему дорог тебе, что бы там ни произошло между вами. Как и твой отец дорог мне по-прежнему. И, кстати, где он сейчас? Я его не вижу поблизости.

Настасья этому вопросу не удивилась, сказала:

— Папа остался в здании — в кризисом центре. Отказался уходить, пока не переговорит с тобой. И моя подруга Ирма — она тоже ещё там, в Башне. Её не могут найти.

Настасья не стала упоминать, что Ирму рассчитывает отыскать Алексей Фёдорович. Понадеялась смутно, что её мать хоть ненадолго при тормозит свою непонятную операцию

— дождется появления барышни фон Берг. Однако Мария Рябова только пожала плечами, и на лице её возникло непонятное, слово бы раздумчивое выражение. Настасья даже не поняла, слышала её мать то, что она сказала про Ирму, или пропустила её слова мимо ушей.

— По поводу папы тебе тоже не стоит волноваться, — заверила она свою дочь. — Наш с ним разговор состоится очень скоро. И он присоединится к тебе. А ты пока подожди в машине — вместе с госпожой Булгаковой. Это ведь твоя машина — вот и побудь там.

Настасья не хотела уходить и ждать в машине — ни в своей, ни в чужой. И уж точно — она не желала оставлять в башне ЕНК Ирму. Однако более всего она не хотела оставлять неразъясненным тот вопрос, который уже много часов не давал ей покоя.

— Маша, — проговорила она — обращаясь к матери по имени, как привыкла делать это с детства, — для чего тебе понадобилась вся эта свистопляска с захватом санатория и раскрытием инкогнито Макса? Что за цель у тебя — на самом деле? Я имею право об этом знать — раз уж ты приехала сюда именно на моей машине.

Настасья издала смешок, который ей самой показался злым и жалким. А её мать посмотрела на неё так, будто её дочь была маленькой девочкой, которая пытается вызнаться, почему зимой идёт снег, а летом — нет.

— Вот что, Настасьюшка, — выговорила она — вроде бы мягко, даже сочувственно, но при этом совершенно безапелляционно. — Сейчас не время вступать в дискуссии и объяснения. Очень скоро ты сама всё поймешь. А сейчас иди — Ольга Андреевна тебя ждалась!

И она посмотрела на дочь странным длинным взглядом — словно бы пытаясь проверить что-то.

— Хорошо, — сказала Настасья, — я подожду тебя, Ирму и папу в машине, вместе с Ольгой.

И Мария Рябова при этих её словах сделала едва заметный крохотное облачко пара, отделившись от губ, и выдало её. Настасья развернулась и пошла к своему красному "Руссо-Балту", на водительском сиденье которого сидела, крутя головой, Ольга Андреевна Булгакова. Правнучатая племянница великого писателя явно пыталась высмотреть кого-то в толпе. Но — явно безуспешно.

И столь же безуспешно сама Настасья попыталась разглядеть в скоплении народа Макса — который тоже должен был прибыть на её машине, но теперь будто сквозь землю провалился.

4

Алексей Фёдорович Берестов, давным-давным ставший даже для самого себя Ньютоном, уж конечно, не планировал отсматривать записи всех камер видеонаблюдения, размещенных в здании ЕНК. Если уж клеветам господина Ф. не удалось это сделать, где уж ему было управиться в одиночку. Однако у Ньютона имелся в рукаве козырной туз, который он отнюдь не собирался демонстрировать руководителю ОСБ. Ибо тот запросто мог эту козырную карту у него изъять, пусть это и была личная собственность Алексея Берестова.

В семье Берестовых выдающиеся способности достались не одному только Максиму. Его отец тоже мог бы считаться гением в своей сфере — в компьютерном программировании. И ещё лет десять назад он сумел разработать программу мгновенного распознавания лиц на видео — без просмотра видеофайлов. Широкого применения, правда, эта программа не

получила. Да что уж там: никто, кроме самого Алексея Фёдоровича, ею не пользовался. Во-первых, потому, что Берестов-старший никому не стал передавать полученный им патент. И даже неисключительной лицензией ни с кем не поделился. А, во-вторых, открытая его гениальным сыном технология трансмутации сделала распознавание лиц почти бесполезным занятием.

Впрочем, в данный момент такая ситуация сыграла на руку Алексею Фёдоровичу. Ведь, будь иначе, господин Ф. наверняка был бы осведомлен об открытии Берестова-старшего. А так — Алексей Фёдорович дождался, когда его оставят один на один с компьютерными мониторами, и вытащил из потайного кармашка своего портмоне крохотную флеш-карту.

И уже меньше, чем через пять минут, Алексей Фёдорович откинулся на спинку вращающегося кресла, в котором он сидел, и прошептал потрясенно:

— Катушку Теслы мне на макушку... — А затем, по своему обыкновению, прибавил к этому ещё и парочку непечатных выражений.

Его программа просканировала гигабайты видеозаписей быстрее, чем он успел бы визуально исследовать хотя бы один файл. И показала ему всё: как барышня фон Берг спустилась с крыши вместе с полковником Хрусталевым, которого не попытались остановить ни люди в полицейской форме, ни сотрудники ОСБ; как Ирма вышла из лифта на нижнем ярусе автостоянки; и, наконец, как она спустилась, преследуя Хрусталева, в подвал.

Тут распахнулась дверь, которая вела в кабинет с мониторами, и Ньютон поспешно выдернул из порта свою флешку и сунул её в карман джинсов, предназначенный для часов.

На пороге возник один из подчиненных господина Ф. — четверть часа назад сопроводивший Ньютона сюда.

— Ваш сын прямо сейчас заходит в здание, — сообщил он.

И Ньютон заколебался: поспешить ли ему навстречу Максиму или... Он ощущал, насколько сильно он хочет увидеть сына. Однако он помнил и про обещание, данное Настасье.

— Пожалуй что, я смогу увидеться с ним и чуть позже, — выговорил он. — А сейчас нам с вами нужно будет проехать на лифте вниз — кое-кого забрать.

Ньютон подумал: им весьма пригодилось бы подкрепление. И хотел даже запросить у господина Ф. ещё парочку агентов себе в помощь. Но — эти агенты могли прямо сейчас могли понадобиться в другом месте. Там, находился сейчас его мальчик. А потому — за Ирмой фон Берг он отправился вместе с одним-единственным сотрудником ОСБ.

По пути, возле лифтов, Алексей Фёдорович увидел на одном из больших телеэкранов прямую трансляцию: Ольга Булгакова распахивала дверцу машины, в которую садилась Настасья. И, сам себе удивляясь, Берестов-старший секунды на три или четыре задержал взгляд на лице женщины, с которой он познакомился всего пару часов назад.

5

Сашка Герасимов хорошо помнил, о чем он загодя договорился с Марией Рябовой. А потому, когда Марья Петровна и выскользнувший откуда-то из толпы Максим Берестов пошли к дверям штаб-квартиры ЕНК, сам он начал понемногу отставать них. Один из сотрудников ОСБ попытался было взять его под локоть и заставить вернуться к своим спутникам, но Сашка тихо сказал ему:

— Я должен кое-кого увидеть — прямо сейчас. А потом я вернусь к остальным.

Позвольте мне пройти!

И — сотрудник ОСБ разжал пальцы, отпустил его локоть.

Сашка вошел в башню ЕНК не через парадные двери, а через служебный вход, о котором ему сказала Мария Рябова. И, заходя в здание, бывший школьник по сторонам не глядел. А потому не мог увидеть того, как из кабины "Руссо-Балта" на него смотрит, не отрываясь, Настасья Рябова. Именно на него, а не на своего жениха, Максима Алексеевича Берестова И, уж конечно, Сашка никак не мог догадаться, что девушка ровно через минуту покинет красную машину и последует за ним.

6

Фил тоже смотрел прямую телетрансляцию, только не на огромном телеэкране, как Ньютон, а на небольшом студийном мониторе, подвешенном на кризисом центре.

"Маша вот-вот будет здесь", — понял Фил.

Он сидел через стол от господина Ф., который на экран даже не глядел — разговаривал с кем-то по мобильному телефону, которые у сотрудников ОСБ, уж конечно, имелись в наличии. Фил взмахнул рукой, пытаясь привлечь внимание этого человека, который на вид казался двадцатилетним юношей. А когда понял, что тот его жеста не заметил, громко произнес:

— Я должен кое о чем вас предупредить, милостивый государь.

Господин Ф. поднял на него глаза, но ещё секунд пять или шесть не отнимал мобильник от уха — слушал, что ему говорили. И только потом дал отбой, бросив коротко:

— Действуем по плану. — После чего повернулся к Филу всем корпусом: — Я готов вас выслушать!

И по глазам своего визави Филипп Андреевич Рябов понял: тот не поверит ни единому его слову, даже если Фил скажет ему, что Волга впадает в Каспийское море. Но — он всё равно обязан был высказаться. Хотя бы — для очистки совести.

— Дело в том, — выговорил Филипп Андреевич, — что реградация, как выяснилось, даёт целый ряд побочных эффектов. Не стану утомлять вас, перечисляя их все. Тем паче что о многих вы наверняка и сами уже знаете. Но об одном всё же упомяну. Дело в том, что все реграданты обладают даром внушения, кто-то в большей степени, кто-то — в меньшей. Но моя жена Марья Петровна совершенно точно относится к числу первых. Так что вы ни в коем случае не должны разговаривать с ней с глазу на глаз, когда она появится здесь. И — вы, конечно, вправе не верить мне, но свои эксперименты по созданию кибер-клонов я затеял именно для того, чтобы вывести породу существ, не восприимчивых к внушению со стороны реградантов. Но при этом обладающих интеллектом, который не уступал бы человеческому.

Господин Ф. хмыкнул и явно хотел что-то сказать, однако удержался. Решил, как видно, что сейчас не самое подходящее время открывать дискуссию. Фил на всякий случай выждал немного, но, так и не дождавшись комментариев, прибавил:

— И ещё одна деталь. Моя жена из личных средств финансировала исследования по созданию фармацевтических препаратов, воздействующих на ментальную сферу. Человеческую ментальную сферу, я имею в виду.

Вот это заявление господина Ф. уже проняло — да ещё как!

— И вы только сейчас об этом говорите? — возмутился он — и его псевдо-юношеское лицо перекосилось, вмиг постарело. — Или — вы были главным бенефициаром этих исследований? Рассчитывали снять сливки с рынка, что ли?

— Я тормозил эти исследования, как только мог. Тот препарат, который удалось разработать, все ещё находится на стадии лабораторных исследований. Тех количеств, которые есть у моей жены, и на сто человек не хватит.

— А больше и не понадобится, — раздался вдруг от дверей женский голос.

Фил и господин Ф. повернулись почти синхронно. В дверях кризисного центра стояли Мария Рябова и Максим Берестов.

7

Герр Асс открыл глаза на госпитальной койке. И первым чувством, которое он испытал, оказалось чистейшее, как физраствор в его капельнице, изумление. Боль, которую он ощущал после ранения, представлялась ему какой-то отдаленной, не вполне настоящей — её явно очень основательно притупили морфином или иным обезболивающим препаратом. Да и врачи, судя по наложенным ему повязкам, основательно над ним поколдовали — подлатали его и после ранения, полученного им в подzemелье под санаторием "Перерождения", и после предательского удара, нанесенного ему Марией Рябовой.

Изумление же герра Асса вызвал даже не тот факт, что он всё ещё жив. Точнее — не только этот факт. Куда больше изумило его то, что подле себя он не увидел суровых мужчин в форме или в штатском, которые не должны были ни на минуту не оставлять его без присмотра. Но — *никто* его в данный момент не охранял. Он лежал в общей палате, где, помимо него, находилось ещё трое его недавних подельников — он узнал их, когда ему удалось кое-как повернуть голову. Возле их коек суетились двое врачей, отдавая какие-то указания трём сестрам милосердия. Что они говорили — герр Асс разобрать не мог: в голове у него сильно звенело, возможно — из-за обезболивающих препаратов. А когда он сам попытался заговорить, собственный язык показался ему куском войлока, засунутым ему в рот. И всё же — хоть и не с первой попытки — здоровяк сумел выговорить:

— Послушайте меня, господа эскулапы! Раз уж вы меня спасли, я тоже отплачу вам...

Он хотел сказать: *отплачу добром*. Но внезапно в горле у него так сильно засвербило, что ему пришлось основательно прокашляться, прежде чем он сумел продолжить свою речь. Что, впрочем, оказалось не во вред: все представители медперсонала не только обратили на него внимание, но и вплотную подступили к его койке. Так что — его следующие слова, хоть и не громко произнесенные, все они должны были отлично расслышать:

— В здании ЕНК с минуты на минуту произойдёт распыление химического вещества психотропного характера. Я лично должен был в этой акции участвовать и надлежащим образом подготовил систему вентиляции Башни. Нужно сообщить об этом в штаб-квартиру ЕНК. Немедленно.

— Да, да, — покивал один из врачей, — мы это непременно сделаем.

Однако герр Асс не вчера на свет родился: мгновенно уразумел, что особенно с этим спешить беспечные эскулапы не станут. Судя по выражению их лиц, все они считали, что пациент их пребывает в полубредовом состоянии после наркоза. Да и, в любом случае, теперь он и его подельники никому не смогут причинить вреда.

Так что герр Асс снова прочистил горлом и прибавил уже своим почти обычным

голосом — каким он привык отдавать команды:

— Послушайте меня внимательно, умники. Напрягите извилины и постарайтесь вникнуть в мои слова. Если вы сейчас попытаетесь позвонить в здание ЕНК, выяснится, что заняты даже многоканальные телефоны. Так что не теряйте времени понапрасну: звоните на Лубянскую площадь! Живо!

Глава 24. Рука судьбы

7 января 2087 года

Москва. Штаб-квартира Единого новостного канала

1

Ньютон и его спутник быстро шагали по тому подземному коридору, по которому до этого шла Ирма. Здесь камер видеонаблюдения никто не устанавливал, так что Ньютон понятия не имел, куда именно направлялась барышня фон Берг. Да и вообще — оставалась ли она всё ещё здесь? Ведь катакомбы эти запросто могли выводить к выходу на поверхность или, напротив, к ещё одному люку, ведущему на новый уровень глубины. Так что — Берестов-старший готов был с облегчением перевести дух, когда за коротким поворотом коридора они увидели неширокую дверку — приоткрытую.

— Возможно, она... — начал он было говорить шепотом — но осекся на полуслове.

Из-за двери навстречу им выступил Хрусталева — вместе с Ирмой фон Берг. И застыл на пороге. Правой рукой он прижимал к боку Ирмы пистолет, а левой — крепко держал заложницу, обхватив её за талию, как если бы намерен был станцевать с ней страстный танец.

Ньютон с трудом удержал ругательства, которые так и рвались у него с уст. А сопровождавший его сотрудник ОСБ — тот выговорил почти спокойно:

— Советую вам опустить оружие, полковник. Положение ваше и без того незавидное — вам ли этого не понимать? Не стоит вам вредить ни себе, ни другим.

Хрусталева только усмехнулся при этих словах — и даже мизинцем не двинул.

— Я не хочу причинять барышне вред, — сказал он. — Однако до поры до времени никто не должен входить в это помещение. Подождите десять минут, а потом я красотку отпущу.

И в этот самый момент красотка Ирма ударила его локтем в живот, а сама резко подалась вниз. Раздался звук выстрела, и Ньютон всё-таки не сдержался — громко выматерился.

2

Когда Настасья догнала за Сашку Герасимова — уже на черной лестнице Башни ЕНК, — то немедленно схватила его за рукав, заставляя остановиться. И Сашка, который не услышал у себя за спиной легких Настасьиных шагов, в изумлении обернулся на неё. Девушку ничуть не смутило, что её визави выглядит сейчас как здоровенный амбал. Она знала, кто он такой на самом деле: Макс показывал ей видеозаписи своих сеансов с ним.

— И куда ты направляешься? — спросила Настасья. — Что — моя мать и тебя втянула в свою игру?

И Сашка попытался сделать то, чего Настасья могла ожидать. Но всё-таки лелеяла надежду, что до этого дело не дойдёт.

— Ты должна немедленно вернуться в машину, — сказал он и вроде как попытался пробуравить Настасью взглядом. — Делай то, что велела тебе мать!

Девушка едва не рассмеялась — хоть и трудно было бы найти для этого более неподходящий момент. Бывший школьник с абсолютно школьническим прилежанием пытался и на неё оказать ментальное воздействие.

— Послушай, Александр, — проговорила она, — моя мать, очевидно, забыла тебя кое о чем предупредить. Так что придётся мне это сделать. Не все люди, видишь ли, в равной степени подвержены внушению. И на меня эти твои трюки не подействуют. Да, да: отец успел рассказать мне сегодня об особом даре регрантов. И ещё он сказал: его собственные эксперименты показали, что такие, как ты, никогда не смогут воздействовать на людей, ни разу не проходивших трансмутацию. Равно как и на тех, кто проходил её более одного раза. Моя мать еще не знает этого, так что вряд ли все её планы можно считать безупречными. А потому — говори, что именно она тебе поручила! Боюсь, у нас время поджигает.

Сашка одарил Настасью таким взглядом, что она почти пожалела бывшего школьника: она видела, как сильно она нравится ему. Но именно что — *почти*; нынче ей было совсем не до сантиментов.

— Давай, давай, — поторопила она его. — Выкладывай всю правду!

Сашка вздохнул, но — едва слышно. А потом сказал:

— Ладно, вот тебе правда. Сейчас я выйду на площадку к лифтам, а потом поднимусь на крышу здания. Меня там уже ожидают — даже оборудовали что-то вроде небольшой телестудии. И в этой студии я должен буду дать интервью, о котором Марья Петровна заранее договорилась.

Он умолк и быстро глянул на свои наручные часы. А Настасья, так и выпустившая его рукав, поднялась на две ступеньки, чтобы оказаться с ним лицом к лицу.

— И о чем в этом интервью пойдёт речь? — поинтересовалась она.

— О судьбе регрантов. И не смотри на меня так: это чистая правда.

"Это правда, — подумала Настасья. — Вот только — не вся".

— Я пойду с тобой, — сказала Настасья.

И Александр Герасимов, как ни странно, больше возражать не стал — согласно кивнул. Как видно, время поджимало и у него тоже. А, может, всё объяснялось ещё проще: насчёт Настасьи он никаких указаний от Марии Рябовой не получал.

3

Господин Ф. спросил — изо всех сил стараясь, чтобы голос его звучал спокойно:

— Чего вы добиваетесь, Марья Петровна? Мы ваши требования выполнили и беспрепятственно пропустили вас сюда. А вы теперь нарушаете все наши договорённости.

Они сидели в кризисном центре, за небольшим квадратным столом, вчетвером. Каждый — со стороны своей грани квадрата: сам господин Ф., Филипп Андреевич Рябов, его жена Марья Петровна и Максим Алексеевич Берестов. Сесть им предложила именно Мари: Рябова — как если бы у них всех имелся целый вагон времени, чтобы рассиживаться.

— Ну, допустим, выполнили вы не все мои требования: Ирму фон Берг вы так и не вывели из здания.

При этих словах своей жены Филипп Рябов хмыкнул, однако никаких комментариев не сделал.

— Ах, ну да, это же для вас так важно, Марья Петровна! — Господин Ф. с трудом подавил желание вскочить с своего стула, схватить черноволосую женщину за плечи и

хорошенько встряхнуть. — Ирма фон Берг — она же для вас самый близкий человек!

— Какая разница — близкий или нет? — Мария Рябова приняла вид самый невозмутимый. — Я выдвинула несложные условия, но вы даже их не дали себе труда выполнить.

Господин Ф. открыл уже было рот — намереваясь высказаться с предельной степенью откровенности о том, что он думает об условиях своей собеседницы. Однако его опередил Филипп Рябов.

— Да хватит уже! — Он обращался к руководителю ОСБ — не к своей жене. — Вы что милостивый государь, не понимаете: он провоцирует вас на пререкания с ней. Тянет время. А тебе, дорогая, — Филипп Рябов повернулся, наконец, к Марье Петровне, — я счастлив сообщить: Ирму должен вывести из здания Алексей Фёдорович Берестов. Наш несостоявшийся родственник.

При этих его словах Максим Берестов чуть не подпрыгнул на своем стуле и одарил господина Ф. таким взглядом, что тому в очередной раз за эту бесконечную ночь захотелось передать свою высокую должность кому-то другому. Но высказать что-либо вслух гениальный учёный не успел, поскольку в разговор снова вступила Мария Рябова — которая с праведный гневом спросила:

— И кто, спрашивается, будет за это держать ответ: почему гражданское лицо отправили выполнять такое задание?

Господин Ф., презирая себя, собрался уже было пуститься в объяснения. Но Филипп Рябов снова его опередил.

— Что ты задумала на самом деле, Маша? — Он подался к жене, попытался заглянуть ей в глаза, однако безуспешно: черноволосая женщина встречаться с ним взглядом решительно не пожелала — демонстративно отвернулась.

Точнее, это в первый момент господин Ф. подумал, будто она отвернулась. На деле же Марья Петровна попросту перевела взгляд в другую сторону — на один из огромных телеэкранов, которые в здании ЕНК имелись повсюду. Звук трансляции был отключен, однако Марию Рябова это явно не смутило: она так и вперилась в картинку на экране. Так что вслед за ней и трое мужчин: сам господин Ф., Максим Берестов и Филипп Рябов — поглядели туда же, куда и она.

Оператор крупным планом показывал молодого мужчину, господину Ф. незнакомого. Однако его тут же просветил Макс Берестов, который воскликнул:

— Сашка Герасимов! Я должен был догадаться.

И кто такой этот Герасимов, господин Ф. тотчас же вспомнил: подчиненные сообщили ему имена всех тех, кто прибыл сегодня к зданию ЕНК вместе с Марией Рябовой. Так что — и вправду можно было догадаться, что Мария Рябова решит вовлечь того в свои планы. Но вот о другом обстоятельстве явно не догадалась и сама Марья Петровна, поскольку издала вдруг потрясенный вздох. И закричала так, что все, кто находился в импровизированном кризисном центре, вздрогнули и дружно повернули к ней головы:

— Звук! Немедленно врубите звук, кретины!

За спиной у регранта Герасимова, всего в полушаге от него, стояла Настасья Рябова. Её отец при виде этого изумленно ахнул, а Максим Берестов пробормотал что-то неразборчивое. И господин Ф. готов был поклясться, что были это затейливые непарламентские выражения.

— Включите звук! — повторил требование Марии Рябовой руководитель ОСБ.

И один из его подчиненных тотчас же щелкнул кнопкой телевизионного пульта.

— Каждый из регрантов, — на всю Конфедерацию объявлял Александр Герасимов, — обладает потенциально безграничными способностями к внушению. А сегодня эти способности возрастут многократно. Существует мощное средство, которое для этого будет применено. И служит оно не для усиления внушаемости объектов, как некоторые могли бы подумать, а для усиления силы внушения субъектов — самих регрантов.

Бывший школьник говорил и дальше. Но господину Ф. как раз в этот момент позвонили по мобильной связи из его головного офиса, который по неизменной традиции размещался на Лубянской площади. Он ответил на звонок, однако едва расслышал, что ему говорили. Мария Рябова не стала дослушивать, что ещё скажет регрант Герасимов. Бросив взгляд на свои наручные часы, она прокричала, совершенно перекрывая голос телефонного собеседника господина Ф.:

— Быстро на крышу! Быть может, мы ещё успеем! Только, ради Бога, скажите своим людям, — она повернулась к господину Ф., — пусть не подходят близко к тому, с плакатом!

— Говорите, что вы измыслили, живо! — Это произнес не господин Ф. — это распоряжение отдал Максим Берестов, вскакивая из-за стола вместе со всеми.

И Мария Рябова, пока они бежали к лифту и поднимались в нем на крышу, всё рассказала. А потом объяснила, почему она не сможет отменить свою акцию.

4

Еще не успел отгреметь звук выстрела, сделанного полковником Хрусталевым, а сотрудник ОСБ, сопровождавший Алексея Берестова, уже повалился на пол. Ньютон увидел черное пулевое отверстие у него на груди, с левой стороны, хотя крови совсем не было.

Между тем Хрусталева попытался снова схватить Ирму, но тут на него с яростным ревом кинулся Ньютон. Когда-то, во времена байкерской молодости, ему случалось участвовать в кулачных схватках. Но с тех пор, как говорится, много воды утекло. И всё, что сумел сделать сейчас Берестов-старший, это ухватить полковника поперёк пояса и впечатать его спиной в дверной косяк. Хрусталева почти моментально из его захвата высвободился, и правой рукой вмазал Алексею Фёдоровичу в челюсть. Если бы ни рефлекс бывшего байкера, благодаря которым тот успел податься чуть в сторону, ему наверняка пришлось бы подбирать с полу зубы. Но и удар, нанесенный по касательной, вызвал у Алексея Берестова мгновенное онемение всей левой половины лица. А в левом его глазу словно бы сверкнул зигзаг молнии.

Выматерившись, бывший байкер отставил всякое джентльменство. И нанес своему противнику удар подлый, но зато идеально эффективный: коленом в пах. Алексей Берестов почти не сомневался, что полковник легко разгадает его нехитрый замысел и легко уклонится. Но — тот внезапно отвлекся на что-то, происходившее у Алексея Фёдоровича за спиной. А в итоге — согнулся пополам, прижимая обе руки к тому месту, куда угодило колено бывшего байкера.

Тут Алексей Берестов догадался бросить взгляд через плечо — выяснить, что именно отвлекло полковника. И даже успел крикнуть:

— Нет! Он может знать, как всё остановить!

Но оказалось уже поздно. Ирма завладела пистолетом Хрусталева и выстрелила в полковника — практически в упор. Куда целила барышня фон Берг — неизвестно. Скорее всего — просто надавила на курок. Однако пуля её угодила Хрусталеву точно между глаз —

как если бы в него выстрелил снайпер. Так и не успев убрать руки от причинного места, полковник рухнул на пол. И более уже не шевелился.

Снова обернувшись, Ньютон увидел, как Ирма уронила пистолет на пол. И воззрилась на убитого ею человека с неподдельным удивлением. Она явно и сама не ожидала, что произведенный ею выстрел окажется столь убийственно точным.

— Ирма, — заговорил бывший байкер, — мы должны...

Однако закончить он не успел, поскольку в этот самый момент молодой сотрудник ОСБ, коего Ньютон тоже считал убитым, резко сел на полу, распахнул глаза, сделал протяжный вдох, и после этого зашелся в приступе кашля — потирая грудь в том месте, куда только что угодила пуля Хрусталева.

А затем из комнаты за дверью вдруг донесся звук, напоминавший звон сотни маленьких колокольчиков. Потом этот перезвон резко оборвался, и до слуха Ньютона долетело тихое протяжное шипение. Такой звук издаёт проколотый воздушный шар, когда из него медленно выходит воздух.

Они все трое воззрились на дверь: и сам бывший байкер, и барышня фон Берг, и подстреленный молодой человек, на котором, по всей видимости, был бронежилет. В смятении, не зная, чего ждать, Ньютон с неожиданным для самого себя сожалением подумал об Ольге Булгаковой. Впервые после смерти своей жены он всерьёз заинтересовался женщиной. А теперь неясно было даже, увидит ли он хоть когда-нибудь.

— Мы должны заглянуть внутрь, — сказала Ирма.

— Я должен вывести вас отсюда, сударыня, — произнес молодой человек в бронежилете.

— Вы двое — уходите, — сказал Алексей Берестов. — А я посмотрю, что там — за дверью. Да, и вот ещё что. — Он поглядел на мнимоумершего сотрудника ОСБ. — мне нужно поговорить с моим сыном. Мобильная связь наверняка здесь не работает, но у вас, надо думать, рация при себе имеется?

5

Только теперь Филипп Рябов понял, что бывший безликий, держащий в руках плакат, стоит на крыше рядом с гигантской вытяжной трубой вентиляции. Так что при взрыве все вещество, закрепленное на теле господина Зуева, бывшего директора зоопарка, должно было попасть в вентиляционную систему здания ЕНК.

Как подумал вначале Фил, ничего катастрофического в этом не было. Ну, сколько регрантов могло находиться сейчас в башне ЕНК — не считая Александра Герасимова и Петра Петровича Зуева, который неизбежно должен был погибнуть при взрыве? И пусть даже эта горстка регрантов внезапно обретет способности Вольфа Мессинга — вычислить их всех и обезвредить не составит потом особого труда. И лишь слова господина Ф. раскрыли Филиппу Андреевичу Рябову глаза на истинное положение дел.

— Мне только что позвонили с Лубянки, — сказал он. — Кое у кого из поделщиков госпожи Рябовой пробудилась совесть. И её раскаявшийся подельник просил передать: вещество, которое попадёт в вентиляционную систему ЕНК, потом распространится по всей Москве через систему подземных коммуникаций, проложенных под городом. Для этого уже приняты меры: открыты все вентиляционные клапаны. На то, чтобы их закрыть, потребуется

не меньше часа. А через час будет уже поздно.

Вот тогда-то Фил и осознал в полной мере, что натворила его Маша. Бывшие безликие, подверженные неконтролируемым приступами ярости, как она сама — это были только цветочки. А вот яростные реграданты, по одному слову которых обычные люди станут делать всё, что этим реградантом заблагорассудится от них потребовать — это являлось больше, чем катастрофой. Это способно было стать новым витком эволюции. Витком, на котором человечеству предстояло разделиться на два биологических подвида: господствующую расу реградантов и подчиненных им рабов: людей из числа тех, кто прошел единственную трансмутацию.

— Но ведь, — сказал Фил, когда они ещё ехали в лифте, — Настасье в этом случае ничего не грозит. Она ведь трансмутацию не проходила. И в подчинение к реградантам точно не попадёт. Ты, Маша, можешь этого не знать, но на тех, кто ни разу не проходил трансмутация, гипнотические способности реградантов не действуют.

При этих его словах жена Фила переменилась в лице. И сперва он решил: это из-за того, что информация которую он ей сообщил, не была ей известна. Он успел даже порадоваться, что не выложил ей все сведения: не сказал о том, что те, кто проходил трансмутацию не единожды, тоже не подвержены внушению со стороны бывших безликих. Но затем его Маша сказала такое, отчего у Филиппа Андреевича потемнело в глазах столь сильно, что на миг он решил даже, что полностью ослеп.

— Настасья не будет в безопасности, — сказала она. — Как и все, кто находится сейчас на крыше. Мы рассчитывали мощность взрывного устройства, чтобы её гарантировано хватило на распыление вещества для его попадания в вентиляционный раструб. Взрывной волной с крыши сметет всех, кто сейчас на ней находится. А я не могу снять взрывное устройство с Зуева или обезвредить его. Адская машина тут же взорвётся, если кто-то попробует это сделать. И процесс уже запущен: Александр Герасимов свое выступление закончил. Так что Зуев уже активировал таймер. Полагаю, у нас не больше пяти минут в запасе. А, может, наверное, уже и четырёх минут не осталось.

7

Макс изо всех сил пытался осмыслить все то, что услышал от своей своей несостоявшейся тёщи. Только теперь он начинал понимать, что имел в виду профессор, говоря о больном рассудка реградантов.

Петр Петрович Зуев должен был запустить таймер закрепленного на его теле взрывного устройства ровно в тот момент, когда закончится интервью Александра Герасимова. Мария Рябова использовала постгипнотическое внушение, чтобы этого добиться. Сигналом Зуеву должны были послужить Сашкины слова: "И все бывшие безликие должны помнить...". Такую фразу Сашке велела произнести в конце Мария Рябова.

Взрывное устройство спрятано было под плакатом. Тем самым, который призывал *покарать отца*. Оно было прикреплено к руке Зуева при помощи запаянной стальной манжетки, так что избавиться от него бывший директор зоопарка не смог бы, даже если бы ему пришла такая мысль. А после экстракции и последовавшей вскоре после этого реградации у Петра Петровича с мыслительной деятельностью явно наблюдались серьезные проблемы.

Именно на это Мария Рябова и рассчитывала. Она предусмотрела всё, кроме одной

мелочи: что на крыше во время исполнения *акции* будет находиться её единственная дочь.

Когда они все четверо выскочили на крышу, пресс-конференция реграданта Александра Герасимова уже минут десять как завершилась. Журналисты других каналов, не имевших, в отличие от ЕНК, эксклюзивных прав на трансляцию, вели сейчас с крыши свои репортажи, цитируя финальную фразу бывшего школьника: "И все бывшие безликие должны помнить о том, каково это — не только утратить человеческий облик, но и перестать считаться человеком".

На крыше было не протолкнуться от людей с телекамерами. Все усилия господина Ф., пытавшегося обеспечить эвакуацию из здания, явно пошли прахом.

Макс замер на месте, принялся крутить головой, высматривая Настасью. Но её нигде не было видно. Зато он превосходно мог разглядеть человека с плакатом в руках, стоявшего рядом с гигантским раструбом воздуховода.

Макс повернулся к Марии Рябовой, которая тоже беспрерывно крутила головой. Но, как и сам Макс, пыталась высмотреть Настасью в толпе без всякого успеха.

— Сколько у нас ещё времени? — быстро спросил Макс.

— Не больше трёх минут. — Голос Настасьиной матери звучал отстранённо, и Макс испытал к ней жгучий прилив ненависти: женщина явно уже смирилась с потерей дочери.

"Хотя, — тут же подумал он, — тем, кто останется на крыше, смиряться с чем-либо придётся недолго".

И господин Ф. словно бы прочёл его мысли. В руках у него откуда-то взялся мегафон, и он гаркнул в него:

— Все — прочь отсюда! Немедленно уходите! На крыше находится взрывное устройство!

И, хоть говорил руководитель ОСБ чистую правду, на лицах большинства людей, каких мог видеть Макс, возникли недоверчивые усмешки. И к выходу с крыши поспешило не более десятка человек.

Господин Ф. снова поднес микрофон своего мегафона к губам — и в этот самый момент начала подавать сигнал вызова рация, закрепленная на поясе у руководителя ОСБ. Тот беззвучно проартикулировал какое-то ругательство, но всё же рывком отстегнул рацию, рявкнул:

— Говорите, только быстро! У вас тридцать секунд!

Впрочем, его собеседнику, похоже, и десяти секунд хватило. По мнению Макса, именно столько времени понадобилось господину Ф., чтобы выслушать сказанное ему. После чего он вскинул глаза на Макса:

— Это вас! Ответьте вашему отцу!

8

Ньютон чуть не застонал от облегчения, когда из рации до него долетел голос его мальчика:

— Папа, это я! Но у меня совсем нет сейчас времени. Здесь у нас...

— Знаю, — перебил его Ньютон. — У вас осталось две минуты и тридцать пять секунд... Уже тридцать три... Я прямо сейчас смотрю на таймер.

— Ты пробрался на крышу и стоишь рядом с заминированным "пикетчиком"? — В

голосе Макса отчётливо прозвучали панические нотки, что абсолютно было ему не свойственно. — Потому что если и ты тоже...

Однако Алексей Берестов, не слушая его, уже говорил дальше:

— Я сейчас в подвале здания ЕНК. И передо мной компьютерная консоль, при помощи которой осуществляется управление вентиляционной системой Башни. И тут кое-кто эту систему перенастроил.

— Знаю! — Макс уже почти кричал. — В неё через две минуты попадёт вещество, которое потом распространится по всему городу через подземные коммуникации.

— Не только через подземные, — поправил его Ньютон. — Но и воздушным путем тоже — по всей Москве. Система должна была работать как вентилятор, на который попало... ну, сам знаешь, что.

— Должна была?

Ньютон ухмыльнулся.

— Ну, твой старик в таких вещах кое-что петрит. Я эту систему перепрограммировал. Через две минуты... Через минуту и пятьдесят пять секунд... все вентиляционные ходы будут перекрыты. Система замкнется сама на себя. Требуется только...

И на сей раз уже Максимка перебил его:

— Да, я знаю, что требуется. Я всё сделаю.

9

Макс нащупал в кармане своей куртки нужную ему вещь одновременно с тем, как увидел Настасью. Его невеста (*Бывшая, бывшая, невеста...*) стояла вместе с Сашкой Герасимовым в двух шагах от парапета Башни. И в десятке шагов от человека с плакатом. Человека, отнюдь не выглядевшего теперь, как Петр Петрович Зуев. Но ясно было, что для Сашки это не имеет равным счётом никакого значения. Он жаждал увидеть, как тот понесет заслуженное наказание. Именно ради того, чтобы это увидеть, он и пришёл сюда. О роли своего интервью в предстоящих событиях он явно знать не знал.

— Настасья! — заорал Макс, нимало не заботясь, что привлекает к себе всеобщее внимание. — Уходи отсюда! Валите с крыши оба!..

Мария Рябова что-то спросила, поворачиваясь к Максиму, но тот её слов не услышал. Он умел отсекал от себя все ненужные ему звуки. В своем кармане он уже отыскал то, что требовалось. И теперь, работая локтями и отдавливая ноги всем подряд, он сквозь толпу устремился к своей бывшей невесте и своему бывшему пациенту.

Эти двое, похоже, услышали его возглас. Но — то ли не придали ему значения, то ли им оказалось попросту некуда уходить. Со всех сторон на них напирала журналисты, которых безуспешно пытались вытеснить с крыши сотрудники ОСБ. И на них с противоположной стороны нажимали другие журналисты. Те, которые считали, что им страшно не повезло: они находились слишком далеко от главного ньюсмейкера нынешней ночи.

Макса крыли последними словами все те, кого он грубо распахивал. Однако он всё-таки продвигался вперёд, хоть и гораздо медленнее, чем следовало. В левой руке он крепко сжимал предмет, на который возлагал все свои надежды, а в его правой по руке всё ещё оставалась включенная рация.

— Папа! — крикнул он, поднося её к губам. — Сколько на твоём таймере?

— Минута и десять секунд... — Голос отца донесся до него словно бы из дальнего

далека: гомонящие люди вокруг почти полностью его перекрыли.

— Я понял! Конец связи! Мне нужны будут обе руки!

И с этими словами Максим Берестов отключил переговорное устройство. А потом опустил его во внутренний карман куртки, предварительно достав оттуда второй предмет, который требовался ему для исполнения его замысла.

10

Настасья видела, как к ним сквозь толпу пробирается Макс. А до этого она сумела уловить — больше по наитью, чем на слух, — что он велит им уходить с того места, где они стояли сейчас. И она потянула Сашку Герасимова за рукав.

— Надо убираться отсюда!

Однако с таким же успехом она могла бы потянуть за капитель мраморной колонны. Здоровенный амбал, в которого превратился вчерашний школьник, даже не пошевелился.

— Я никуда не уйду, — сказал он. — Не для того я столько ждал, чтобы теперь уходить. Ступай — иди одна. Вон — и твой женишок к нам уже спешит!

Настасье пришлось отвернуться от Сашки, чтобы посмотреть в ту сторону, куда тот указывал. И тотчас Настасья встретила взглядом с Максом, который резко взмахнул левой рукой, в которой был зажат какой-то блестящий предмет. Наверняка снова призывал их: уходите! Но девушка только качнула головой и взглядом показала на Сашку, проартикулировала: *Он не уйдет!*

Макс что-то пробормотал, и Настасья могла бы поклясться: её жених нецензурно выругался. Однако это ни на мгновение не замедлило его продвижение вперёд. Так что не прошло и пяти секунд, как он протолкался к парапету. И очутился лицом к лицу с человеком, сжимавшим в руках нелепый плакат: бывшим директором зоопарка Зуевым.

— Что это он хочет сделать? — громко спросил Сашка. — Спасти эту мразь?

И он, выдернув свой рукав из пальцев Настасьи, двинулся вдоль парапета к Максиму, Зуеву и нескольким людям в штатском, которые настойчиво пытались оттеснить Макса от "пикетчика". Один из них даже схватил Макса за плечо, но тот, мгновенно к нему повернувшись, что-то ему сказал — тихо и яростно. И *хвататель* мгновенно его плечо отпустил. А потом ещё и сделал большой шаг назад.

В следующий миг Настасья заметила, что к ним с Сашкой пробирается сквозь толпу ещё кое-кто: её мать, за которой по пятам, шаг в шаг, следовал господин Ф. Настасья удивилась тому, что они идут именно таким порядком. По её мнению, руководитель ОСБ должен был бы следовать первым. Но потом она заметила, как её мать что-то раз за разом повторяет, обращаясь к создающим для них препятствия людям. И те будто растекаются в разные стороны, освобождая им с господином Ф. дорогу.

— Маша! — крикнула Настасья. — Помоги Максиму!

И та явно расслышала её слова, но в ответ лишь коротко качнула головой, словно бы говоря: я ничего не могу сделать.

И Настасья не стала терять время на то, чтобы снова к ней взывать — перевела взгляд на своего жениха.

За прошедшие несколько мгновений с Петром Петровичем Зуевым произошли перемены. Во-первых, с головы его был теперь сброшен капюшон. Наверняка Макс постарался. Голова *обновленного* Зуева оказалась начисто лишена растительности; то ли

лысым был донор экстракта Берестова, который ввели бывшему директору зоопарка, то ли у Петра Петровича осталась эта черта после пребывания в ипостаси безликого. Во-вторых, Макс отвел в сторону плакат, который Зуев держал — но не отобрал его, не бросил на крышу. Вместо этого Настасьин жених просунул под этот плакат левую руку и проделывал там какие-то манипуляции, разглядеть которые Настасья не могла. Зуев при этом по-прежнему стоял неподвижно, и его открывшееся лицо отображало полнейшее равнодушие ко всему происходящему.

— Настасья! — услышала девушка голос своей матери. — Беги оттуда! Ради Бога, беги!

Голос Маши выражал абсолютное отчаяние. Но девушка даже не посмотрела туда, где находилась сейчас её мать. Будто зачарованная, Настасья наблюдала за тем, что проделывал Макс.

Он явно что-то закрепил на руке бывшего директора зоопарка, а потом вскинул свою правую руку, в которой сжимал маленькую вещицу, напоминавшую автомобильный брелок. И тут к нему протиснулся Сашка — крепко схватил Макса за запястье правой руки. А потом что-то спросил — слишком тихо, чтобы Настасья могла его слова разобрать. Но зато ответ Макса она прекрасно расслышала — тот выкрикнул зло и отрывисто:

— Двадцать секунд, самое большее!

И подбородком указал на что-то, находившееся на теле бывшего директора зоопарка.

Сашка разжал пальцы, и Макс тотчас же надавил на брелок — который оказался отнюдь не автомобильным. Раздался резкий, свистящий звук, от которого у Настасьи — хоть она совсем даже не рядом стояла — разом заныли все зубы. И одновременно с этим звуком до девушки долетел запах: вонь горелой плоти и жженой кости.

И тут лицо Зуева наконец-то утратило своё флегматическое выражение — на нем отобразилось неестественное, словно бы удивленное страдание. А потом бывший директор зоопарка завопил — пронзительно и протяжно, словно бы персонаж какого-нибудь старинного фильма ужасов, какие Настасья смотрела когда-то вместе со своим отцом, изображавшим её деда.

И одновременно с наивысшей нотой этого вопля рука Зуева отваливалась и бескровным обрубок упала на крышу. Вместе с плакатом и с каким-то устройством, которое на этой руке закрепили и прикрыли обычным листом ватмана для камуфляжа. Блестящий браслет отсек эту руку примерно на уровне середины предплечья — срезал начисто. "Лазерный скальпель", — прошептала Настасья. Только теперь до неё дошло, какие именно манипуляции произвел её жених: закрепил браслет-скальпель на руке бывшего директора зоопарка. Выше того устройства, которое на этой руке находилось. И снять которое, по-видимому, не представлялось возможным.

А в следующий момент Макс поднял отсеченную руку Зуева и с размаху метнул её в гигантский раструб вентиляционного продува. После чего две вещи произошли одновременно: раздался звук взрыва и стальная заслонка продува опустилась резко, словно нож гильотины.

Февраль — март 2087 года

1

Берестов Максим Алексеевич, реальный возраст которого приближался к тридцати пяти годам, хоть он и выглядел юношей, де-факто стал третьим президентом биоинженерной корпорации "Перерождение". Пусть даже де-юре и считался вторым. И уже полтора месяца, как он занимал кабинет на сорок четвёртом этаже головного офиса корпорации. Кабинет с панорамным окном, выходившим на Финский залив.

В марте погода в Санкт-Петербурге всегда стояла сырая, промозглая — это Макс помнил ещё со времён своего детства, проведенного в столице Евразийской конфедерации. И сейчас он наблюдал, как дождевые струи прямо-таки размазывало ветром по сверхпрочному, армированному оконному стеклу. Возникла полная иллюзия, будто дождевые капли падают вовсе не вниз. Некоторые из них перемещались во стеклу вбок, стремясь к боковым откосам огромного окна. А некоторые и вовсе выворачивали вверх — вопреки закону всемирного тяготения. И ползли, хоть и медленно, под ажурный козырек окна.

Из-за густых темно-серых туч, обложивших небо, рассвет в ту мартовскую пятницу словно бы и не наступил. И в кабинете Макса горел свет — из-за которого он почти не мог разглядеть панораму города, раскинувшегося внизу.

Зато в оконном стекле Макс видел сейчас свое собственное отражение. Темноволосый, темноглазый, с гладкой матовой кожей — он куда больше походил на героя какого-нибудь старинного сериала для подростков, а не на президента глобальной инновационной гиперконкурентной компании, от усилий которой зависели сегодня жизни чуть ли не всех, кто населял Евразийскую Конфедерацию. Да что там: от разработок «Перерождения» зависело благополучие половины Евразийского материка. И это еще — по меньшей мере. И первым лицом в такой компании почти наверняка должен был сделаться кто-то, имевший хотя бы солидный вид — не такой, как у её нынешнего президента. Так что Макс от оконных стекол отвернулся и громко произнес:

— Занавесить окно!

После чего шторы в его кабинете стали медленно, бесшумно сдвигаться — пряча от взгляда президента корпорации и его собственное отражение, и мокрые дорожки на стекле, оставленные обезумевшими дождевыми каплями. Когда Макс только-только занял этот кабинет, то решил: будет неплохо, если его отец оснастит тут всё приспособлениями *умного дома*.

«Наш с Дениской отец», — тут же поправил сам себя мысленно Макс. И воспоминание о погибшем брате вызвало у него болезненный спазм в горле. Так что даже пришлось откашляться. Он и сам не ожидал, что до такой степени будет по своему брату-врагу тосковать. А профессора (*Фила — Филиппа Андреевича Рябова*) так и не привыкнет видеть с Денискиным лицом.

Да, теперь с этим несусветным обманом было покончено. Филипп Андреевич Рябов подписал полное признание в присвоении чужой личности. Но, поскольку экстракция

Дениса Молодцова была произведена уже после смерти, уголовное преследование Филу не грозило. Он всего лишь вынужден был покинуть пост президента "Перерождения". И ему надлежало возместить все денежные суммы, полученные им в качестве первого лица глобальной корпорации. Но — угрызений совести Макс после этого меньше ощущать не стал. Он не сумел — и не захотел — помешать Филиппу Рябову занять место Дениса. Поскольку понимал: такого случая начать внедрение технологии реградации в самые короткие сроки ему ни за что бы не представилось, если бы не содействие Филиппа Андреевича. И это являлось непреложной истиной — даже с учётом того, что его несостоявшийся тесть решил потом пойти на попятный.

Однако завершить ревизию своих прегрешений Максим Берестов не успел. Из коммутатора, стилизованного под прибор конца двадцатого века, послышался голос его секретарши Марины:

— Максим Алексеевич, 14.30! Вы помните об интервью? Корреспондентка Единого новостного канала уже здесь!

— Через две минуты можете её приглашать! — распорядился Макс.

А затем привстал с кресла и оправил на себе светло-серый двубортный пиджак, и заодно проверил узел галстука — не скособолен ли? Но — и костюм его, и галстук пребывали в идеальном порядке. Придаться корреспондентке было бы не к чему.

Он подумал: это словцо — *корреспондентка* — еще в середине нынешнего, двадцать первого века сочли бы просторечным. Однако с тех пор много словарей — *лексиконов* — отправили в макулатуру. А сейчас такие вот словечки, когда-то считавшиеся устаревшими, стали на каждом шагу употреблять на всей территории бывшей Российской империи. Модное веяние: *неоархаизмы*.

Телевизионная корреспондентка позвонила ему еще на прошлой неделе.

— ЕНК поручил мне взять интервью у нового президента корпорации "Перерождение", — начала она тот разговор, сразу же отметая все вопросы, которые — вдруг! — могли бы у него, президента "Перерождения", возникнуть.

Первым побуждением Макса было — отказаться, никакого интервью не давать. Но, раздосадованный на самого себя, Макс тогда ответил:

— Буду рад рассказать о новой эре корпорации зрителям ЕНК. Но у меня будет одно условие: не задавать мне вопросов о деятельности моего предшественника. Говорить о нем я не желаю.

«Как будто она не знает», — тут же съехидничал он мысленно над самим собой. Однако не удержался и прибавил — больше из-за смущения, охватившего его, едва он услышал голос этой самой корреспондентки:

— Намерения его наверняка были благими, но всем известно, куда именно вымощена дорога такими намерениями!

Собственный тон показался Максиму ворчливым, даже брюзгливым. Как будто ему было не тридцать пять, а, скажем, восемьдесят пять лет. Однако корреспондентка ничего неприятного как будто и не заметила.

— Да, я знаю, куда, — сказала она просто. — Мне и справки наводить не нужно!

И на том их телефонная беседа завершилась.

Так что — о сегодняшнем интервью Макс, конечно же, помнил. Он вообще не имел привычки забывать о чем бы то ни было. «У тебя, Максимка, память как у слона», — частенько говаривала его бабушка по материнской линии, Вера Васильевна. Причем

произносила она это далеко не всегда в позитивном контексте — дескать, есть вещи, о которых лучше было бы забыть.

— Кто старое помянет, — любила еще Вера Васильевна прибавлять, — тому глаз вон!

Но вот отец Макса — если он при таких разговорах присутствовал — неизменно парировал:

— А кто старое забудет — тому оба вон!..

Уж он-то всегда был на стороне своего мальчика. Вот только — чего бы он сам, Максим Алексеевич Берестов, не отдал, чтобы позабыть навсегда некоторые дни своей жизни! Да вот, хотя бы — то день, когда он согласился возглавить корпорацию "Перерождение".

2

После событий, случившихся в минувшее Рождество, Мария Рябова не отправилась ни в тюрьму, как ожидал Макс, ни в клинику для душевнобольных преступников — на что, быть может, рассчитывал Фил. Фактически она получила полную амнистию — как пострадавшая от недобровольной экстракции. Этому потребовали представлявшие самые разные правозащитные организации юристы, включая Ирму фон Берг.

Этой барышне всё оказалось нипочем. Макс знал со слов своего отца, что именно она застрелила полковника Хрусталева. Конечно, в свете всего случившегося никаких обвинений ей не предъявили — её действия квалифицировали как необходимую самооборону. Но и сама Ирма из-за того выстрела нимало не переживала. И благополучно сумела избежать модного диагноза *ПТСР* — посттравматическое стрессовое расстройство, хоть и оказалась захваченной в заложницы. И, невзирая на то, что угрожал ей тогда пистолетом именно сподвижник Марии Рябовой, Ирма не проявляла к Настасьиной матери ни малейшей неприязни.

Но все же — Макс никак не ожидал услышать от барышни фон Берг то, что она передала ему, когда в начале февраля заявила без предупреждения в квартиру Берестовых на Большой Никитской.

— Марья Петровна Рябова находится сейчас в санатории "Перерождения", как тебе наверняка известно, — начала тогда Ирма.

И — да: Макс, конечно же, о местопребывании госпожи Рябовой знал. Причём находил довольно-таки ироничным тот факт, что его несостоявшуюся тещу поместили в тот самый подмосковный санаторий для реградантов, захват которого она сама же и организовала в первых числах января. В это же заведение благодаря Максиму были также отправлены на реабилитацию Наташа Зуева и Сашка Герасимов. И Макс даже самому себе с неохотой признавался в том, что устроил он близкое соседство бывших одноклассников из своих собственных расчетов. В надежде на то, что Сашкина подростковая влюбленность в Наташу выльется во что-то взрослое и серьезное. Но Сашка на присутствие бывшей одноклассницы даже и внимания не обращал. И только спрашивал все время персонал санатория о Настасье Рябовой. Сашка явно влюбился в неё. И Максиму отчего-то была неприятна эта мысль — невзирая на полный разрыв с бывшей невестой.

— Да, о Марье Петровне мне всё известно, — сказал он Ирме. — Как я понимаю, она решила нанять тебя, чтобы ты представляла её интересы?

— Верно. — Барышня кивнула. — Потому-то я и пришла к тебе, дружок. Моя клиентка хочет, чтобы ты навел на неё в подмосковном санатории. Прямо сегодня. Если

хочешь, поедем вместе на моей машине — она припаркована прямо у твоего подъезда. И, кстати, за рулём — Алекс. Мы решили, что станем жить в Москве, когда поженимся. И наша свадьба — через месяц. Ты получишь приглашение, разумеется.

Это её бархатный голос с легчайшим немецким акцентом — он почти убаюкивал. И Максу пришлось сделать над собой усилие, чтобы ответить насмешливо и грубо:

— Чего хочет твоя клиентка — это уж точно не мои проблемы. Можешь передать госпоже Рябовой, — он осекся, поняв, что это прозвучало двусмысленно, и уточнил: —... передать *Марье Петровне* Рябовой от меня кукиш с маслом. Или как вы, немцы, говорите — *Pustekuchen!* — И для вящего эффекта он ещё и сложил пальцы правой руки в неприличную дулю.

Но, если он рассчитывал смутить барышню фон Берг, то напрасно. Та при его словах и не поморщилась.

— Моя клиентка, — сказала она, — предполагала, что ты не проявил энтузиазма. А потому просила тебе передать: встретиться с ней — в интересах твоей семьи. Она ни в коем случае не пытается угрожать твоему отцу, отнюдь нет. Но — в случае, если ты отклонишь её просьбу, она может случайно припомнить, кто именно вел машину, которая доставила вас всех в ту ночь к зданию ЕНК. Конечно, для тебя благополучие Ольги Андреевны Булгаковой может особой роли и не играть. Однако у Алексея Фёдоровича может быть иное мнение на сей счёт. Это не мои слова — я дословно цитирую мою клиентку.

Вот так и вышло, что в первую неделю февраля Максудовелось ещё раз побывать в Егорьевском уезде Московской губернии. Разумеется, поехал он туда на своей собственной машине. Но электрокар Ирмы, за рулём которого сидел бывший рижский полицейский Алекс, следовал по пятам. Как будто барышня фон Берг опасалась, что он, Максим Алексеевич Берестов, в последний момент передумает и повернет обратно.

Тот день выдался куда более вьюжистым и морозным, чем шестое января. И парковочная площадка перед санаторием была полупустой: всего шесть электрокаров, явно — принадлежавших персоналу — стояли на ней в ряд. Ни одного человека поблизости Макс не увидел. Из метели не появлялись ни тележурналисты, ни полицейские, ни, паче того, террористы. И только медноствольные сосны всё также величаво вздымали свои темно-зеленые головы чуть в стороне от санаторного корпуса — невозмутимые, словно викторианские аристократы.

В палату своей несостоявшейся тётки Макс пошёл один. Слава Богу, у Ирмы хватило ума остаться в машине — не сопровождать его и в здании тоже, не раздражать ещё больше. Он и без того ощущал себя ввинченным сверх всякой меры. Причём даже не из-за того, что Мария Рябова побудила его приехать сюда при помощи плохо завуалированного шантажа.

Ирма не могла этого знать, но никаких угроз Марьи Петровны он, Макс, не боялся. Не имел оснований бояться. Существовала куда более веская причина, подтолкнувшая его совершить поездку в Егорьевский уезд. Чего бы там ни хотела от него Марья Петровна, сам-то он хотел одного: поговорить о Настасье. С которой он после событий в штаб-квартиру ЕНК и десятком слов не перемолвился. Она уехала тогда со своим отцом, не сказав Максудову — куда. А при расставании только и спросила:

— Можно, Гастон пока побудет пока со мной?

И Макс, конечно же, сказал: "Можно". Хоть и понятия не имел, как он будет обходиться без своего ньюфа. Но — если бы потребовал немедленного возвращения их общего пса, могло бы возникнуть впечатление, что таким способом он, Макс, вознамерился наказать

Настасью за то, что она его бросила. А создавать такое впечатление Макс не желал. Категорически. Ну, уж нет, дамы и господа, только не это. Наказывать Настасью ему было не за что. А если бы и было за что, он скорее согласился бы пройти новую трансмутация без наркоза, чем стал бы это делать.

Палата Марии Рябовой, куда Макса привела медсестра в коротеньком, идеально подогнанным по фигуре, белом халате, больше походила на номер-люкс в пятизвездочном отеле. И даже решётки на окнах — явно ручной ковки, с затейливыми завитками и пышными чугунными розами — не портили впечатления.

Марья Петровна сидела на мягком кожаном диване возле зарешеченного окна — лицом к двери, явно поджидая посетителя.

— Я очень рассчитывала, что вы придете, Максим Алексеевич, — произнесла она так, словно Макс наносил ей светский визит. — Прошу вас, присаживайтесь!

И жестом королевы она указала ему на кожаное кресло, стоявшее от её дивана чуть сбоку. Наверняка понимала: садиться с нею рядом на диван посетитель не захочет.

Но Макс не захотел садиться вовсе.

— Благодарю, я предпочту постоять. Не думаю, что наш разговор затянется. — Макс прикрыл за собой дверь, но отходить от неё далеко не стал.

Марья Петровна оглядела его с головы до ног. Свою куртку он оставил в гардеробе, и теперь на нем были только джинсы и свитер — вероятно, не самая подходящая одежда для визита к королеве. Она-то сама облачилась отнюдь не в больничный халат, а в *английский костюм*: — синий шерстяной жакет без воротника и юбку фасона "миди".

— Стойте, если вам угодно, — сказала Марья Петровна. — Тем более что разговор наш и вправду не должен выйти долгим. У меня, собственно, будет к вам одна-единственная *просьба*: стать преемником моего мужа Фила. Занять кресло президента "Перерождения", которое ему в связи с открывшимся обстоятельствами пришлось освободить.

Макс едва не расхохотался — гомерическим смехом. Да, он ожидал от своей несостоявшейся тёщи какой-нибудь нелепицы, однако всему же есть предел!

— А то что? — спросил он. — Вы найдёте способ очернить Ольгу Андреевну Булгакову, завлита Художественного театра, чтобы подгадить моему отцу? Или, быть может, представите, что они все действовали сообща: мой отец, Ольга Булгакова и герр Асс, которому они совместными усилиями придумали *булгаковский* псевдоним?

Марья Петровна его тираде только улыбнулась. И эта её улыбка — чуть хитроватая, почти ребяческая — мгновенно заставила Макса вспомнить о Настасье. Мимика людей не меняется при трансмутации: мать и дочь улыбались совершенно одинаково.

— Вы уж очень невысокого мнения обо мне, Максим Алексеевич. Вы бы еще предположили, что я стану на вас воздействовать силой внушения! А, впрочем, мы оба знаем: после неоднократных трансмутаций человек становится невосприимчив к внушению реградантов. Я никоим образом не угрожаю ни вашему отцу, ни его пассивности. Однако подумайте вот о чем: очень ли сильно старался мой муж Фил сделать так, чтобы ваше совместное детище — технология реградации — получила повсеместное распространение?

Макс только поморщился — ничего не ответил. Да Марья Петровна его ответа и не ждала — продолжила себе говорить:

— Фил готов был разрушить и вашу жизнь, и жизнь нашей Настасьи, лишь бы только не дать этой технологии хода. Вы ведь уже в курсе, что это он вынудил Настасью с вами порвать? Дабы потом она выдвинула вам условие — что она возобновит вашу с ней

помолвку, если вы признаете своё неполное авторство в технологии реградации? Представьте, сколько лет ушло бы на судебные тяжбы, когда вам пришлось бы доказывать, что без вашего участия технология Филя никогда не была бы доведена до практического применения? И сколько безликих погибло бы за это время — хотя их всех можно было бы спасти? Настасья — та всё это поняла очень быстро. Поэтому-то и не может теперь себе простить, что пошла на поводу у своего отца.

— Она ни в чем не виновата. — Макс, не осознавая сам, что делает, подошел к тому креслу, на которое давеча указывала ему Марья Петровна, и тяжело в него опустился.

— Я говорила ей об этом много раз, когда она меня навещала. Но что толку? Она считает — и не без оснований — что по вине её родителей технология реградации оказалась скомпрометированной. Да, да, я несколько и с самой себя не снимаю вины за всё случившееся.

— Ну, тогда сделайте одолжение себе и мне: перестаньте ходить вокруг да около! Чего вы на самом деле от меня хотите?

— Да, собственно, того же, чего вы сами хотите, бесценный Максим Алексеевич! Вышло так, что наши с вами интересы полностью совпадают. И не нужно хмыкать и крутить головой! Сейчас вы сами поймете, что я права. Я обещаю дезавуировать заявления Александра Герасимова о силе внушения реградантов. И мне поверят, уж будьте благонадежны. Но и вы должны сделать кое-что: осуществить новую разработку. Создать препарат, который поможет реградантам преодолеть *эмоциональную нестабильность* — как это называет моя адвокатесса. И, чтобы синтезировать подобный препарат в кратчайшие сроки, вам понадобятся все ресурсы "Перерождения".

— А вы ни о чем не забыли, часом? Я — самый одиозный ученый, каких видел свет. Акционеры "Перерождения" рехнулись бы, если я попробовал возглавить корпорацию. Рыночная капитализация компаний вам не подвластна, если вы не в курсе.

— Ну, — проговорила Марья Петровна, поднимаясь с дивана и мимолетным движением оправляя на себе юбку, — эту проблему я намерена решить прямо сегодня. Ирма фон Берг дожидается меня сейчас в своей машине. И она заранее испросила разрешение у руководства санатория, чтобы я могла на полдня покинуть это замечательное заведение. Так что мы прямо сейчас совершим поездку.

3

Макс до такой степени погрузился в свои воспоминания, что даже слегка вздрогнул, когда дверь его кабинета распахнулась, и Марина пропустила внутрь корреспондентку. К удивлению Макса, девушка пришла одна — не в сопровождении телеоператоров, как он ожидал.

Он ощутил укол беспокойства — болезненный, как если бы ему вогнали иглу глубоко в ладонь. В ладонь правой руки — в которой он задержал на секунду или две руку девушки, протянутую для рукопожатия. Впрочем, рукопожатие всё равно показалось ему мимолетным. А корреспондентка уже угнездилась на стуле, стоявшем через стол от кресла Макса.

— А где же телеоператор? — спросил Макс — хотя ответ и так представлялся очевидным.

— Зачем он мне — этот оператор? — Девушка пожала плечами и поставила на стол

Макса миниатюрную видеокамеру. — Я сама произведу запись. Надеюсь, возражений не будет?

И что, спрашивается, Макс должен был отвечать? Он родился не вчера и отлично понимал: если вам кажется, что с вами ведут какую-то игру, то — вам совсем даже не кажется. Однако — не спорить же ему было с новоиспеченной журналисткой? И он сказал:

— Разумеется, я не возражаю. Мы можем начинать? Или, быть может, я вначале всё-таки смогу получить список вопросов для ознакомления?

Собственно, список он просил у неё еще в прошлый раз, но тогда корреспондентка отговорила. Сказала, что она избрала для себя журналистское кредо: заранее интервьюируемого с вопросами не знакомить. И сейчас девушка сделала вид, что даже и не слышала его вопроса. Это было совершенно в её духе. Она установила видеокамеру так, чтобы объектив смотрел на Макса, и спросила — явно для проформы:

— Итак, мы можем начинать?

При этих её словах Макс послышалась за дверью кабинета, в его приёмной, какая-то возня. Однако он особого значения ей не придал. Пусть Марина во всём разбирается — ему-то уж точно сейчас не до того.

— Да, не будем тянуть время, — кивнул он. — Какой будет первый вопрос? Полагаю, не о том, в каком возрасте я увлёкся генетикой?

Он попробовал улыбнуться, но представил, как его улыбка должна выглядеть сейчас со стороны — и тут же её погасил. Скроил серьёзную мину.

Корреспондентку, однако, его шутка явно позабавила. И на губах её возникла усмешка: лукавая, чуть ребяческая.

— О, нет. — Девушка включила видеокамеру. — Мой первый вопрос будет о другом. Каково это было — навсегда расстаться со своим инкогнито?

Макс размышлял не меньше минуты, прежде чем ответить.

Он подумал: если бы Мария Рябова не уничтожила его инкогнито так быстро и безвозвратно, решил бы он сам когда-нибудь на такой поступок? А главное тогда решил бы он сам, без давления извне, вернуться в корпорацию, покинутую много лет назад? И как приняли бы нового (*старого*) руководителя нынешние акционеры и прежние коллеги, когда б ни Марья Петровна?

Он вспомнил ту их февральскую поездку — когда они на двух разных электрокарах прибыли в московский офис "Перерождения". Где — сюрприз, сюрприз! — как раз проводил выездное заседание совет директоров корпорации. И Макс, злорадствуя мысленно, заявился на его заседание в джинсах и толстом свитере с высоким воротом.

То, что случилось потом, он, Максим Берестов, должен был бы предвидеть. Но вот, поди ж ты — не предвидел. А ведь он знал: большинство тех, кто заправлял делами в "Перерождении", успело уже пройти трансмутацию. И, поскольку выбор у этих людей был огромный, и финансы позволяли, они с самого начала выбрали для себя такие физические параметры, которые устраивали их полностью. Так что — в повторном перерождении никакой потребности у членов совета директоров не возникло.

— Я рада представить вам, — сказала им всем тогда Марья Петровна Рябова, — нового президента корпорации — Максима Алексеевича Берестова. Осталось только уладить формальности — сейчас вы все проголосуете за его кандидатуру.

И — уже три дня спустя Макс покинул квартиру своего отца на Большой Никитской. Перебрался в продуваемый ветрами Санкт-Петербург.

А теперь Макс ответил корреспондентке:

— Расстаться с инкогнито оказалось нетрудно — в свете того, что сейчас рядом с мной нет близких мне людей, которые могли бы пострадать из-за раскрытия моей истинной личности.

На миг девушка смешалась — или, возможно, Максу это просто померещилось. Но улыбка с её лица пропала — это точно. А за дверью своего кабинета Макс опять услышал звуки какой-то непонятной возни. И ещё — приглушенно прозвучал голос его секретарши, которая явно увещевала кого-то.

Корреспондентка между тем быстро совладала с собой, задала свой следующий вопрос:

— Ну, а в плане личной безопасности не возникло никаких проблем? Нашим телезрителям я напомню, — прибавила девушка, даже не развернув в свою сторону единственную видеокамеру, — что Максим Алексеевич Берестов является автором того самого изобретения, на основе которого корпорация «Перерождение» десять лет назад начала внедрение технологии трансмутации. Что привело к известным всем катастрофическим последствиям. Патенты, проданные господином Берестовым «Перерождению», можно считать самой ценной интеллектуальной собственностью корпорации. Без них её деятельность стала бы невозможной.

Макс не хотел впадать в раздражение, но ничего не сумел с собой поделаться: в словах корреспондентки слишком явственно проступила недобрая, ядовитая подоплека.

— Так я не понял, в чем была суть заданного вопроса? — спросил он. — Или ты, Настасья, решила приехать сюда из Москвы только затем, чтобы напомнить мне: это из-за меня начался глобальный хаос? Если да, то тебе не стоило и трудиться. Я и без того ни на минуту об этом не забываю.

Его бывшая невеста протянула руку к видеокамере и остановила запись. А её прекрасное лицо сделалось совсем уж детским. Казалось, ей сейчас не девятнадцать лет, а снова — девять, как в тот год, когда её мать и дед стали жертвами колберов. И в который уже раз Макс подумал: он должен обратиться на ЕНК — в тамошний совет по этике. И поставить перед ним вопрос: допустимо ли было нанимать в качестве корреспондента медиа-гиганта юную девушку, не имеющую ни журналистского образования, ни опыта работы на телевидении, ни жизненного опыта как такового? Нанимать — исходя только из пиар-мотивов: чтобы привлечь внимание зрителей, следивших за той рождественской историей? И, уж конечно, заметивших исключительную Настасьину красоту.

— Настасья, — быстро проговорил он, — извини, что я вспылел! На самом деле я...

Он собирался сказать: *очень рад тебя видеть*. Однако его бывшая невеста перебила его:

— Мой вопрос, — проговорила она, — сводился к тому, что я хотела узнать: уверен ли ты на сегодняшний день в своей личной безопасности? Что ты думаешь о тех обстоятельствах, при которых погиб твой брат? Считаешь, его гибель была случайной? Не опасаясь, что следующую свою атаку "Добрые пастыри" совершат на тебя? Ведь это лишь по официальной версии их организация перестала существовать!

— Я думаю, — сказал Макс, — всего этого просто не должно было произойти. Но — всё это произошло. Всё то, чего я не опасался, потому что считал это невозможным. И мои разработки привели мир чуть ли не к апокалипсису. И Денис погиб на моих глазах. И — ты решила со мной порвать. А что касается *добрых пастырей* — так это просто мелочь. Поскольку я считаю их атаку *возможной*. Так что — меня охраняют на совесть. Можешь в этом не сомневаться.

Настасья вскинула подборок — поглядела Макс у прямо в глаза. И на губах её снова возникла улыбка, вот только — очень уж грустная.

— Ну, — сказала девушка, — безопасности слишком много что не бывает. И кое-кто вполне способен сделать твою жизнь более безопасной. А потому я хочу вернуть его тебе. Он очень по тебе скучает. Даже похудел, по-моему.

Макс на миг ощутил такое давление в груди, что едва сумел сделать вдох. Он, уж конечно, понял, о ком ведёт речь его Настасья — вернее, больше уже *не его* Настасья. И наконец-то он уразумел, что это за возня доносилась из его приёмной. И всё же — он даже с места не сдвинулся при этих Настасьиных словах. Слишком боялся потерять её взгляд.

— А ты? — спросил он. — Что же — ты?

— Мне придётся обойтись без Гастона. — Её улыбка сделалась ещё более печальной.

— Не изображай дурочку — это тебе не идёт! — Он зло дернул головой, но — по-прежнему глядел при этом в её зелёные глазищи, которые явно начинали наливаться слезами. — Неужели тебе — всё равно? Гастон меня не забыл, а ты?..

Она всё-таки опустила, глаза, однако Макс увидел в этом добрый знак. И повторил так громко, что это больше походило на крик:

— А ты?!

Но — ответить ему Настасья не успела. Какими бы словами ни увещевала секретарша его ньюфаундленда, они явно не имели ровным счётом никакого значения в сравнении с криком его хозяина. В следующий миг раздался такой звук, как если бы кто-то ударил тараном в дубовую дверь. Она распахнулась, и в кабинет президента "Перерождения" ворвалась чёрная мохнатая комета. Прямо через стол она метнулась к Макс у, сшибив на пол видеокамеру Настасьи. А затем — кресло Макса в один миг откатилось назад, к стене. И повезло ещё, что эта стена оказалась близко. А не то он, Максим Алексеевич Берестов, великий генетик, грянулся бы со всего маху вместе со своим креслом на пол. Поскольку огромный чёрный пес — весом в семьдесят пять килограммов — прыгнул на него сверху, нимало не заботясь об устойчивости хозяйской офисной мебели.

Гастон уперся здоровенными задними лапами в пол, передними — в грудь хозяина, и принялся мусолить ему лицо языком с таким самозабвенным восторгом, что Макс даже о Настасье на миг позабыл. Он ощутил, как глупая, счастливая улыбка растянута его собственные губы, а когда ему удалось чуть отодвинуть от себя круглую башку Гастона, у того на морде сияла почти такая же улыбочка. Темно-карие глаза пса светились, как два куска янтаря на солнце, с розового языка капала слюна, и весь костюм Макса покрылся, словно чёрной паутиной, собачьей шерстью. И — это был один из самых счастливых моментов в жизни новоиспеченного президента "Перерождения".

Но, когда он наобнимался с Гастоном и все-таки ссадил его на пол, Настасьи в кабинете уже не было. Макс и не заметил, в какой именно момент девушка ушла. И только её видеокамера так и осталась лежать не полу — хоть при падении она и не разбилась.

Господин Ф. уже три месяца кряду впадал в раздражение, когда за воротами своего загородного дома в ближнем Подмоскowie видел электрокар с водителем, присланный с Лубянки. И не потому вовсе он раздражался, что считал это неуместной бравадой перед

соседями. Тех увозили от ступеней от ступеней их домов машины куда более дорогие, чем демократичный седан «Лада», выбранный руководителем ОСБ в качестве служебного авто. И даже не в том состояло дело, что номера у этого седана были специфические — какие полагались только конфедератским чиновникам высшего ранга. Причина, по какой руководитель ОСБ так невзлюбил служебный транспорт, от которого он не мог отказаться, не вызвав при этом подозрений, состояла в ином. Уже три месяца в его доме проживал постоялец, коего он отнюдь не планировал показывать лубянскому водителю. Пожалуй что, его водителя хватил бы Кондратий, познакомься он с этим постояльцем накоротке. А наносить ущерб здоровью своих подчиненных господин Ф. уж точно не хотел.

Он отлично понимал, что совершил непростительную глупость, когда он решил поселить в своём доме такого *жильца*. В Своде законов Евразийской Конфедерации деяние господина Ф. имело совершенно конкретное название: *сокрытие улик по делу*. И руководитель ОСБ об этом отлично знал.

«Но ведь реального вреда от этого никому нет», — с привычной легкостью мысленно произнес он себе в оправдание тем субботним утром. Легкость эта, впрочем, обусловлена была весьма приятным для него фактом: вовсе не лубянский транспорт прибыл за ним сегодня. Так что господин Ф. шагнул со ступеней своего особняка на обдуваемый теплым воздухом тротуар не один — в сопровождении того самого жильца, три месяца назад им присвоенного и с тех пор от всех скрываемого.

На тротуаре, припаркованный под небольшим углом к бордюру, стоял белый лимузин «Руссо-Балт — Парус». Историю этих авто господин Ф. помнил со школьной скамьи. Когда-то давно, при государе императоре Николае Втором, «Руссо-Балты» производили в Риге. А уже в двадцать первом веке московский АЗЛК возродил легендарную марку. И стал выпускать под ней электрокары представительского класса. Эмблема «Руссо-Балта» осталась при этом прежней, имперской: золотой двуглавый орел. И спутник господина Ф. воззрился на этого орла не просто с интересом: взгляд его темно-карих глаз сделался сияющим, жадным.

— Я видел такие машины раньше, в том городе!.. — произнес он (по счастью, очень тихо произнес, так что услышал его только сам господин Ф.), а потом осмотрел машину всю: от багажника до капота, от колес до крыши.

Теплый ветерок из придомового воздуходува закручивал вокруг колёс машины крохотные пылевые вихри. А ещё — воздуходув издавал монотонное гудение, слегка приглушавшее остальные звуки. А не то водитель "Паруса" тоже запросто мог бы повредиться здоровьем — если бы услышал совершенно безобидную фразу, произнесенную одним из двух его пассажиров. Они оба устроились на заднем сиденье — господин Ф. и его спутник. После чего электрокар с золотым орлом на капоте бесшумно рванул с места. И за пару секунд разогнался до ста десяти верст в час. Руководитель ОСБ знал: водитель не из лихачества решил прокатить их, что называется, с ветерком. Ехать им предстояло долго — до самого Санкт-Петербурга. Но — сесть на поезд или в самолёт с таким спутником господин Ф. уж точно не решился бы. О Своде законов он хорошо помнил.

Господин Ф. увидел их отражения в зеркале: своё собственное и своего спутника. И ему показалось, что тот улыбается. Причем улыбка эта словно бы говорит: "Я просто счастлив, что ты моих ожиданий не обманул!"

И руководителю ОСБ было от чего-то особенно приятно одобрение этого странного существа. Хотя у него самого, видит Бог, имелись поводы как для самобичевания, так и для

сугубой гордости после всего, что случилось в начале января.

Тогда он едва не допустил катастрофы — масштабы которой вышли бы не только за пределы Москвы, но и за границы ЕАК. Отец и сын Берестовы — вот кто спас тогда всех. А ему самому после всех допущенных ляпов и просчётов впору было бы написать прошение об отставке. Но — пусть это могло бы показаться парадоксальным, отказаться от этой идеи его побудили безрукий реградант Зуев и очень быстро шедший на поправку герр Асс.

Зуева тогда вернули в ту клинику, откуда незадолго перед тем он совершил свой немыслимый побег. Однако пришлось произвести психиатрическое освидетельствование мерзавца. И психиатры подтвердили: пациент не невменяем, по меньшей мере — временно. А, стало быть, принудительной экстракции не подлежит. И господин Ф. подумал тогда: он дожждется того момента, когда психику бывшего директора зоопарка приведут в норму, сколько бы времени это ни заняло. После чего пустил в ход всё своё влияние и все ресурсы ОСБ, чтобы добиться публичного процесса над ним. Исполнит не воплотившуюся пока мечту о возмездии, которую лелеял Александр Герасимов и все те, кто знал и любил детей, Зуевым беспощадно погубленных.

Ну, а с герром Ассом руководитель ОСБ поступил и проще, и изощреннее одновременно. Когда тот оправился после ранения, его тут же арестовала ОСБ. Но — господин Ф. немедленно поместил его не в тюремную камеру, а на конспиративную квартиру. После чего сделал официальное заявление: преступник-де готов дать обличающие его сообщников показания, но его адвокат требует в обмен на это соглашение об иммунитете. А пока сделка не заключена, пресловутый Асс будет находиться под охраной спецслужб. Конечно, руководитель ОСБ намерен был использовать его в качестве потенциального свидетеля по делу Марии Рябовой — в том случае, если она снова начнёт выкидывать коленца. О чем и сообщил отцу и сыну Берестовым, перед которыми он был в неоплатном долгу.

— Так что, — заверил он их, — эта дамочка ничем навредить вам не сможет. Уж на этот счёт можете быть спокойны.

5

В ту субботу Максим Берестов принимал посетителей не в служебном кабинете, а в своей петербургской квартире. Точнее, в квартире, которая досталась ему ещё от деда с бабкой по материнской линии. Здесь, на Набережной канала Грибоедова, город Санкт-Петербург смотрелся совсем не так, как из панорамного окна его кабинета. Да и день сегодня выдался совсем другой: за окнами старинной квартиры всюду изливалось ультрафиолет ослепительное мартовское солнце. Он предложил бы своим гостям прогуляться по городу, когда те прибыли. Но точно знал, что господин Ф. отвергает такое предложение. Он всё ещё опасался, что его диковинный питомец чем-нибудь себя выдаст.

Да Макс и сам, пожалуй, мог бы легко выдать себя удивлением — он даже ахнул, когда Гастон Девятый переступил сегодня порог его квартиры. А вот его собственный пес — которого и господин Ф., и господин Рябов именовали *Гастоном Первым* — выказал полнейший восторг при появлении своего двойника. Принялся прыгать вокруг него, словно всё ещё был щенком, и хвостом изображать султанское опахало. Так что в воздухе летали, словно тополиный пух, бесчисленные чёрные шерстинки. Весна — время собачьей линьки, как-никак.

— Рад видеть вас обоих, — сказал Макс, пожимая руку своему знакомцу руку. — Я не был уверен, что вы приедете, когда вчера вам позвонил.

— Это я его уговорил, — раздался вдруг голос — до того похожий на голос самого Макса, что тот даже вздрогнул.

Он не понял, кто говорил, и вопросительно глянул на руководителя ОСБ. Но тот лишь улыбнулся хитровой улыбкой и показал взглядом вниз — туда, где посреди прихожей стоял двойник Гастона. Его клон, созданный *профессором* — Филиппом Рябовым.

Этот двойник поглядел на Макса — иронически, как тому показалось. А потом сделал такое, что Макс, не устояв на ногах, с размаху сел на низенькую полочку для обуви, доставшуюся ему ещё от бабушки Веры Васильевны.

— Я очень хотел познакомиться и с вами, и со своим прототипом, — проговорил чёрный пес, приехавший вместе с господином Ф.

И Макс показалось, что даже у Гастона — *его* Гастона — отпала при этом челюсть. Его ньюф мгновенно перестал скакать вокруг своего двойника и даже слегка от него отшатнулся. А его темно-карие глаза вспыхнули воинственным зеленоватым светом.

— Ну, ну, Максим Алексеевич, — проговорил господин Ф., — не надо так переживать. Я же предупреждал вас: мой Гастон — не совсем собака. Я даже придумал для него наименование: *киноид* — по аналогии с андроидом.

Гастон Первый между тем подбежал к хозяину и встал между ним и своим двойником, заслоняя от него Макса широким черным боком.

— Всё в порядке, мальчик! — Макс потрепал его по голове — но сам смотрел при этом на господина Ф. — Как я понимаю, *киноид* — это значит *пес-киборг*?

— Именно так. И господин Рябов сумел так модифицировать голосовые связки кибер-собаки, чтобы дать ей возможность говорить[1].

Макс не выдержал — издал нервный смешок.

— А ещё *меня* называют безумным гением! — воскликнул он, однако при этом сам ощутил, что в голосе его прозвучало восхищение. — Но зачем профессору — в смысле, Филиппу Андреевичу Рябову — понадобилось делать своих киноидов копией моего Гастона?

— Как я понял с *его* слов, — господин Ф. тоже провёл ладонью по голове своего пса, — профессор намеревался осуществить подмену. Заменить своим кибер-псом вашего Гастона.

— Но смысл-то в этом какой был?!

— Да разве же непонятно? — И это снова подал голос Девятый. — Чтобы шпионить за вами. Может быть, и за своей дочерью шпионить тоже.

— Мы с ней расстались. — Макс сам ощутил, как поникли его плечи. — Она вчера уехала сразу после того, как вернула мне Гастона. И я навел справки: она вернулась в Москву. У неё там теперь работа — на Едином новостном канале.

Макс даже не знал, кому он это говорит — господину Ф. или его невероятному псу. И подумал: в равной степени смешно ему искать сочувствия и у того, у другого. Они оба в равной степени были ему чужими. Но господин Ф. неожиданно присел рядом с ним на полочку для обуви, произнес:

— Я это знаю. Моя организация круглосуточно охраняет Настасью Филипповну Рябову, как я вам и обещал.

Минуту или две они сидели молча. И Гастон Первый, совершенно успокоившись, уселся на пол возле ног Макса. А его говорящий двойник — тот и вовсе улегся посреди прихожей,

после чего в ней совершенно не осталось свободного места.

— Жаль, что мой Гастон не умеет говорить! — Макс то ли рассмеялся, то ли вздохнул — он и сам не понял. — Тогда, по крайней мере, я мог бы поговорить с ним о Настасье. Узнать, что она думает обо мне на самом деле. Как полагаете, это тоже могло бы считаться разновидностью шпионства?

— Я полагаю, — сказал господин Ф., — вы сможете лично выяснить у Настасьи Филипповны, что именно она думает о вас. Когда вы увидите с ней в следующий раз. Я, как и вы, уже довольно давно живу на свете. И за это время твёрдо усвоил одну вещь: всё ваше — к вам вернётся. А если нет — значит, это не было вашим с самого начала.

— А если нет, — сказал Макс, — тогда вернусь я.

Больше книг на сайте - Knigoed.net